ВЕРШИНА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

НОВИНКА

А. В. Котляров

«ДАУНШИФТИНГ БЕЗ ЭКСТРИМА: КРИЗИС НА ПИКЕ КАРЬЕРЫ»

В книге впервые на русском языке подробно описывается деструктивного состояния, подстегивающее современных менеджеров высшего и среднего уровня на вершине карьеры — дауншифтинг. Описаны предпосылки дауншифтинга, его общие признаки с зависимостью. Специальный раздел посвящен выявлению предвестников и признаков дауншифтинга для руководителей и службы рекрутинга. Содержащиеся в книге тесты помогут самому читателю и представителям службы подбора персонала выявить скрытые признаки дауншифтинга и предотвратить их до стадии кризиса. Понимание сути дауншифтинга позволит читателю найти конструктивные пути преодоления кризиса вершины карьеры. Авторский алгоритм поиска развивающих предпочтений поможет читателю добиться эффектов дауншифтинга, не разрушая свою карьеру, не нанося убытков предприятию и, самое главное, не ломая свою жизнь.

Количества страниц 264,

338 руб.

А. Хорн

«СТРАХ И НЕНАВИСТЬ В ОФИСЕ»

Множество страхов препятствуют успеху даже самого талантливого профессионала. Негативные эмоции лежат в корне конфликтов, способных подорвать работу целых компаний.

Эта книга поможет вам разобраться в себе, а также в типах и мотивах поведения коллег. Автор дает практические рекомендации, как уменьшить страх, недоверие и ненависть во взаимоотношениях, заменить их обоюдным уважением и чувством единства. Вы научитесь удерживать себя от суждений, способных вызывать негативные эмоции, и комфортно общаться с другими людьми.

Количество страниц 272, твердый переплет

НОВИНКА

А. Г. Данилин

«ПРОРЫВ В ГЕНИАЛЬНОСТЬ»

Беседы и упражнения

+ 2 аудиодиска

Синдром профессионального и эмоционального выгорания, чувство собственного бессилия и скуки знакомы каждому человеку. Уникальная книга известного психотерапевта А. Г. Данилина поможет справиться с этими проблемами — она откроет вам путь в гениальность и поможет сделать вашу жизнь легче и радостнее.

Вы станете подобны Леонардо да Винчи, Николе Тесле, Людвигу ван Бетховену, В. Ларину, П. И. Чайковскому, Р Майеру, другим гениям, фактами из жизни которых иллюстрирована книга.

Количество страниц 376 твердый переплет

Приобрести книги по оптовым ценам можно в издательстве. Книги также можно заказать через наш сайт www.vershinabooks.ru и приобрести в магазинах вашего города. Справки по тел. (495) 967 86 25 и info@vershinabooks.ru

смена

ИЮЛЬ • 2008

смена

7'2008

Издается с января 1924 г.

КСЕНИЯ СОБЧАК:
Живите, как живется!..

ВИКТОРИЯ МОРОЗОВА:
У нас все получилось!

АЛЕКСЕЙ ГУСЬКОВ:
Деньги же пахнут...

АЛЬФРЕД НОБЕЛЬ:
Завещание богатого бродяги

Smena 08007
9 770131 665607

СМЕНА
7'2008 № 1725

Издается с января 1924 года

Главный редактор
Михаил Кизилов

Главный художник
Надежда Веселова

Редактор отдела
Тамара Чичина,
Светлана Подорванова

Корректор
Марина Силакова

Использованы фотографии:
ИТАР-ТАСС

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор
Джемир Дегтяренко

Издательский директор
Дмитрий Мережко

Директор по рекламе
Елена Готман
E-mail: e.gotman@smena-online.ru
Тел.: (499) 257-3137

**Директор
по распространению**
Ольга Рулева
E-mail: sales@smena-online.ru
Тел.: (499) 257-3137

Редакция: 127994, Москва,
ГСП-4, ул. Правды, 24, стр. 4
www.smena-online.ru
E-mail: jurnal@smena-online.ru
Тел.: (495) 612-1507, Факс 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса».
127137, Москва, ул. Правды, д. 24.
Тираж — 52000 экз. Зак. № 81368.

Учредитель — ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:
каталог «Роспечать» **70820**
каталог «Объединенный» **88998**
каталог «Почта России» **99406**

Подписка в интернете:
www.mega-press.ru

© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Читателю

Популярный «бытосочинитель» с сотоварищами в популярном теле-шоу гневно клеймили позором «бедного» Диму Билана, якобы нанесшего обиду россиянам тем, что воскричал в радости: «Это победа России!»

Заодно досталось и Президенту страны: Диму поздравил, а вот победителям конкурса имени П.И. Чайковского никто не звонил.

Опомнитесь, господа! Это пятнадцать — двадцать лет назад у Президента была ежегодная возможность поздравлять соотечественников с победой в серьезных конкурсах и мировых Олимпиадах по математике, физике, химии… Нынче мы там не так часто правим бал, а в Олимпиадах наши дарования — во втором и третьем десятках. Так что, радоваться приходится пока в малых жанрах.

К тому же Дима — не оригинален в своем восторге.

«В юные годы свои» Евгений Евтушенко тоже дерзнул: «Моя фамилия — Россия, а Евтушенко — псевдоним!»

На него тогда так же набросились. Это как так — Россия? Это почему он?

А потому, что в рифму. В хорошую рифму!

Вот и в Сербии команда наших профессионалов, на «чужом поле, играя по чужим правилам», убедительно выиграла популярнейший конкурс.

Но вместо того, чтобы сказать им спасибо и за страну порадоваться, «тусовочные люди» устроили судилище перед телезрителями, дескать, выиграть-то выиграли, но не с гармошкой или балалайкой, а с «брендами Страдивари и Плющенко».

Откуда гнев и ярость?

Видимо, потому, что Дима Билан — тоже в рифму. В хорошую рифму! А набросились потому, что зависть — визитная карточка любой российской «тусовки». И самое печальное, что не только тусовки.

А жаль.

Михаил КИЗИЛОВ

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

«Мы собираемся полностью изменить свою жизнь!» 4

Певица и продюсер ***Виктория Морозова:*** *«Успех Антона — это и мой успех!»*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Самый богатый бродяга Европы 14

Альфред Нобель. Он понял, что может остаться в истории как торговец смертью

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

«Мне миллион алых роз не нужен...» 24

Ксения Собчак: *«Если любимый мужчина мне изменит — не потерплю!»*

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Лобазов покупает... пони 36

О небывалом событии в городе Киржач

ТАКОВА СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

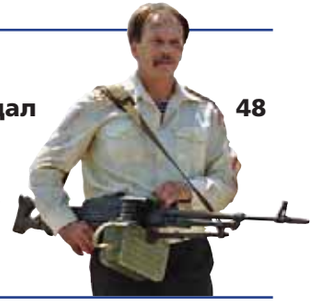
О, спорт, ты — болезнь!.. 42

Лечит природа, а медицина — лишь слуга природы

РАНДЕВУ

«На роль меня утверждал японский консул!» 48

Алексей Гуськов: *«Мы с Лидой из таких семей, где мораль и нравственность — не пустой звук»*



ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Твоих страстей повержен силой... 62

А. Блок. Поэт ничего не должен иметь

БРАТЬЯ МЕНЬШИЕ

Летающие собачки 68

Первых ракетоплавателей набирали... в подворотнях

ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА

Карл I в трех ракурсах 80

Антонис Ван Дейк. Иногда художники становятся пророками...

СУТЬ ВЕЩЕЙ

СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

Закипела планета — вздыбилась земля 90

Долго ли нас будет трясти?

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Панацея от ран телесных 100

Джозеф Листер подарил людям возможность выживать

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Бросок на юг 104

На нашей стороне — все быстро и приветливо

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Конь-качалка 110

Велосипед — самое великое изобретение

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Иван Лукаш. 118

Писатель русского Зарубежья о гениях России

ИЗДАЛЕКА

Святая из Пскова 128

Княгиня Ольга поняла: за истинной верой надо ехать к первоисточникам

РАССКАЗ

Роковая случайность 138

Видимо, это судьба...

ЗАРУБЕЖНЫЙ РАССКАЗ

Ваше здоровье! 144

Иногда и преступление может выглядеть смешным

ДЕТЕКТИВ

Месть актера 156

История современных Моцарта и Сальери

Виктория Морозова

Мы собираемся полностью изменить свою жизнь!

В переводе ее имя означает «Победа», и оно ей невероятно подходит. Действительно, Виктория идет по жизни победительницей — она из тех, кто никогда не отчаивается, несмотря на крутые виражи Судьбы, и способна всякий раз возрождаться, подобно птице Феникс. Виктория Морозова — не только талантлива и целеустремленна сама по себе, но и в течение уже девяти лет поддерживает и помогает во всем своему самому дорогому человеку — популярнейшему актеру и певцу Антону Макарскому. В том, что их союз — духовный, супружеский и творческий — и сегодня так крепок и ярок, немалая ее заслуга. К тому же Виктория прекрасно поет и вместе с Антоном выступает на концертах. Как говорит она сама, «сколько себя помню — пела всегда»... Одним словом, можно преодолеть любые трудности, когда рядом с тобой такая Муза — твоя жена, твой друг, твой помощник и... твой продюсер!

— Виктория, недавно в Международном доме музыки вы с Антоном Макарским, вместо запланированного одного, дали целых два концерта …

— Так получилось. Второй, незапланированный, был дан, можно сказать, «на бис», по просьбе Дома музыки. Незабываемый концерт! Люди приехали со всей страны, билеты были распроданы мгновенно, несмотря на то, что мы особенно «не высвечиваемся» на музыкальных каналах.

Не скрою, нас просто потрясло, что за двадцать дней до выступления все билеты оказались распроданы, в кассах , по словам кассиров, от звонков зрителей разрывался телефон. Этот концерт долго не могли начать — тысячи людей без билетов буквально атаковали Дом музыки.

А сидящие в зале зрители увидели настоящий эстрадный концерт — историю Мужчины и Женщины через общение с Залом. Мы с Антоном все время на сцене — Он и Она…

Такой формы исполнения сейчас нет ни у кого. Программа, на мой взгляд, удивительная, и мы в ней растворяемся полностью, мы в ней живем.

Ради работы над концертом Антон отказался от двух проектов в кино. Нам удалось собрать молодой коллектив оркестрантов — десять великолепных музыкантов! И хотя мы все работали с полной отдачей, такого успеха никто не ожидал…

— После всего этого можно сказать, что Виктория Морозова вернулась на сцену?

— Нет, не собираюсь возвращаться. Выступаю только в концертах с Антоном. Зато нас ждут во всех городах страны, гастрольный график расписан уже на год вперед.

Мне кажется, что судьба опять сделала новый виток.

— А что конкретно означает этот «новый виток»?

— Пять лет назад, после операции на связках, я перестала выступать — сорвала голос. Было очень много гастролей, и приходилось работать даже с высокой температурой. Как-то на «сольнике» в Харькове я потеряла сознание. А когда вызвали «скорую», оказалось, что я уже месяц хожу с воспалением легких!

Однажды на передаче в прямом эфире голос совсем пропал, я не могла отвечать на вопросы телезрителей. После этого мы с Антоном поехали в больницу. Врач пришел в ужас: «Вы уже давно поете узлами. У вас в любой момент может быть кровоизлияние. Если связки порвете, потом не то что петь, даже разговаривать не сможете!»

И тут же сделал операцию под местным наркозом.

Через две недели мой голос изменился до неузнаваемости — стал тонким, как у ребенка.

Конечно же, я перестала петь. Но… запел Антон!

Печальное событие совпало с радостным: мужа утвердили на роль Феба в мюзикле «Нотр-Дам де Пари». Нам стало намного легче жить: он хорошо зарабатывал, и его заработки в нашей семье были основными.

Врач пришел в ужас: «Вы уже давно поете узлами. У вас в любой момент может быть кровоизлияние. Если связки порвете, потом не то что петь, даже разговаривать не сможете!»

В этот трудный для меня период Антон мне очень помогал и в шутку любил часто повторять: «Боже, это же мечта любого мужчины — безмолвная жена!»

Сейчас Антон — весь в кино, а меня судьба снова возвращает на сцену. Я выступаю на концертах, но отношусь к ним исключительно как к хобби. Ведь каждый концерт для меня — как последний. Доктор сказал, что голос может пропасть в любой момент…

— А как получилось, что вы занялись не свойственным и, в общем-то, не знакомым вам делом — продюсированием?

— Как только узнали, что я снова заговорила, мне стали звонить со всей страны. Конечно же, по поводу Антона — насчет передач, концертов,

Все вознаграждается и все наказуется. Просто так ничего в жизни не происходит

Концерт в Доме музыки был незабываемым — люди приехали со всей страны, билеты были распроданы мгновенно, несмотря на то, что мы особенно не «высвечиваемся» на музыкальных каналах, а зрители буквально атаковали Дом музыки

интервью. Голос Антона магически действует на слушателей, особенно на женщин.

Очень многие продюсеры обращались к Антону с предложением сделать из него мегазвезду уровня Хулио Иглесиаса, Марка Энтони, Элвиса Пресли…

Я была единственной, кто понимал, что все это — вторично. Антон Макарский должен быть Антоном Макарским. Ведь он — уникальный певец и драматический актер. Он — Личность.

Я долго размышляла и… предложила создать проект «Антон Макарский». Это было очень дерзко и смело — вы же понимаете, что значит в наше время отказ от работы с известными продюсерами. Но мы рискнули, к тому же я всегда обладала организаторскими способностями и занимаюсь всеми переговорами без Антона. Антон — творческий человек и не должен отвлекаться на организационные вопросы.

— В прошлом году в «Новой Опере» состоялась премьера рок-оперы «Парфюмер». Вы участвуете в ней — ведь, насколько я знаю, там две женские партии?

— Да, участвую. Исполняю партию первой жертвы. «Парфюмер» идет с большим успехом, а скоро мы с ним полетим на гастроли в Сибирь. Думаю, что только на восьмом месяце беременности перестану исполнять свою роль. Мы играем его на стадионах, в больших залах. В «Парфюмере» занято около ста человек!

Премьера рок-оперы «Парфюмер»

Поверьте, такого состава нет нигде. Премьера рок-оперы пришлась как раз на мое тридцатичетырехлетие. Представьте, в этом возрасте сыграть девственницу! Антон отговаривал меня, говорил: «Ну, отдай эту роль другой девушке!» А композитор, Игорь Демарин был категорически против другой певицы и настоял на моем исполнении. Я очень люблю эту рок-оперу. Среди исполнителей — буквально легендарные личности: оперный певец Владислав Пьявко, рок-музыкант Дмитрий Четвергов, драматический актер Валерий Яременко.

— Можно сказать, что ваша жизнь полна сюрпризов — и приятных, и не очень… Вы часто в разговоре ссылаетесь на «новые витки судьбы». А как сами думаете, что помогает вам преодолевать жизненные препятствия?

— Господь Бог. С утра не встану, пока не помолюсь, и по вечерам всегда читаю молитву. Чаще обращаюсь к Пресвятой Богородице — Она очень милосердна, и я знаю, что всегда могу обратиться к Ней за помощью.

И вообще, постоянно ощущаю присутствие святых в своей жизни. Почитаемый белорусами старец Иоан Кормянский — покровитель этого на-

Я долго размышляла и… предложила создать проект «Антон Макарский». Это было очень дерзко и смело — вы же знаете, что сегодня значит отказ от работы с известными продюсерами

рода, полностью изменил мою жизнь. К мощам святого, в его монастырь под Гомелем, приезжает много людей. А для меня каждое его посещение заканчивается чудом. И для моих близких тоже. Сестре, Монике, врачи сказали, что она никогда не сможет иметь детей. Никогда. Представляете? Но произошло чудо. Через два месяца после посещения монастыря Моника узнала, что забеременела. У сестры родился здоровый, умный и красивый ребенок.

— А с вами тоже произошло чудо?..

— Приехала в монастырь еще до операции на связках. Петь — пела, а говорить не могла… Кроме того, на руках были глубокие полуторасантиметровые кровоточащие раны — следствие экземы, начавшейся на нервной почве. Перед концертом я замазывала раны тональным кремом и во время выступления чувствовала себя очень некомфортно — кровь из ран могла пойти в любой момент.

Приехав в монастырь, я завернула в платок вместе со своими вещицами иконку Романа Сладкопевца и положила под раку. Шесть часов отстояла на службе. А по окончании ее взглянула на руки и … не поверила своим глазам: раны на руках затянулись, на их месте — розовая кожа. А иконка Романа Сладкопевца из узелка бесследно исчезла… Как это произошло? Не знаю. Моя мама даже не поверила сначала. Но раны ведь затянулись! И хотя я перестала через месяц петь, начал петь Антон. И с этого момента моя жизнь полностью наладилась.

А раньше каждый концерт с больными, травмированными связками был как подвиг. В Харькове, на тридцать пятой минуте концерта, я даже потеряла сознание, из-за переживаний, что не смогу его допеть. И всякий раз в подобных случаях я не могла уйти со сцены — не позволяло чувство ответственности за людей, ведь у моих музыкантов было по двое детей. Работали по шесть концертов в неделю, график расписывался четко и строго.

— Так как разговор вернулся к творчеству и концертам, хочется спросить — а когда состоялся первый выход на сцену?

— Лет в пять. В военных городках, где служили мои родители, я была местной достопримечательностью. И сегодня получаю письма от тех, кто меня помнит еще ребенком. А в пятнадцать лет я была уже солисткой Белорусского государственного оркестра, училась в музыкальном училище и завоевывала всевозможные звания…

— Вам когда-нибудь предсказывали будущее?

— Павел Глоба мне однажды все предсказал: что попаду в крупный проект и встречу там своего будущего мужа, что буду очень счастлива в браке, и многое другое. Когда я услышала, что через два года перестану петь, расплакалась навзрыд, и Глобе тогда не поверила.

А вообще, к предсказателям не хожу и считаю, что те, кто их посещает — здорово рискуют: человек постепенно становится зависим от предсказаний и часто выбирает неверный путь.

Совет один: молитесь. Верьте в Бога, и Он вас никогда не оставит.

Любой успех Антона — это и мой успех. И Боже упаси при мне его критиковать

А еще надо правильно смотреть на мир. Все вознаграждается и все наказуется. Просто так ничего в жизни не происходит.

— Вы считаете, что наши мысли материальны?

— Да. Сила мысли — огромна. Она может быть даже опасна: человек «притягивает» в своих мыслях как позитив, так и негатив.

По моему ощущению, у каждого из нас есть так называемые энергетические щупальца. У кого-то они — длинные и сильные, чувствительные, у кого-то — более короткие, слабо осязающие… Есть очень тонкокожие люди, к таковым отношу и себя.

Я способна почувствовать многое, что происходит за кадром видения. Наверное, это передалось от прабабушки. Она — уникальнейший человек, видела «тонкий мир», как кошка. А как великолепно выглядела в свои девяносто четыре года! Она была такой солнечной, такой позитивной и с любовью относилась ко всем и ко всему.

Как-то я спросила: «Бабушка, почему человек бывает злым?»

Ее ответ запомнила на всю жизнь: «Злой тот, кто позволяет чертям прыгать в своей душе. Такие люди испытывают удовольствие от того, что строят козни, плетут интриги. А добрые люди стараются этого не допускать.

Борьба между Светом и Тьмой была, есть и будет. Кто-то в мире с любовью живет, а кто-то не может не навредить ближнему. В человеке всегда идет внутренняя борьба. А злых людей очень жалко, за них нужно молиться».

Мы уедем на ПМЖ за город, в деревню тринадцатого века. Ждем-не дождемся этого переезда!

— Правда ли, что с Антоном Макарским вы никогда не расстаетесь?

— Только на время съемок. На съемочную площадку к Антону никогда не приезжаю, чтобы не мешать рабочему процессу, но мы постоянно перезваниваемся.

В этом году у нашей семьи своеобразный юбилей — девять лет, как мы вместе с Антоном, восемь — со дня венчания и пять — как официально зарегистрировались.

— Вам наверняка задают вопрос — а не ревнуете ли Антона к его огромному успеху в творческой жизни?

— Как же можно ревновать к тому, что сделал сам!

Любой успех Антона — это и мой успех. И Боже упаси при мне его критиковать! Однажды отец Антона сказал, что ему не очень нравится одна из его песен, и я набросилась на него, как львица!

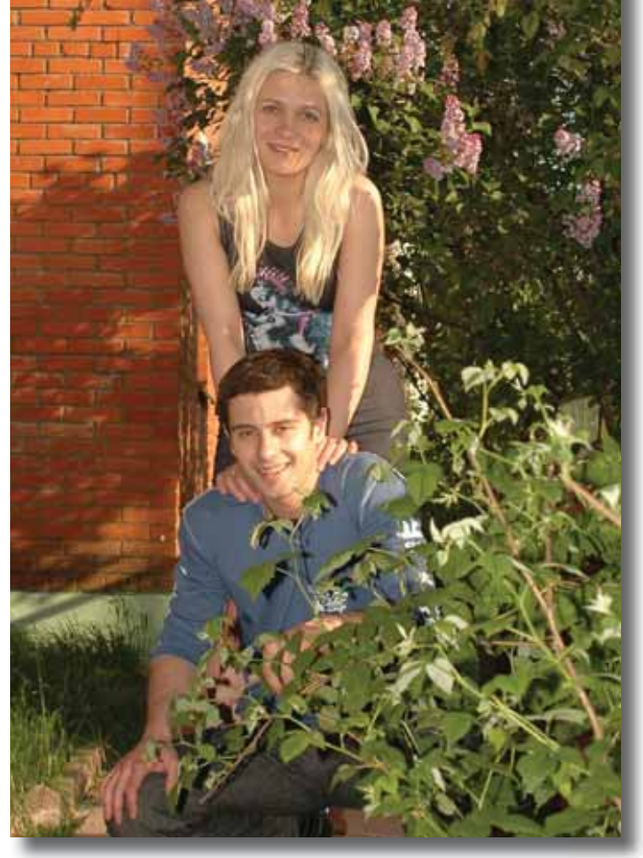
— Жизнь сложилась, любимый человек — рядом, концерты и выступления расписаны на несколько лет вперед… А есть ли что-то в сегодняшней жизни, что не очень нравится?

— Шестнадцать лет живу в Москве, и столица меня сегодня не радует: экология, невероятный шум, огромное количество людей…

Окна нашей квартиры выходят на Тверскую улицу, а по ней машины едут сутки напролет. На ночь, если не выпью валерьянки, не усну вообще! И продукты не нравятся, несвежие они в магазинах. Но, знаете, я нашла выход: купили участок в деревне и строим дом. Мы уедем на ПМЖ за город, в деревню тринадцатого века. Деревня — невероятной красоты! Строим большой, уютный, деревянный терем на святой земле.

Сегодня многие почему-то устремились в столицу, а ведь есть немало красивых и достаточно удобных для проживания городов во всей России. Омск, Хабаровск, например. Прекрасные города, и сколько таких...

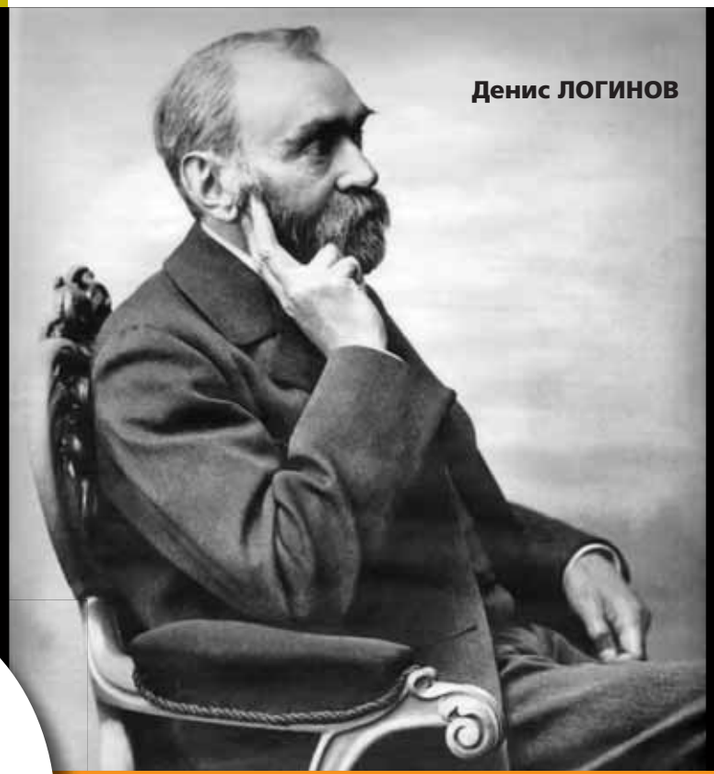
А главное — нужно жить там, где себя комфортно чувствуешь. Поэтому и мы ждем-не дождемся переезда в деревню! Собираемся полностью изменить свою жизнь! ❑



Антон и Виктория на даче у друзей

Беседовала **Елена ВОРОБЬЕВА.**
Фото **Сергея ШИМАНАЕВА**
и из личного архива
Виктории МОРОЗОВОЙ

После того, как великий швед Альфред Нобель всерьез задумался над тем, что несет человечеству главное изобретение всей его жизни — динамит, он понял, что рискует навеки остаться в умах людей как «торговец смертью»



Денис ЛОГИНОВ

Самый богатый бродяга Европы

Результатом этих нравственных терзаний стало последнее изобретение шведского инженера, потрясшее современников, больше всех — его родственников. Словно желая искупить страдания, причиненные динамитом, он пришел к мысли — учредить пять премий своего имени, одну из которых выдавали бы людям, внесшим наибольший вклад в дело мира на планете

27 ноября 1895 года Альфред Нобель составил свое знаменитое завещание. Оставив небольшие суммы всем родственникам, друзьям и знакомым, львиную долю своего огромного состояния, оценивавшегося в 33 миллиона шведских крон (полтора миллиарда долларов в нынешних ценах), он завещал специальному фонду. Душеприказчики его завещания, молодые инженеры Рагнар Сольман и Рудольф Лиллеквист, должны были продать всю собственность, принадлежавшую Нобелю, перевести вырученные деньги в ценные бумаги, положить их на счет фонда и каждый год выплачивать поделенные на пять равных частей проценты ученым, литераторам и общественным деятелям, совершившим самые важные и общественно полезные открытия и изобретения в области физики, химии, физиологии и медицины, а также литературы и мира. Премии в области химии, физики и литературы должны были вручаться Шведской академией наук, в области физиологии и медицины — Каролинским институтом в Стокгольме, а в области мира — в Осло комитетом из пяти человек, выбранным норвежским парламентом.

Выполнить последнюю волю изобретателя оказалось непросто. Нобель, не доверявший юристам и составивший завещание сам, нарушил ряд формальностей и дал возможность возмущенным родственникам попытаться его опротестовать. Судебные тяжбы и трудности, связанные с продажей имущества, которое находилось в десятках стран, затянули открытие фонда и выдачу первых премий на четыре года.

Первая премия составила 150782 шведских кроны, в 1951 году — 157612 крон, но в юбилейном 2001 году она уже выросла до 10 миллионов крон, что в пересчете на доллары составило внушительные 943 тысячи.

Каким же он был, этот удивительный человек, в котором уживались такие противоположные качества, как изобретение взрывчатых веществ и борьба против войны?

Родился Альфред Бернхард Нобель 21 октября 1833 года в Стокгольме в семье инженера Иммануила Нобеля и Андриетты Анселль. Свой род Иммануил Нобель вел от Олафа Рудбека, известного шведского изобретателя 17 века.

Иммануил возводил в шведской столице мосты и здания, а на досуге занимался изобретательством. Поскольку он был строителем, ему приходилось часто работать со взрывчатыми веществами, применявшимися при разрушении скальных пород. В год рождения Альфреда, четвертого из восьми сыновей, на стройке Нобеля-старшего произошла крупная авария. В результате, он лишился практически всего и был вынужден признать себя банкротом.

В 1837 Иммануил Нобель сначала уезжает в Финляндию, а затем перебирается в Россию. Пока глава семейства обустраивался на новом месте, Андриетта открыла небольшую бакалейную лавку, приносившую небольшой доход и позволявшую кое-как сводить концы с концами.

В Санкт-Петербурге Нобель-старший открыл оружейный завод и начал делать оружие для русской армии. Ему удалось убедить Николая I

и русских генералов в том, что изобретенные им морские мины, представлявшие собой набитые порохом и опущенные в воду деревянные ящики, могут надежно защитить столицу от любого нападения с моря. Мины Нобеля действительно помешали английскому флоту прорваться к Санкт-Петербургу во время Крымской войны.

К семнадцати годам Альфред, интересовавшийся и английской литературой, и химией, и физикой, свободно изъяснялся на шведском, русском, французском, английском и немецком языках. Свой любимый язык, французский, он выучил, переводя Вольтера сначала на шведский, а потом опять на французский

Заслуги Иммануила Нобеля были высоко отмечены царским правительством. Он — один из очень немногих иностранцев, кто был удостоен золотой медали «За усердие и развитие русской промышленности».

Дела шли хорошо. В 1842 году Иммануил перевез в российскую столицу семью. Сыновья шведского промышленника занимались с частными педагогами естественными науками, языками и литературой. К семнадцати годам Альфред, интересовавшийся английской литературой, химией и физикой, свободно изъяснялся на шведском, русском, французском, английском и немецком языках. Свой любимый язык, французский, он выучил, переводя Вольтера сначала на шведский, потом опять на французский и сверяя результат с оригиналом.

Иммануил Нобель хотел, чтобы сыновья пошли по его стопам и работали на заводе, поэтому увлечение Альфреда литературой не одобрял. Наверное, поэтому Нобель-старший и послал его за границу углублять знания в химии.

Следующие два года Альфред Нобель провел в Швеции, Франции, Германии и Соединенных Штатах. В Париже, который с первого взгляда полюбился застенчивому юному шведу на всю жизнь, он познакомился в лаборатории знаменитого химика Жюля Пелуза с итальянцем Асканио Собреро, тем самым Собреро, который тринадцатью годами ранее изобрел нитроглицерин и сначала назвал его пироглицерином.

По своей разрушительной силе нитроглицерин намного превосходил порох, но считался непригодным для практического применения взрывчатым веществом, потому что вел себя непредсказуемо и мог взорваться в любую минуту. Поэтому Собреро высоко ценил лишь медицинские свойства открытого им вещества и советовал врачам прописывать его больным при сердечных приступах. Кстати, сам Афльред в 1890 году, когда его уже мучила грудная жаба и сильные боли в груди, прописанный доктором нитроглицерин принимать почему-то отказался.

В 1852 году Альфред Нобель, по настоянию отца, возвращается в Санкт-Петербург. Проигранная Россией война обернулась для Иммануила вторым банкротством. В 1863 году он с Альфредом и Эмилем вернулся в Стокгольм, а два других сына — Роберт и Людвиг — остались в столице Российской империи. Они не только спасли семейный завод от разорения, но и сильно разбогатели, разведывая и добывая нефть на юге России.

По возвращении на родину Альфред занялся усовершенствованием нитроглицерина. 3 сентября 1864 года Стокгольм потряс мощный взрыв. В лаборатории на заводе Нобелей взорвались сто килограммов нитроглицерина. В результате взрыва погибли двадцатилетний Эмиль и семеро рабочих. Иммануил не перенес гибели сына. Его разбил паралич, и последние восемь лет жизни он провел в постели, не вставая.

Власти запретили опыты с нитроглицерином в шведской столице, и Нобелю пришлось переносить лабораторию на баржу, стоявшую на озере Маларен. Запреты не повлияли на его решимость работать над созданием безопасной взрывчатки, и в том же 1864 году он начал массовое производство нитроглицерина. В ходе экспериментов с различными добавками Альфред обнаружил, что двуокись кремния превращает жидкость в пасту, которой можно придавать необходимую форму. Взрывалось новое вещество при помощи детонатора, зажигавшегося от фитиля. Нитроглицерин, впитавший в мельчайшие поры инертный материал, перестал быть опасным, самопроизвольные взрывы прекратились.

В 1867 году Альфред Нобель запатентовал свое изобретение под названием динамит (от греческого «динамис» — сила) или «безопасный взрывчатый порошок Нобеля». Популярности динамита в немалой мере способствовало то обстоятельство, что он был изобретен практически одновременно с алмазным сверлом и пневматической дрелью. Эти изобретения значительно облегчили взрывные работы в скалистых породах, прокладывание тоннелей, строительство каналов и другие строительные работы.

Новое взрывчатое вещество позволило осуществить грандиозные проекты. С его помощью был проложен тоннель через перевал Сен-Готард, прорыт Коринфский канал, расчищались Ист-Ривер в Нью-Йорке и русло Дуная.

Без динамита не обходилась ни одна крупная стройка конца девятнадцатого века. Однако куда большую известность он получил в военном деле. Впервые динамит был применен во время войны между Францией и Пруссией 1870—71 годов.

Уже в 1865 году нобелевская фабрика в Круммеле, под Гамбургом, экспортировала нитроглицерин в десяток европейских стран, Америку и даже Австралию. Через тридцать лет империя Нобеля состояла из более чем девяноста заводов, фабрик и лабораторий в двадцати с лишним странах.

Что такое любовь, Нобель узнал в юности, когда влюбился в юную датчанку Анну Дезери. Ему казалось, что он пользуется взаимностью, но все его надежды разбил соперник, красавец австриец Франц Лемарж.

Во время решающего разговора, происходившего в присутствии Анны, Лемарж предложил Нобелю решить математическое уравнение. Швед растерялся, потерпел позорное поражение и с тех пор, как считают биографы, невзлюбил математику.

От приглашения на свадьбу Анны и Франца Альфред отказался, сославшись на нездоровье. Он действительно сильно заболел после отставки: у него поднялась высокая температура, он отказывался есть и пить и всерьез мечтал о смерти. В себя отвергнутый влюбленный приходил несколько дней.

Наверное, немного найдется на свете людей, которым бы везло во всем. Кому-то везет в профессиональной деятельности, кому-то — в любви, кому-то не везет ни в чем. Альфред Нобель, один из самых известных шведов, на отсутствие удачи в карьере не жаловался. В личной жизни, однако, ему фатально не везло.

Следующий, и опять неудачный, роман вспыхнул у Альфреда Нобеля уже в зрелом возрасте, когда ему было сорок три года. В 1876 году он дал в одну из венских газет объявление: «Пожилой, хорошо образованный и богатый господин ищет для работы секретаршей и экономкой

Власти запретили опыты с нитроглицерином в шведской столице, и Нобелю пришлось переносить лабораторию на баржу, стоявшую на озере Маларен. Но запреты не повлияли на его решимость и дальше работать над созданием безопасной взрывчатки

В 1867 году Альфред Нобель запатентовал свое изобретение под названием «динамит». Это новое взрывчатое вещество позволило осуществить грандиозные проекты. С его помощью был проложен тоннель через перевал Сен-Готард, прорыт Коринфский канал, расчищены Ист-Ривер в Нью-Йорке и русло Дуная

Сам изобретатель любил повторять, что дом для него там, где он работает, а работал он везде

даму зрелого возраста, говорящую не меньше, чем на трех языках».

В числе прочих на объявление откликнулась австрийская графиня Берта Кински из знатного, но обедневшего рода. Оставшись без средств к существованию, она была вынуждена работать в Вене гувернанткой. На собеседовании тридцатитрехлетняя Берта произвела на Нобеля сильное впечатление не только знанием языков, но и красивой внешностью. Альфред влюбился и через несколько дней сделал предложение. Ему нужно было уехать в командировку, и секретарша обещала подумать.

В Париж Альфред возвращался, уверенный в положительном ответе, однако возлюбленной там не нашел. Берта уехала в Вену и вышла замуж за своего юного воспитанника, барона фон Зутнера, в которого была тайно влюблена.

На этом, правда, отношения Альфреда и Берты не закончились. Побывав с мужем, как сейчас принято говорить, в «горячих точках», она стала ярой противницей войны. У нее и изобретателя динамита, который в последние годы жизни тоже стал ярым пацифистом, вновь появились общие интересы. Последние десять лет жизни Нобеля они активно переписывались. В 1905 году Берта фон Зутнер стала одной из первых лауреаток Нобелевской премии мира.

Третья любовь шведского изобретателя продлилась без малого двадцать лет, но закончилась так же, как предыдущие, — полной неудачей. С детства отличавшийся слабым здоровьем (у него было плохое пищеварение, головные боли, частые депрессии, а ближе к концу жизни — грудная жаба), Альфред Нобель каждый год лечился на курортах. В Баден-бай-Вине он влюбился в очаровательную продавщицу из цветочного магазина, двадцатилетнюю Софи Гесс, увез ее в Париж, купил ей богато обставленную квартиру и много лет содержал девушку.

Провинциалка Софи быстро вошла во вкус парижской жизни и даже начала представляться как «мадам Нобель». Альфред долго отказывался верить друзьям, намекавшим на ее многочисленные измены. Но и он вынужден был признать, что с Софи у него вновь ничего не получилось, после того, как та призналась, что забеременела от драгунского офицера.

Нобель прогнал изменницу. Софи оказалась женщиной предприимчивой, после смерти шведского изобретателя она выгодно продала его родственникам письма, которые он ей писал.

Судьба распорядилась так, что всю свою жизнь Альфред Нобель прожил один. Конечно, ему не хватало, особенно в старости, преданной женщины и любви, но, с другой стороны, если бы у него была семья, то могло бы и не быть знаменитых Нобелевских премий…

Нобель так много путешествовал, что его хороший знакомый Виктор Гюго как-то назвал его «самым богатым бродягой Европы». Сам же изобретатель любил повторять, что дом для него там, где он работает, а работал он везде. В свободное от поездок время Альфред упорно совершенствовал взрывчатые вещества. Впрочем, одной взрывчаткой его интересы не ограничивались. К концу жизни ему уже некуда было вешать патенты на изобретения, которых собралось 355! Среди них — такие далекие от войны химические вещества и приборы, как синтетическая гуттаперча, искусственные шелк и кожа, газовый двигатель, фотографический телеметр и многое другое.

Несмотря на многочисленные переезды и командировки, у Альфреда Нобеля все же был любимый город. Почти двадцать лет он прожил в Париже, где обосновался в 1873 году в огромном доме на Малахов-авеню. В доме располагались просторная библиотека, конюшни и оранжерея с орхидеями. Лаборатория находилась в полутора десятках километров от французской столицы, в Севране.

Конец парижского периода жизни гениального изобретателя был омрачен несчастьями и неприятностями. В 1888 году скончался Людвиг, годом позже умерла мать, которую он очень любил и к советам которой всегда прислушивался. Парижский филиал его империи принял участие в печально известной финансовой афере по неудачной прокладке Панамского канала.

Однако покинуть Париж и Францию в 1891 году Нобеля заставили не личные неприятности. В конце восьмидесятых он изобрел баллистит, бездымный порох, которым военные пользовались больше семидесяти лет. Французское правительство, которому Нобель первым предложил свое изобретение, баллиститом не заинтересовалось.

Тогда Альфред продал патент на изготовление бездымного пороха Италии. В дело вмешалась высокая политика. Шведский изобретатель был обвинен в краже собственного изобретения и даже в шпионаже в пользу иностранной державы. Власти лишили его патента на изготовление баллистита на территории Франции. Полиция произвела в его лаборатории обыск, его начали травить в прессе.

Все это привело к тому, что шведский инженер покинул Париж и перебрался в итальянский Сан-Ремо. Переезд на юг, на итальянскую Ривьеру, ему давно и настойчиво советовали доктора. К началу девяностых годов у Нобеля начала прогрессировать болезнь сердца, его все чаще мучили сильные боли в груди.

Альфред Нобель поселился на построенной в мавританском стиле вилле среди апельсиновых деревьев, пальм и цветочных клумб. Он перевез на итальянскую Ривьеру все химическое оборудование, которое с большим трудом удалось вывезти из Франции, и организовал лабораторию. И вновь на вилле Нобеля начали греметь взрывы, пугавшие соседей.

Здесь же, в далекой Италии, Альфред Нобель и скончался через пять лет после переезда. Смерть от сердечного приступа наступила в два часа ночи 10 декабря 1896 года. Умирал изобретатель в окружении итальянских слуг, поэтому его последние слова остались неизвестны…

В первых числах декабря 1901 года в Стокгольм приехали несколько человек, представлявшие весь цвет тогдашней науки: изобретатель рентгеновских лучей Вильгельм Рентген, разработчик сыворотки против дифтерии Эмиль Беринг, химик Якоб Хофф и литератор Салли Прюдом. 10 декабря шведский король вручил им первые Нобелевские премии вместе с дипломами и денежными чеками.

Судьба распорядилась так, что всю свою жизнь Альфред Нобель прожил один. Конечно, ему не хватало преданной женщины и любви, но, с другой стороны, если бы у него была семья, то могло бы и не быть знаменитых Нобелевских премий

В тот же день в Осло в норвежском парламенте — стортинге были названы первые обладатели Нобелевской премии мира: французский пацифист Фредерик Пасси и основатель Красного Креста, швейцарец Жан Дюнант.

Нобелевская премия тогда составляла полтораста тысяч крон, сейчас она выросла почти в 70 раз. Деньги, конечно, немалые, но их нередко, особенно в последнее время, приходится делить на две, а то и три части. Хорошо, если лауреаты являются друзьями или хотя бы не испытывают друг к другу вражды. А как быть, когда нужно делиться с врагом, как это было со знаменитыми физиками Эдисоном и Теслой?

В восьмидесятые годы 19 века Томас Эдисон и Никола Тесла, когда-то бывшие друзья, до хрипоты спорили о том, как лучше снабжать города электричеством. Эдисон считал, что прямым током, Тесла же был сторонником переменного.

На итальянскую Ривьеру он перевез все химическое оборудование, которое с большим трудом удалось вывезти из Франции, и организовал там лабораторию. Вновь на вилле Нобеля начали греметь взрывы, пугавшие соседей

Технические преимущества переменного тока оказались неоспоримыми, но самое главное — его легче без потерь передавать на значительные расстояния.

Не желая признавать ошибку, Эдисон решил настроить против соперника общественное мнение. В 1889 году он тайно купил у компании Теслы генераторы, производящие переменный ток, переделал их в первые «электрические стулья» и убедил администрацию трех тюрем установить их у себя. 6 августа 1890 года в нью-йоркской тюрьме на электрическом стуле был казнен первый заключенный.

Постепенно переменный ток в сознании обывателей начал ассоциироваться с ужасами казни на электрическом стуле, но его технические преимущества были настолько велики, что города все равно стали снабжать не постоянным, а переменным током.

Никола Тесла, узнав о кознях друга, проникся к нему лютой ненавистью и не простил до конца жизни. Когда в 1912 году Нобелевский комитет предложил двум великим физикам стать лауреатами, югослав наотрез отказался делить деньги с заклятым врагом.

Попав в затруднительное положение, академики после лихорадочных поисков, в конце концов, остановили свой выбор на шведском инженере Густаве Далене, изобретателе автоматического выключателя маяков. Он стал первым и пока последним лауреатом, получившим премию за изобретение прибора. Спустя десять лет после получения Нобелевской премии он придумал новую кухонную плиту. Правда, она была на удивление тяжелой, громоздкой и поглощала огромное количество электроэнергии даже в самые жаркие летние дни.

В 1968 году, в ознаменование 300-летия Шведского Королевского банка, была введена шестая премия — за открытия в области экономики.

P.S. Помимо денег, лауреатам вручаются дипломы и памятные медали. Медали по физике, химии, физиологии, медицине и литературе были разработаны шведским скульптором и гравером Эриком Линдбергом, а медаль мира — норвежцем Густавом Вигеландом. Поскольку эскизы были утверждены лишь в сентябре 1902 года, первые лауреаты остались без медалей.

На лицевой стороне выбит портрет основателя Нобелевских премий (на медали за достижения в области мира и экономики он немного отличается от «шведских» медалей), а на обратной — фамилия счастливого обладателя с изображением той области человеческих знаний, к которой он относится. На обратной стороне «шведских» медалей надпись по-латыни — «Inventas vitam juvat excoluisse per artes», на медали за мир надпись — «Pro pace et fraternitate gentium», а медаль за экономику — чистая.

На медалях за достижения в области охраны мира и экономики фамилии лауреатов выгравированы на ребре. Буквы, естественно, маленькие, что однажды привело к забавному недоразумению.

В 1975 году ставшие лауреатами в области экономики русский экономист Леонид Канторович и американец Тжаллинг Купманс медали перепутали. Холодная война в те годы была в самом разгаре, поэтому дипломатам пришлось целых четыре года договариваться об обмене медалей.

Не менее интересная история случилась с медалями нобелевских лауреатов по физике, немецких ученых Макса фон Лау (1914) и Джеймса Франка (1925). Боясь конфискации наград фашистами, ученые передали их на хранение в Копенгагенский институт теоретической физики, которым руководил Нильс Бор и который с 1933 года служил убежищем немецким физикам-евреям.

В апреле 1940 года немецко-фашистские войска оккупировали Данию. Вывоз из Германии золота считался уголовным преступлением. Поскольку фамилии владельцев нетрудно было прочитать на обратной стороне, им грозил концлагерь.

Первой лауреаткой Нобелевской премии в 1903 году стала Мари Кюри. Женщины (всего 30) побеждали во всех областях, за исключением экономики. Есть среди лауреатов и завоевавшие премию дважды

От идеи закопать медали в землю Бор отказался, побоявшись, что их могут найти. Гениальный ум нашел оригинальный выход — медали растворили в царской водке.

Фашисты перевернули институт вверх дном, но золота так и не нашли. После войны ученые выделили из раствора золото и передали его в Нобелевский фонд, а взамен получили новые медали.

До 1980 года медали, диаметром 66 миллиметров и весом около 200 граммов, делали из 23-каратного золота. Последние двадцать лет награды делают из 18-каратного золота и покрывают тонким слоем 24-каратного.

Организаторы стараются сохранить тайну выбора до самого конца, хотя сделать им это с каждым годом становится все труднее и труднее.

Больше всего таинственности в выборе лауреата самой субъективной премии — в области литературы. Его определяют 18 пожизненно избираемых членов Шведской академии на своих встречах, проводимых по четвергам. Они заседают за круглым антикварным столом под присмотром бюста короля Густава III, правившего Швецией с 1771 по 1792 годы. Для того, чтобы напустить в свою работу побольше тумана, академики сообщают о дате объявления лауреата всего за два дня.

Премия в области литературы с самого начала вызывала много споров и обвинений в политизированности. Споры начались уже в 1901 году, когда премию, вместо таких гигантов, как Лев Толстой и Генрик Ибсен, получил малоизвестный французский писатель Салли Прюдомм.

Обвинения в излишней политизированности в последний раз звучали всего несколько лет назад, когда китайские власти остались очень недовольны выбором лауреатом китайского писателя диссидента Гао Синьхуана.

В качестве наглядного примера можно привести и реакцию советских властей, когда лауреатами были названы Иосиф Бродский и Александр Солженицын. ❑

Это Мари Склодовская-Кюри (1903 — физика, 1911 — химия), Лайнус Паулинг (1954 — химия, 1962 — мир), Джон Бардин (1956, 1972 — физика), Фредерик Сангер (1958, 1980 — химия)

Абсолютным рекордсменом стал Красный Крест, получавший Нобелевскую премию мира трижды (1917, 1944, 1963)

Елена ВОРОБЬЕВА

Спектакль

ПЛУТНИ СКАПЕНА

Театр «На Малой Бронной»

Режиссер-постановщик — Сергей Голомазов

Режиссер — Дмитрий Изместьев

В ролях: Дарья Грачева, Александр Макаров, Виктор Лакирев, Олег Соколов

Пьеса Жана-Батиста Мольера «Плутни Скапена» — эталон комедийного жанра. Зажигательная, темпераментная и умная история о проделках сообразительного, ироничного, лукавого и неистощимого на выдумки слуги, устраивающего счастье влюбленных сердец. Наполненные смелой и современной сатирой характеры героев, остроумные комедийные ситуации, яркие, непредсказуемые перипетии сюжета определяют настроение этого одновременно искрометно-комедийного и, в то же время, трогательного спектакля.

Московский драматический театр под руководством Армена Джигарханяна

Режиссер — Анна Башенкова

Художник-постановщик — Борис Лысиков

В ролях: Светлана Макарова-Васильченко, Юрий Анпилогов, Мария Соловьева, Алексей Шевченков

Спектакль

ГЕДДА ГАБЛЕР

Одна из наиболее трудных пьес Генрика Ибсена получила новую жизнь на сцене молодого театра

Новую версию пьесы Генрика Ибсена создатели спектакля определяют как «экшн».

Автор блистательно написал безжалостный портрет эпохи, когда мыслящий человек может легко отвергнуть все предложения от Жизни и легко шагнуть к Смерти …

Зритель почувствует внутреннюю борьбу страстей, достигающих своего накала по мере развития действия, и вместе с героями пьесы ощутит тот жизненный тупик, к которому они идут.

Сложная, наполненная парадоксами система взаимоотношений персонажей, созданная Ибсеном, вовлекает героев спектакля в жесткую борьбу, исключающую сочувствие или компромиссы.

У актеров, занятых в постановке, достаточно яркие творческие биографии, а Мария Соловьева в роли Теа обращает на себя внимание своеобразием дарования.

В предложенной театром трактовке «Гедды Габлер» есть свежесть взгляда. ◘

Ксения Собчак

Мне миллион алых роз не нужен...

Если все написанное в последнее время о Ксении Собчак собрать воедино и только перечислить приписываемые ей слухи и скандалы, то, уверен, материала наберется столько, что Хмелевская с Донцовой отдыхают. Чем не персонаж? Ей — 26 лет и она — одна из богатейших невест России. Она носит известную звонкую фамилию, и престижный мужской журнал «FHM» занес ее в список ста самых красивейших женщин планеты наряду с Гвинет Пэлтроу и Мадонной. По количеству украденных у нее бриллиантов за ней угонится разве что Алмазный Фонд (да и то вряд ли!), а ее сумасшедшие романы с мультимиллионерами так многочисленны, что проще назвать, кого в «ее списке» не было. Если добавить к этому «нежную дружбу» с сыном ливийского лидера Муаммара Каддафи и «миллионы Анатолия Собчака», то, вы как хотите, а я бы это прочел

…Мы сидим с Ксенией Собчак в тихом закрытом местечке «для своих», что по соседству с Белым домом, и рассматриваем новую «фотосессию» известного папарацци Анатолия Белясова с какой-то «подпольной» вечеринки. На одной из фотографий она, не расставаясь с бокалом, павой извивается в танце. Рядом — Паша Буре… Дым коромыслом…

— Ну, это уже явно всем весело, — с улыбкой комментирует Ксения. — Я уже со стаканчиком чего-то, взгляд такой… и, судя по всему, танцую танец под названием «Шумелкамышдеревьягнулись». Я за себя тут рада — посмотрела на эту фотографию и подумала: «Как же мне тут было хорошо!»

«Про меня говорят: «Таких в детстве убивать надо!»

— Ксения, обычно вы попадаете в хроники происшествий по двум поводам: что-нибудь откаблучили на звездной тусовке, или вас в очередной раз ограбили… На днях что опять у вас украли?

— Сумку. Выхватили на улице. А по поводу хроники, то для меня же это не самоцель. Что делать, если так получается?! Если я прихожу на вечеринку, чтобы действительно пообщаться со своими друзьями и ничего там специально не делаю — не дерусь, матом не ругаюсь, не буяню. В плане алкоголя, как правило, все ограничивается парой бокалов шампанского. Но так получается — кто-то что-то увидел, написал — вы же сами знаете, как это делается…

— Какие самые фантастические слухи вы о себе слышали? Бывает такое, что читаете и сами удивляетесь?

— Постоянно. Например, что я встречаюсь с сыном какого-то султана с тремя гаремами, и из-за этого у меня большие проблемы…

— И наши страны теперь на грани военного конфликта…

— Вроде того… И похожие слухи циркулируют довольно часто.

Думаю, за отправную точку берется какой-то реальный факт — например, что я с этим человеком просто знакома (не более того), и дальше уже — кто во что горазд.

— А как вы относитесь к тому, что о вас пишут?

— В принципе, нормально. Хотя плохого не читаю, не порчу себе жизнь негативными эмоциями… Я же понимаю, что для большей продаваемости издания нужно ставить именно интригующие заголовки, именно такие фотографии. Таковы законы их бизнеса, и, наверное, на месте журналистов я поступала бы так же. Другое дело, я очень не люблю, когда меня лишают возможности защищать свою позицию, когда эта позиция дается только под одним углом. Я нормально отношусь к тому, что многие люди меня могут не любить, могут не понимать, могут видеть в определенном свете, и понимаю, что никогда не буду «всенародно любимой». Хотя бы потому, что молода, богата, известна и веду эпатажный образ жизни. Это многих раздражает. Почему она — не как все?

Но я за то, чтобы люди не любили меня объективно, а не потому, что я преподнесена искаженно. Когда, например, в течение двух часов

Я очень не люблю, когда меня лишают возможности защищать свою позицию, когда эта позиция дается только под одним углом

Совет от Ксении Собчак:

Не бойтесь быть яркими, не бойтесь быть личностями, не бойтесь выделяться — это самое главное! Не вымучивайте из себя любовь, не стройте бесполезных отношений, а живите, как живется!

Во мне много внешнего посыла, который на самом деле не соответствует тому, что есть

я даю на камеру интервью для НТВ, а, в результате, идет в эфир однаединственная моя фраза: «Надо уметь красиво жить!», причем в каком-то абсолютно другом контексте, вот это обидно.

— Ну, это-то как раз еще «цветочки»! Говорят, что вы…

— «Стерва», «сволочь», «таких в детстве убивать надо!» и т.д. Это есть то, что я называю «тупая, ничем не мотивированная» критика, к которой я вообще отношусь очень просто — никак не воспринимаю. Это же необъективно! Другое дело, когда критикуют правильно.

— Например?

— Например, за то, что я стала популярной и раскрученной, не имея реальной профессии, не имея реального занятия в жизни. Ведь просто студентов МГИМО — достаточно много, опять же, дочерей известных родителей — еще больше… И в этом смысле такая критика была достаточно справедливой. Именно поэтому я сейчас активно занимаюсь своей карьерой — веду шоу на канале ТНТ «Дом-2», собираюсь дальше работать на телевидении. Это важный сегмент моей жизни, потому что меня очень беспокоит, что ниша карьеры была не заполнена. Сейчас это изменилось, к счастью…

Все думали, что я кувыркаюсь с любовником, а я мыла машины в компании сверстников

— Можно сказать, что скандальная слава свалилась на вас нежданно-негаданно?

— Разумеется, нет. Внимание я привлекаю по рождению, и в этом нет никакой моей заслуги, оно было всегда, потому что… «дочка мэра Собчака», всегда — внимание прессы, внимание людей в компаниях. Другое дело, когда уровень внимания повысился — поначалу это было непривычно. Хотя лично мне кажется, что достаточно сложное испытание славой я прохожу с достоинством, то есть остаюсь тем же человеком, каким была бы и без этого.

— Благодаря рассказам вашей мамы, Людмилы Борисовны Нарусовой, создался образ такой благополучной дочки, любимой и обожаемой...

— Никогда не говорила о том, что все так идеально. У меня было очень сложное детство, особенно подростковый период. Связано это с тем, что я почти не общалась со своими сверстниками. Сидела дома, была ограничена в общении, за мной постоянно следила личная охрана — так было положено по папиному положению. И это было причиной многих конфликтов с родителями и, прежде всего, с мамой, потому что она занималась моим воспитанием. Когда мне в 13 лет хотелось пойти с ребятами на чердак — поиграть в «бутылочку», а вместо этого надо было идти на урок музыки или в балетную школу, да еще и с двумя охранниками, это вызывало бурю эмоций и бурю протеста. Наверное, поэтому мне было очень тяжело обсуждать с родителями такие жизненные вопросы, как, например, карманные деньги, нюансы моих встреч с молодыми людьми или первого поцелуя.

— Судя по тому, как бурно протекает ваша жизнь, можно предположить, что первый поцелуй был года в три…

— Парадокс в том, что это предположение — обманчивое. И вообще, во мне очень много внешнего посыла, который на самом деле не соответствует тому, что есть. У меня никогда не было столько мужчин, поклонников и любовников, как об этом пишут.

— Но из дома-то убегали…

— Убегала-то не для того, чтобы с кем-то жить или уехать в свадебное путешествие. Помню, меня объявляли чуть ли не во всесоюзный розыск, а я в это время мыла машины в компании мальчиков-сверстников.

— Но когда-то ЭТО должно было случиться?!

— Первая юношеская светлая любовь пришла лет, наверное, в 14. Мне просто очень нравился один одноклассник. Его звали Женя Иванов. Он отличался от наших других мальчиков — румяный, здоровый (все остальные развивались менее бурными темпами). Типаж — забияка, хулиган, из неблагополучной семьи, но при этом — безусловный лидер во всем. Абсолютно все красавицы-девчонки были в него влюблены. А я была жутко несимпатичной, даже страшненькой, и понимала, что, если покажу ему свои чувства, стану для него, как все остальные. Чтобы меня покорить, он как-то запустил мне в лицо грязной тряпкой, после чего мое сердце было разбито окончательно. Короче, все это и закончилось первым поцелуем…

— Кстати, что с Женей Ивановым сейчас?

— Я не знаю — я уже несколько лет не общалась с друзьями детства.

Если любимый мужчина мне изменит, не потерплю!

— Еще один друг вашего детства, — Сергей Боярский, рассказывал, что вы жили с ним в одном доме, ходили даже слухи, что у вас — роман, и «скоро свадьба».

— Все это правда, кроме романа. Мы с Сережей просто дружили, он мне помогал бегать в «самоволки». Когда родители куда-то уезжали, и мне, естественно, ужасно хотелось пойти на дискотеку или погулять с друзьями, я спускалась вниз в халатике и тапочках, охраннику говорила: мол, к Сереже пойду — на компьютере поиграю. Там я переодевалась, маминой помадой красила губы и выпрыгивала в окно — благо, первый этаж. А часа через три проделывала то же самое, только в обратном порядке. Он относился к этому с пониманием — сам «лучшие детские годы» провел в музыкальной школе. Поэтому никто нашу «тайну» так и не раскусил…

— На вопрос, как он встретил «сексуальную революцию», Сергей ответил, что его половое созревание проходило очень бурно. А ваше?

— Не могу сказать то же самое о себе. Скорее, моя ситуация, как у Достоевского: «Она была настолько по-

Терпеть то, что терпят очень многие жены достаточно известных и состоятельных людей — это все ниже моего достоинства

рочна, что была девственницей». То есть внешне я всегда создавала образ того, что…якобы у меня богатый опыт, много партнеров и так далее. Но это далеко не соответствовало действительности тогда и, может, отчасти не соответствует действительности сейчас. Просто я очень рано повзрослела, но это никак не связано с сексом. А что касается «сексуальной революции», то я — человек достаточно консервативный, и мне, например, дико наблюдать то, что происходит в России, как отголосок так называемой революции…

Я говорю об абсолютной мужской наглости и сексуальной распущенности, которая переходит все рамки дозволенного. Во всяком случае, в том круге, в котором общаюсь я, это очевидно, потому что мужчины позволяют себе такие вещи, которые раньше не позволяли себе никогда и нигде. Например, автобусы манекенщиц, какие-то постоянные смены женщин, по несколько семей, которые знают друг о друге… И это стало уже обыденностью, что очень плохо. Когда разврат становится нормой, ты уже не можешь жить по-другому. Тебе только кажется, что «завтра я образумлюсь, и у меня будет нормальная семья». Но не будет нормальной семьи, потому что, один раз вкусив запретный плод, невозможно вернуться к нормальной жизни. И я считаю, что это большая проблема.

— Вам самой сложно ограждать себя от соблазнов? Вы же сами сказали, — это «ваш круг»…

— Мне — несложно! Потому что я — такой человек, который этого и сам никогда не допустит и никогда не потерпит. Я просто знаю, что, если мой молодой человек, с которым я живу, мне изменит, я не буду с этим жить, мы расстанемся. Безусловно, это будет полный разрыв отношений. Я говорю об измене в моральном плане, когда параллельно со мной будут какие-то серьезные отношения на стороне. Терпеть то, что терпят очень многие жены достаточно известных и состоятельных людей — две семьи одновременно, куча любовниц (причем практически на глазах у всех), — это все ниже моего достоинства.

Соблазнила «космонавта» Стеклова, не снимая скафандра

— Фильм, в котором вы недавно снялись, называется недвусмысленно — «Воры и проститутки»…

— Поначалу фильм назывался «Приз — полет в космос», потом он поменял название, появился какой-то странный пиар, происхождение которого мне не известно, поэтому… В конце концов, это же фильм режиссера и продюсера, и я не имею права вмешиваться. Действительно, я сыграла там американскую шпионку. По сценарию, моя героиня летит в космос на орбиту станции «Мир» и там соблазняет космонавта (его играет актер Владимир Стеклов). Что касается постельных сцен с моим участием, их нет и не могло быть.

— Для вас это принципиально?

— Безусловно. Есть планка, которую я никогда не переступаю. Но в любом случае, работать было очень интересно, да и актерский состав потрясающий — Михаил Казаков, Лидия Федосеева-Шукшина... Хотя и необыкновенно сложно, поскольку

во время съемок приходилось имитировать состояние невесомости — для этого приходилось подолгу сниматься висящей вниз головой.

— А с вами в Звездном городке проводили перед съемками какую-то специальную подготовку?

— Да, нами занимались настоящие космонавты-профессионалы. Я, вообще-то, и без этого достаточно подготовленный человек, люблю разного рода экстрим… прыжки с парашютом, полет в невесомость. Еще в Мячково я летала (правда, с летчиком) на МИГе, причем не просто «взлет-посадка», а с фигурами «высшего пилотажа». Почти пять лет серьезно увлекаюсь сноубордом — мы прыгаем с вертолетов на вершины. Еще я обожаю дайвинг, серфинг, быструю езду. Гаишники, правда, меня часто штрафуют. Но я люблю скорость и готова за это платить. Сейчас из-за съемок встаю в 12 дня, еду на телевидение и возвращаюсь около двух часов ночи. Приезжаю домой совершенно убитая. Ни на что нет времени, одна работа.

— Когда-нибудь проект закончится. А что будет потом?

— Потом будет другой проект — сейчас активно идут переговоры. Могу сказать только то, что это будет развлекательная программа, и я буду вести ее одна. А все остальное? Пока это тайна.

Лично мне кажется, что достаточно сложное испытание славой я прохожу с достоинством, то есть остаюсь тем же человеком, каким была бы и без этого

Мне было тяжело обсуждать с родителями такие жизненные вопросы, как, например, карманные деньги, нюансы моих встреч с молодыми людьми или первого поцелуя

«Как пройти в библиотеку?» — повод для знакомства не для меня

— Какие поступки в своей жизни считаете самыми важными на сегодняшний день?

— Самый-самый — защита «красного» диплома! Учеба в магистратуре, которую я тоже закончила. Телевизионный проект, в котором я сейчас участвую… Я получила хорошее образование и очень этому рада. Но на данный момент я бы, наверное, не хотела заниматься научной деятельностью, а хочется сделать телевизионную карьеру. Как пойдет дальше — видно будет.

— Известно, что у вас — очень высокая планка требований к мужчинам. Какая именно?

— Прежде всего, я очень не люблю банальности, пошлости, знакомства из серии «Как пройти в библиотеку?» или «Дайте я запишу ваш телефончик». Человек должен иметь полет, какой-то драйв — вот это мне близко. Можно выйти на сцену с подготовленной ролью, а можно что-то по ситуации сымпровизировать… Вот в мужчинах я ценю именно этот драйв — когда человек моментально реагирует на какие-то вещи. Мужчина должен меня удивить, должен мыслить оригинально. Я не люблю людей с розовыми очками, люблю яркие личности.

— И часто такие в жизни встречаются?

— К сожалению, редко. Поэтому так редко у меня с мужчинами — серьезные отношения. Могу сказать, что людей в моей жизни, которые для меня много значили, всегда объединяло… наверное, сильный характер (сильней, чем мой), некий внутренний стержень, харизма и вот это ощущение драйва.

— Можете привести пример самого крутого драйва, когда мужчина вас не просто удивил, а «убил»? Где-то я читал про рыбок, которых вам подарили… Это из этой серии?

— Не рыбок — бабочек! Мне подарили целую комнату живых бабочек! Таких случаев — очень много, долго перечислять. Главное, что это не букет цветов, который тебе дарят, потому что так принято — ухаживая за девушкой, дарить ей цветы. Мне не нужен от мужчины миллион алых роз. Это даже неприятно. Можно ничего не подарить, но провести так сумасшедше время, устроить такую глупость, как… поездка на троллейбусе, поедание мороженого в парке на скамеечке, что тебе от этого будет намного лучше и интересней. Такие моменты всегда рождаются по ходу…

— Ваши недоброжелатели иронизируют: мол, так называемый «список Ксении Собчак» частично или полностью совпадает с российским списком «100 богатеев», опубликованным журналом «Форбс»?

— Во-первых, у меня нет никакого списка. И людей, с которыми меня связывают какие-то интимные отношения, на самом деле очень мало, как бы глупо это сейчас ни звучало. Просто проблема в том, что у меня практически нет подруг, зато очень много друзей — именно друзей-мужчин, и я действительно верю в то, что дружба между мужчиной и женщиной существует. Поэтому я часто куда-то прихожу со своими друзьями, с тем же Пашей Буре, мы с ним прекрасно дружим, он хорошо знает моего молодого человека. А интерпретации по поводу «списков» могут быть любые. И мне, честно говоря, на это наплевать.

— А чем вас не устраивают подруги?

— Моя проблема в том, что я не люблю женщин, ведь по своей природе они — интриганки и, кроме зависти, я от них ничего в жизни не видела. Как правило, все они занимаются тем, что портят мне жизнь.

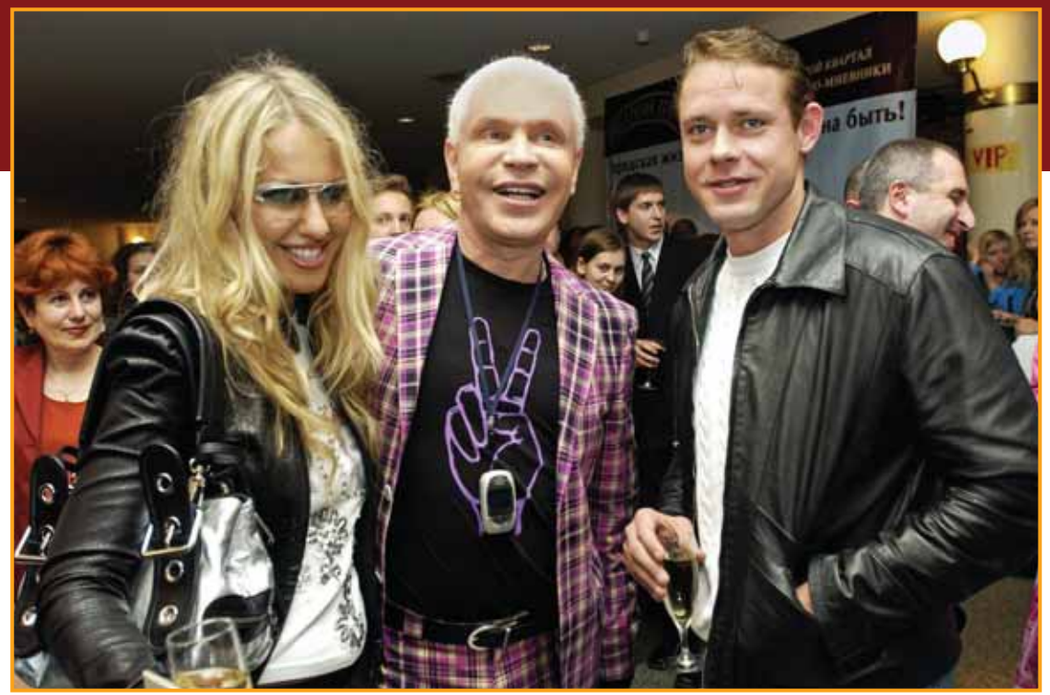
— Меня потрясла ваша фраза по поводу вашего кулинарного диапазона: «мое фирменное блюдо — чай из пакетика»…

— Это — правда. Просто я не умею готовить и не люблю. Не хочу быть домохозяйкой в халате с драконч-ником, занятой приготовлением хороших борщей, — не вижу смысла. Пока. Может, со временем увижу…

— Какова, с вашей точки зрения, должна быть модель взаимоотношений между мужчиной и женщиной?

— Моя модель отношений — это, прежде всего, взаимное доверие и уважение, когда оба смотрят в одном направлении, а их пути пересекаются. Но при этом у каждого должны

Если мой молодой человек, с которым я живу, мне изменит, я с этим не буду жить, мы расстанемся, и, безусловно, это будет полный разрыв отношений



Мужчина должен меня удивить, должен мыслить оригинально. Я не люблю людей с розовыми очками, а люблю ярких личностей

быть и свои интересы, где каждый живет своей судьбой. То есть я не представляю себе ситуацию, в которой люди полностью растворяются друг в друге и постоянно неразлучны. Например, сейчас у меня есть любимый мужчина, можно сказать, что у нас — серьезные отношения. При этом у него — своя жизнь, а у меня — своя. Наверное, для меня самое главное — суметь сохранить такой баланс. Может, это должен быть мир двух людей, но обязательно — мир по отдельности.

К так называемым «миллионам Собчака» я отношения не имею

— Кроме всего прочего, о вас еще и принято говорить, как об очень материально обеспеченной особе, вас прямо так и называют: «самая завидная и богатая невеста». Народ хочет знать: откуда «такое приданое» у вчерашней студентки? Богатое наследство?

— Нет, не наследство… Мой папа, конечно, хорошо зарабатывал, он издавал книги, поэтому какие-то деньги на жизнь у меня изначально есть. Но я сейчас сама зарабатываю очень хорошие деньги на телевидении и уже стала независимым человеком в этом отношении. Это все никак не связано с моим отцом и с так называемыми «миллионами Собчака», как об этом говорят, поскольку никаких миллионов у него никогда не было.

— А кем хотел вас видеть Анатолий Александрович?

— Вначале папа очень хотел, чтобы я была юристом. Но когда со словами: «Таким хорошим юристом, как ты, я все равно никогда не буду, а хуже — быть не хочу!» я поступила в МГИМО, он понял, что юристом я не стану, но, наверное, очень хотел, чтобы я занималась политикой.

Карьера — важный сегмент моей жизни, потому меня очень беспокоит, что эта ниша была не заполнена. Сейчас все изменилось, к счастью…

— Допустим, вы со временем соберетесь делать политическую карьеру, например, решите баллотироваться в президенты, вы представляете, сколько компромата на вас выльют оппоненты?

— Конечно, представляю. Но, во-первых, я еще молода и занимаюсь совершенно другими делами, не связанными с политикой, а во-вторых… знаете, если уж подобное прогнозировать, слава Богу, чтобы дальше все так получилось, потому что все, что происходит со мной, происходит на глазах у всех, и я — как на ладони. В этом смысле главным своим достоинством считаю то, что веду, может быть, яркую, броскую жизнь, но ничего не скрываю. Я — человек неглупый и в принципе могла бы вести себя по-другому, носить какое-нибудь скромное черное платье, ходить по углам, но при этом моя жизнь не отличалась бы от той, которую веду сейчас, просто это было бы «за кадром». Но я считаю, что людей нужно приучать к некому новому поколению, которое не нужно воспринимать как нечто чуждое, на что нужно агрессировать и нападать, а наоборот, как людей, которые будут двигать нашу страну вперед.

— Совет от Ксении Собчак: как сделать так, чтобы рядом всегда было полно надежных, сильных мужчин, на которых можно опереться?

— Не бояться быть яркими, не бояться быть личностями, не бояться идти против коллектива. Не бояться выделяться — это самое главное! Я советую не вымучивать из себя любовь, не строить бесполезных отношений, а жить, как живется.

— Ксения, вы сейчас — очень модный, известный человек, как сегодня принято говорить, «публичный». Хочется спросить: вы пришли надолго и навсегда куда — на телевидение, в светскую хронику, в кино?

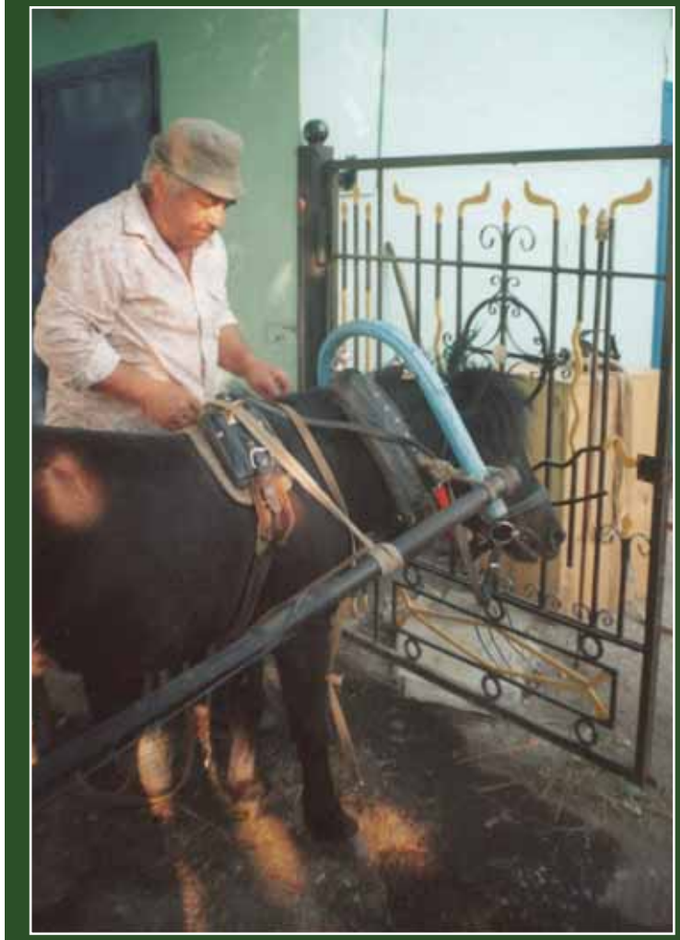
— Я считаю, что если буду достаточно сильной личностью, смогу изменяться (потому что, чтобы остаться всерьез, нужно уметь меняться), и я умею это делать, то, думаю, что надолго. По крайней мере, надеюсь на это. ❑

Беседовал **Алексей РЯЗАНКИН.**

Лобазов покупает... пони

Андрей КУЧЕРОВ

В спокойном городке Киржач произошло… ну, как бы поточнее? Обычный житель Киржача, шестидесятилетний Николай Лобазов купил недавно… пони. Не то что соседи, вся улица не поняла причину такого приобретения. «Он, видимо, сошел с ума», — сказал хозяин городской автозаправки Григорий Григорович. «Он просто…» — покрутила у виска соседка Тоня и решила больше не ходить к жене Лобазова за молоком, хотя лобазовская телка считалась лучшей не только на их улице, но и во всей округе



Я, если честно, тоже ничего не понял и, в первую очередь, самого Лобазова. Захотелось поподробнее все разузнать, и я решил напроситься к нему в гости. Меня, как обычно, за стол, угостили чаем. Наконец, я не удержался и спросил: «Ты что, Лобазов, совсем свихнулся?» В ответ он посмотрел на меня с какой-то грустью, шумно отхлебнул из блюдца, аккуратненько поставил его на стол и тихо произнес: «Ты понимаешь, я в детстве — маленьким совсем — мечтал о пони. До сих пор ничего о пони не понимаю, но вот мечтал, и все». «Что — все?» «Вот теперь осуществил свою мечту. Пойдем, посмотришь».

Мы вышли и пошли к сараю. Там в полной сенной тишине стоял гривастый черный пони, из большого рта торчали травинки, которые он тщательно пережевывал. Пони посмотрел на нас в упор — большими, темными глазами, снова пожевал и — фыркнул. Мы с Лобазовым постояли немного возле него и ушли.

Остановившись у терраски, мы дружно закурили. Лобазов сказал: «Я раньше много пил, ты знаешь.

его однажды. «А что пони? Куплю через несколько недель. Ведь его в чем-то надо везти! Не понимаешь?»

Я понимал. Теперь я понимал.

Понял я и про другое. Ведь это потрясающе — мечта! Потрясающе — в сегодняшней, не очень свежей, суетливой жизни, когда улыбок, в общем, нет, а если есть, то очень деловые, когда почти нет этих самых — «Вдруг!..», когда, взрослея, забываем про мечту и начинаем торопливо и упорно жить…

Мечта бывает разной — все от нас зависит. Может, стоит вспомнить о ней? Из детства или, возможно, из взрослой, жестковатой жизни, но вспомнить о мечте, которая вдруг раскрывает и позволяет зацепиться за нее, взглянуть на мир и на себя чуть осветленным, сильным взглядом. И, может быть, тогда мы сможем заметить тех, кто копошится рядом? А может быть… Да, конечно, — «может». Ведь было же: «Я понял. Все, я покупаю — пони». Было, и он — не одинок.

А как-то вечером вдруг вспомнил детскую мечту про пони, и стало так тоскливо, что захотелось еще выпить. Но… не стал. Убрал бутылку в шкаф. А потом подумал: почему бы нет? Я что — не человек? Короче, все — решил купить лошадку. А то, что денег не было? Ничего, накопить можно».

И Лобазов начал «пахать» — каждый день, с шести утра и… «пока хватало сил». Все в городке знали, что он «дружил» с металлом и умел его варить, как ювелир. Лобазов стал делать детские площадки. К нему начали приезжать ребята из Москвы — вся улица чуть ли не из кустов на них смотрела — одеты хорошо, лихие, энергичные ребята. Грузили быстро — качели, горки, турники. А Лобазов продолжал работать. «На мечту! — как-то сказал он мне. — Видишь, как красиво говорю?».

Он бросил пить. Потом купил машину. «А пони?» — поддразнил я

Лобазов, вероятно, странный, непривычный человек, но, благодаря мечте о пони, он вдруг начал жить по-настоящему, а не переживать, что нет работы, что «выпить хочется», что скучно… Он — за-ды-шал и перестал влачить некое свое существование в Киржаче.

А Сашка — сын Лобазова — вдруг вспомнил, что «хотел всю жизнь выращивать фиалки на окне». Работа на заводе, где выливают фары, она как есть, так пусть и существует, а цветы — они после работы. Позже Сашка даже сделал пристройку у террасы, и там сейчас фиалок — сотни две. Он поместил в газетах объявление: «Могу прислать вам семена», и сейчас получает письма со всей России, последнее пришло аж из Улан-Удэ. Вот теперь колотит ящики и рассылает семена желающим. Потом звонит и спрашивает: «Как? Дошло?» «Дошло, дошло. Большое вам спасибо». А по воскресеньям Сашка едет на автовокзал, и там, на рынке, продает свои фиалки — немного, правда, но — берут. Он деньги копит — на велосипед канадский. «А почему именно фиалки, Саш?» — спросил его как-то. «Оттенки! — неожиданно ответил Сашка. — Оттенки — веселее жить». И подарил мне ма-а-а-ленький горшочек, а в нем — кустик с белыми махровыми головками.

Я возвращаюсь в Москву через городскую площадь, где «Ленинская голова» на пьедестале, с прищуром в каменных глазах, а рядом — красненькие клумбы. Теперь там, рядом с головой, по выходным стоит Лобазов вместе со своим пони. Он сделал деревянную коляску, покрасил ее в разные цвета, вплел ленточку в гриву пони и катает детей.

Катает просто так. Совсем бесплатно. ❑

МАКС И ЕГО КОМПАНИЯ («Max & Co»)

Год выхода: **2007 (2008 в РФ)**
Режиссер: **Сэм и Фред Гийом**
Жанр: **приключения**
Страна: **Франция**
Длительность: **75 мин.**

В главных ролях: **Лоран Дьютч, Сансеверино, Вирджиния Эфира, Патрик Бушите**

Сбором титанов в одном флаконе грешит не только музыка, но и кинематограф. Традиционно, результат заслуживает внимания и похвал, независимо от степени закрученности сюжетной линии. В данном случае, «за выживание борются» создатели забавного «Побега из курятника» и легендарной диснеевской «Истории игрушек». К слову, видеоряд подкреплен качественным музыкальным фоном. Просмотр будит множество мыслей о положении вещей в современном мире. Создатели показывают будущее без надоедливых летунов, в простонародье — мух. По сценарию, человечество их истребило. Красота — никто не ползает по тарелке с супом, не жужжит под люстрой. Но не тут-то было — нашелся и недовольный, хозяин корпорации по производству мухобоек. В страхе перед банкротством пришлось реанимировать мух... Все бы хорошо, да ученый ошибся, и вместо задуманного получились огромные мутанты, с которыми и предстоит сразиться главным героям ленты. Забавная идея и хорошая ее реализация не разочаруют любителей современной мультипликации.

ЗАПРЕТНОЕ ЦАРСТВО («THE FORBIDDEN KINGDOM»)

Год выхода: **2008**
Режиссер: **Роб Минкофф**
Жанр: **приключения**
Страна: **США**
Длительность: **113 мин.**

В главных ролях: **Майкл Ангарано, Джет Ли, Джеки Чан**

И снова — сбор титанов, мегазвезд в одной из самых ожидаемых картин года. Прежде всего фильм уникален объединением двух «великих» актеров на «одной сцене» и их дальнейшей схваткой в одном из эпизодов. В остальном же сомнительно, что поклонники актеров получат то, что ожидали, ибо релиз ориентирован на 13-летних подростков. Создатели преследовали дидактические цели, стремясь познакомить европейского и американского зрителя с древними китайскими легендами и мифами, в надежде породить у молодого поколения стимул дальнейшего изучения вопроса. Что интересно, все события пропущены через призму восприятия современного подростка, проще говоря, мы получаем выжимки и адаптации. В основе сценария лежит китайское классическое произведение «Путешествие на Запад». Сюжет рассказывает историю мальчика Джейсона, увлекающегося фильмами с восточными единоборствами и не способного постоять за себя. Издевательства сверстников породили желание обучиться кун-фу... Все изменилось с покупкой магического артефакта, который переместил Джейсона в мир древнего Китая, где ему предстоит выполнить предназначение. Множество боевых сцен, хороший юмор (детский), отличная операторская работа. Дети получат море положительных впечатлений.

ДРУГ НЕВЕСТЫ («Made of Honor»)

Год выхода: **2008**
Режиссер: **Пол Уиланд**
Жанр: **комедия**
Страна: **США**
Длительность: **101 мин.**

В главных ролях: **Патрик Демпси, Мишель Монаган, Кевин МакКидд, Кэтлин Куинлан и Сидни Поллак**

В литературе есть понятие — «паралитература», обозначающее дешевенькие романы, в которых чаще меняются имена героев, чем сюжет. В данном случае, у нас — то же самое, только в отношении новой картины, снятой по мотивам одного из романов карманного образца авторства Адама Штикеля. Ничего сверхъестественного, просто легкий фильм, рассчитанный на одноразовый просмотр. А что ожидать от американской романтической комедии, если все логично и предельно ясно еще до начала просмотра? Тем не менее зритель всегда с удовольствием ходит помечтать, посопереживать красивой истории о любви. Смотря правде в глаза, без «хеппи-энда» фильм потерял бы всю привлекательность. Создатели убеждают зрителя в том, что дружба между мужчиной и женщиной рано или поздно перерождается в нечто большее. Переломный момент для главного героя наступает после просьбы подруги поучаствовать в ее свадьбе в качестве «подружки невесты». Но как быть, если будущим супругом представляешь себя, а не того богатого заморского парня? Бодрый настрой, хороший юмор и романтическая обстановка придутся по вкусу всем ценителям жанра легкого кино.

ЕЩЕ ВЧЕРА («Only Yesterday»)

Год выхода: **1991 (2008 в РФ)**
Режиссер: **Исао Такахата**
Жанр: **драма**
Страна: **Япония**
Длительность: **119 мин.**

В главных ролях: **Studio Ghibli**

Многие удивятся, увидев год оригинального издания мультфильма. Дело в том, что значительная часть классических японских анимационных картин появлялась на просторах нашей Родины благодаря стараниям пиратов и энтузиастов, то есть неофициально. Немудрено, если данный релиз давно затерт до дыр, зато сейчас есть возможность приобрести оригинальное издание в отличном переводе и качестве. Странно бы прозвучала фраза «наконец-то, мы держим в руках новинку», ибо никто не ждал, скорее, не ожидал. Да и как мультфильм 17-летней давности называть новым? Для тех, кто не в теме — перед нами одна из интересных картин легендарной студии Гибли, образец аниме-реализма. Зрителю показывается история одинокой девушки, которая пытается определиться со своей дальнейшей жизнью. На выбор — две дороги: карьера и одиночество; любовь и семья. Основной лейтмотив — поиск счастья, гармонии, смысла жизни. Романтическая сказка с философским уклоном, рассчитанная на все возрасты.

Кирилл ПОДОЛЯК

О, спорт, ты — болезнь!..

Алексей КУЗНЕЦОВ

Вообразите, что нагрузки на организм спортсмена в соревновательном режиме сопоставимы с нагрузками на прочнейшие, современнейшие детали гоночного «болида». И что же — спортсмена тоже должно хватать лишь на один забег, схватку, матч?.. Только вот заменить кости, мышцы, связки, легкие, печень, наконец, сердце спортсмена после каждой гонки или матча не в состоянии даже самый гениальный доктор...

Молодой спортсмен и пожилой врач

В мае 2008 года ушли из жизни два человека, имена которых непосредственно связаны со спортом. Не дожив нескольких дней до своего 95-летия, скончалась Зоя Миронова — великий врач-травматолог, один из ведущих в мире специалистов в области спортивной, балетной и цирковой травм. Она практически создала современную спортивную травматологию в стране, готовила и врачей сборных команд, и научных работников.

Удивительный и уникальный в спортивной истории факт: Зоя Миронова была главным врачом-травматологом сборных СССР, а потом и России на семи Олимпийских играх! Причем помогала она не только своим, но и зарубежным спортсменам. За свою долгую жизнь Миронова разработала и внедрила в отечественную и мировую медицинскую практику огромное количество методик лечения спортивных травм. Прооперированные ею спортсмены уверенно достигали прежних результатов, а затем и добивались новых. Имен спортсменов и актеров, которых Миронова буквально поставила на ноги, не счесть — Владислав Третьяк, Ирина Роднина, Юрий Власов, Майя Плисецкая, Илзе Лиепа и многие другие, безо всякого сомнения, великие люди. Ну, а Миронова долгое время была председателем Федерации спортивной медицины России, лауреатом Государственной премии СССР, кавалером множества наград, среди которых — два самых престижных в мире спорта Олимпийских ордена, присуждаемые Международным олимпийским комитетом. В России нет больше человека, удостоенного двух этих орденов. Уход Зои Мироновой — уход целой эпохи в мировой спортивной медицине.

Но вот еще одна майская смерть: двумя днями ранее умер 19-летний футболист подмосковного клуба «Сатурн» Кирилл Спасский. Умер своей, точнее сказать, ненасильственной смертью — сердце не выдержало нагрузок. У этого мальчика, конечно, не могло быть такого фантастического послужного списка, как у Зои Мироновой. Но две эти смерти — как два полюса развития современной спортивной медицины.

Провокация и реабилитация

В сущности, современная спортивная медицина в чем-то противоположна медицине «обычной», которая занимается различными болезнями, то есть патологиями. Спортивная же медицина направлена, в основном, на здоровых людей и призвана расширять физиологические возможности человека — скорость, силу, энергети-

ку, способности к быстрому восстановлению и многое другое.

В 1928 году на Олимпийских играх в Санкт-Морице впервые было сформулировано основное отличие спортивного врача-травматолога от остальных медицинских специалистов. В спорте различается два направления работы — собственно большой спорт, так называемый «спорт высоких достижений», и физкультура — то, чем занимаются почти все люди. В первом случае функционируют особо избранные (по физическим, заложенным природой кондициям) и специально подготовленные мастера-атлеты. Физкультура — дело для здоровья полезное, а большой спорт, увы, наносит организму серьезный урон.

Иными словами, парадокс в том, что спортивная медицина вначале искусственно создает некую патологию в виде «суперчеловека», то есть суперспортсмена, — а потом уж преодолевает ее последствия. Здесь суть работы спортивного врача — во-первых, в постоянном внимании к работе опорно-двигательного аппарата, который подвергается серьезнейшим нагрузкам в ходе спортивного состязания. Во вторых — в комплексном подходе к «спортивной работе» организма: ведь болезнь или травмы в спорте могут быть вызваны многими факторами — от экологических до физиологических и психологических. Следовательно, спортивная медицина должна охватывать множество специальностей, в том числе в области психологии, кардиологии, пульмонологии, ортопедической хирургии, физиологии, биомеханики и травматологии. Это междисциплинарная область медицины, призванная не только устранять последствия спортивных травм, но и готовить организм спортсмена в таких условиях, чтобы, по возможности, исключать саму возможность травмы. Задача — почти невыполнимая... тем не менее, считается, что профилактическая деятельность спортивного врача едва ли не важнее, чем травматологическая.

Запредельные нагрузки, которые испытывает спортсмен, идущий, скажем, на установление мирового рекорда, изнашивают его мускулы и нервы, делают его, как и, например, балетного артиста, нетрудоспособным, примерно, к 35 годам — а в некоторых видах спорта и раньше

Запредельные нагрузки, которые испытывает спортсмен, идущий, скажем, на установление мирового рекорда, изнашивают его мускулы и нервы, делают его, как и, например, балетного артиста, нетрудоспособным примерно к 35 годам — а в некоторых видах спорта — и раньше. Значит, и медицина делится строго на две части: «провоцирующую» человека на результат, и «реабилитирующую», которая нейтрализует последствия действия первой. Причем реабилитация бывает самая разная: от физиологической, ликвидирующей последствия травм, и вплоть до психологической (потому что для спортсмена крупное поражение или уход из большого спорта — несомненная психологическая травма, о чем написаны сотни книг и снято множество кинофильмов). Выглядит несколько парадоксально, но на самом деле задача — очень проста: обойтись без человеческих жертв. Как ни печально звучит, удается сделать это далеко не всегда.

Еще Гиппократ говорил, что лечит природа, а медицина — лишь слуга природы, имея в виду, наверное, что любое воздействие на организм должно активизировать собственные скрытые компенсаторные и регенеративные силы организма. Но в профессиональном спорте давно уже ушли от таких лозунгов. Сейчас, скорее, лозунги звучат мичуринские: «Мы не можем ждать милостей от природы!»

Спортивная медицина как система

В 1951 году Минздрав СССР занялся организацией врачебно-физкультурных диспансеров (ВФД) во всех республиках, областях, крупных городах и районах страны. Именно они и заложили основу принципиально новой системы медицинского обеспечения спорта, при которой шло не только лечение и наблюдение, но и строгий отбор будущего «поколения победителей». Все было частью системы выхода спорта страны на серьезный международный уровень. Напомню, что спортсмены СССР впервые приняли участие в Олимпийских играх в 1952 году. Это требовало широких научных исследований по медицинским проблемам спорта, а исследования нуждались в «материале» — в миллионах физкультурников, как это ни странно звучало в истощенной войной стране.

Наверняка изучение влияния больших физических нагрузок на организм человека, выявление возможностей тренированного организма имели некоторый политический подтекст — готовиться к будущим войнам в СССР никогда не переставали. Но спортивная медицина делала свое дело, и в результате, в СССР был накоплен гигантский опыт в этой области.

В 1963 году появилась Федерация спортивной медицины СССР, указывающая на то, что эта область сформировалась как самостоятельное направление. К 80-м годам различные подразделения по медико-биологическим проблемам спорта были открыты и в ряде НИИ Минздрава СССР (институты питания, фармакологии, кардиологии, эндокринологии, стоматологии). А деятельность отделения спортивной и балетной травмы Центрального НИИ травматологии и ортопедии (ЦИТО) благодаря работе Зои Мироновой и ее коллег завоевала авторитет во всем спортивном мире (позднее отделение стало называться Центром спортивной и балетной травмы). Для руководства спортивной медицинской службой в Спорткомитете СССР было создано специальное управление. При сборных командах по всем видам спорта организованы КНГ (комплексные научные группы), в составе которых совместно с тренерами работали спортивные врачи. При президиуме Академии медицинских наук был создан научный совет по медицинским проблемам физической культуры и спорта.

Сейчас в России функционирует огромная сеть врачебно-физкультурных клиник, диспансеров, где врачи занимаются самыми разными областями спортивной медицины. Конечно, коммерциализация, ворвавшаяся в наше общество в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, повлияла и на их работу — но главные государственные медицинские и научные центры сохранили и специалистов, и базу деятельности. Спортивная медицина считается формально клиническим разделом медико-биологической науки. Однако, как мы уже отмечали, по сути дела — это вполне самостоятельная отрасль знания, практическое применение которого распространилось гораздо шире, чем только нужды современного спорта.

Еще Гиппократ говорил, что лечит природа, а медицина — лишь слуга природы, имея в виду, наверное, что любое воздействие на организм должно активизировать собственные скрытые компенсаторные и регенеративные силы организма

«Запчасти» и «механики»

Не так давно было проведено исследование состояния здоровья победителей и призеров крупнейших международных соревнований. Так вот: 98 чемпионов из 100 побеждали, имея за плечами тяжелейшие травмы. Например, олимпийский чемпион, гимнаст Сергей Харьков, стал, как говорится, наглядным примером едва ли не всех уникальных возможностей ЦИТО. Вначале ему имплантировали в голень 20-сантиметровую металлическую пластинку, поскольку от непомерных нагрузок у гимнаста расслоилась кость. Затем случился разрыв и омертвение бицепса — пришлось вшивать в сухожилие кусок лавсана, чтобы рука обрела подвижность. На следующих соревнованиях у Сергея оторвалась большая грудная мышца, которую «собрали» заново. Потом — тяжелый вывих стопы. Ее вправляли специальными спицами и подавали в сустав кислород. Вслед за этим — разрыв ахиллова сухожилия... Тем не менее после лечения чемпион продолжал не только выступать, но и побеждать! Вопрос только в том, что именно будет чувствовать битый-перебитый, ломаный-переломаный спортсмен к пожилым годам. А знаменитую гимнастку Елену Мухину так и не смогли вернуть к полноценной жизни после страшной травмы — перелома позвоночника. Несмотря на все ее старания и попытки, она все же умерла в достаточно не старом еще возрасте. И кто может сказать, что эта жертва спорту оказалась для кого-то нужной и полезной?

Вопрос в том, что именно будет чувствовать битый-перебитый, ломаный-переломаный спортсмен к пожилым годам

Директор Московского центра спортивной медицины, заслуженный врач России Зураб Орджоникидзе говорит о том, что «сверхнагрузки делают кости спортсмена хотя и твердыми, но чрезвычайно хрупкими. Значительно изменяются мышцы и сухожилия — нередко при травме просто-напросто разлетаются на кусочки, как детские воздушные шарики». Вот почему к спортивным травмам требуется особый подход и использование всех современных достижений. Спортивная медицина постоянно пополняется новинками. Например, артроскопия, которая заменила привычную операцию на суставах, или ударно-волновая терапия, когда на поврежденный участок тела воздействуют акустические волны определенной энергии и частоты, или эндопротезирование — замена изношенного или безнадежно поврежденного сустава на искусственный, что избавляет от постоянной боли, позволяет нормально ходить и вести полноценный образ жизни. Причем речь идет не только о тазобедренном и коленном суставах, но и плечевом, локтевом и голеностопном. А при оперативном лечении тяжелых переломов костей и выполнении остеосинтеза используются «запчасти» — современные легкие и прочные металлические конструкции. Чем-то напоминает работу механиков, не так ли?.. Понятно, почему наработки спортивной медицины используются и в других областях экстремальной медицины — военной, космической, медицине катастроф.

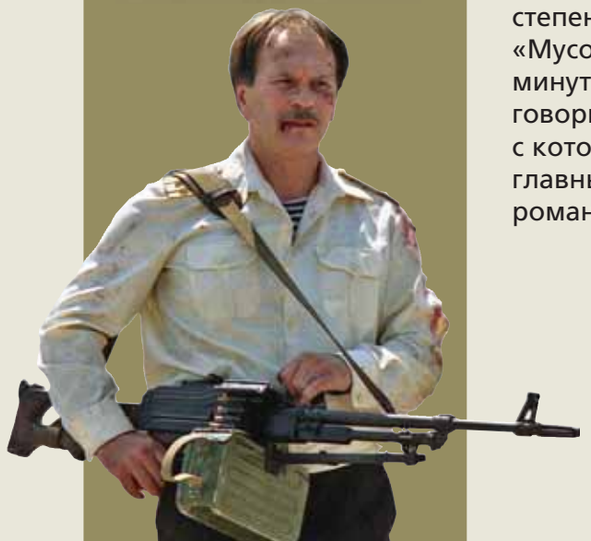
Впрочем, проблемы, которые повсеместно в России испытывает государственная система образования, сказались и на спортивной медицине. Многие специалисты говорят, что сегодня ни одно из образовательных учреждений в стране не готовит настоящих специалистов, реально способных решать вопросы обеспечения медико-биологической подготовки спортсменов. Не существует соответствующих современным требованиям программ подготовки врачей по специальности «спортивная медицина». И мало профессионалов, способных создать учебные программы. Современная спортивная медицина практически превращается в текущую работу врачей, работающих в командах, для которых главное — тактическая работа. То есть готовность спортсмена к старту. А ведь с уходом таких великих практиков, как Зоя Миронова, сложности будут возрастать.

Многие специалисты говорят, что сегодня ни одно из образовательных учреждений в стране не готовит настоящих специалистов, реально способных решать вопросы обеспечения медико-биологической подготовки спортсменов. Не существует соответствующих современным требованиям программ подготовки врачей по специальности «спортивная медицина»

Сегодня в России действуют сразу четыре ведомства, отвечающие за масштабное развитие спорта в стране. Это вновь созданное министерство по делам спорта, молодежи и туризма, Росспорт, Олимпийский комитет России и парламентский орган — комиссия Совета федерации по делам молодежи и спорта. Спортивная же медицина фактически не попадает под их юрисдикцию, оставаясь частью «системы Минздрава». Получается «раздробленность», преодолеть которую можно только системным подходом. Предлагаются различные варианты решения проблемы, но пока все упирается в еще одну классическую цитату: «Земля у нас богата — порядка в ней лишь нет!» ❑

Алексей Гуськов

На роль меня утверждал японский консул!



Его визитная карточка — картины «Отец», «Классик», «Мусорщик». Ну, и, конечно, чемпион всех рейтингов — «Граница. Таежный роман»… Кстати, поговорив с этим чертовски обаятельным и харизматичным человеком, я невольно подумал, что Алексей Гуськов и сам по жизни — в высшей степени «Отец», чистой воды «Мусорщик» и уже без пяти минут «Классик». Я уж не говорю о «Границах», с которыми связан его главный, «нетаежный» роман

Я по корням помор — там жили родители и папы, и мамы. Не так давно нашел в музее свою родословную, составленную по крестильным и венчальным книгам

Отец

— Алексей, в одном из интервью вы признались, что в детстве абсолютно ничего не предвещало грядущей актерской карьеры…

— Чистейшая правда! У меня было обычное советское образование — Дворец пионеров с массой кружков, дома — доставшееся мне в наследство старенькое пианино, к которому меня мама приобщала, приобщала, а я всеми хитростями отлынивал. И двор. Я был семейно-структурированный раздолбай. То есть в семье был абсолютно нормальный — помогал, делал все по дому, пока мама вкалывала на двух работах. А вот уж на улице вырывался из этих рамок — куда-то же надо было девать ураган юношеской энергии. Мальчишкой бегал в футбольную школу, потом, за компанию с ребятами, тягал штангу, забрасывал мячи в баскетбольную корзину, занимался академической греблей. В школе ведь все за компанию делается. И первый портвейн, и первая сигарета…

А вот слово «фактура» применительно к себе я впервые услышал в девятом классе от учительницы математики — она была очень театральным человеком. Я тогда еще подумал: «Что это такое — «фактура?» И благополучно забыл, пока не приехал из Киева в Москву.

— А что такое на самом деле «фактура»?

— Это данные, полученные от папы с мамой, — рост, лицо, то есть внешность… и, наверное, память. А память у меня, как позже выяснилось, почти феноменальная. Я обнаружил это в себе случайно — когда поступал в Бауманский институт. На одном из экзаменов закрыл глаза — «увидел» страницу, и все с нее «списал». Толстеннейший учебник на пятьсот страниц, весь испещренный формулами, я по памяти «воспроизводил» один к одному. Преподаватель был в шоке: «Этого не может быть! Куда ты его спрятал?» Теперь это и в актерстве меня выручает: в критической ситуации я не «борюсь» с текстом. Посмотрю на лист — и могу идти в кадр…

— Какого ученого потеряла наша оборонка… «Боевые части ракет» — кажется, так ваша «секретная» специальность в Бауманке называлась?

— Да, мог бы стать инженером-механиком «БЧР». Суперсекретным! Но недоучился. Тем не менее эти четыре года были самыми великолепными годами студенчества, потому что в театральном вузе — все по-другому.

— Я где-то прочитал, что «юный провинциал» развлекался тем, что флаги с зарубежных посольств снимал. Было такое?

— Поскольку наше общежитие находилось в центре, мы регулярно попадали на всякие культурные мероприятия. Бывало, когда наша сборная по хоккею выигрывала, мы в эйфории стаскивали флаги с посольства. Молодые же, глупые. Внутренний тупой, хрюкающий восторг... Попадали в милицию, но нас отпускали, потому что мы орали «Интернационал».

— А как в вашей жизни появилась Школа-студия МХАТ?

— Основная причина моего прихода в театральный — это то, что в Москве я стал заядлым театралом, и театр меня просто ошеломил. Еще, наверное, сработало слово «фактура», которое я запомнил… Я не был «билетным мафиози», как многие студенты МВТУ, МИФИ, МАИ, МФТИ, но у меня была возможность попасть на Высоцкого на Таганку, на Эфроса… А какие спектакли ставили Захаров, Фокин, Морозов! Сейчас это кажется невероятным, а тогда перед «Женитьбой» конная милиция оцепляла Малую Бронную, охраняя входы-выходы, люди давились. Мы проникали в зрительный зал через буфет… Но окончательно меня «добил» Анатолий Васильев, на репетиции которого я попал случайно. Он репетировал в театре имени Станиславского «Вассу Железнову», и все говорили про него «это гений, это гений». Мы и напросились — посмотреть. Я наблюдал с балкона и был, конечно, потрясен! Как у Булгакова в «Театральном романе»: «зеркало сцены, темный проем, и я туда просто упал»… Потом я ходил на его же «Серсо» с Алексеем Петренко в главной роли...

— В одной из публикаций именно Петренко назван вашим «крестным театральным отцом». Или это актерская байка?

— С одной стороны — байка, а с другой — быль, потому что после «Серсо» я посмотрел его «Агонию», «Двадцать дней без войны» и был под огромным впечатлением. Я как-то поздравлял Петренко с Новым годом и сказал, что он сильно повлиял на мое решение стать актером. А в ответ услышал: «Прости, тезка, за то, что я испортил тебе жизнь». Но, повторюсь, самым большим потрясением для меня были не спектакли, а именно репетиции Васильева.

Мусорщик

— Ваша первая картина — «Личное дело судьи Ивановой». Дебют в 27 лет — не поздновато ли?

— Это был естественный процесс. Я ведь поступил в школу-студию МХАТа в 21, закончил в 25. Распределился в театр. Фильмов и, тем более, сериалов не плодилось, как сейчас, это было штучное производство, долгое. Поэтому… все нормально. Это уже лет в 29 я сообразил, что еще не старший брат героя, но уже не герой. То есть попал в промежуток «ни туда-ни сюда», где-то между. Но как-то выкарабкался же! А с фильмом «Личное дело судьи Ивановой» вышла занятная история. Там в главной роли — Наталья Гундарева, ее мужа играл Сергей Шакуров, разлучницу — Марина Зудина. На роль парня, влюбленного в нее, Илья Абрамович Фрэз пригласил меня. Помню, должны были снимать эпизод, когда моя девушка уезжает, а я, провожая ее, бегу за поездом. Я выучил роль, пришел на Киевский вокзал в десять часов утра и… никого не увидел. В одиннадцать появился режиссер. В двенадцать — оператор. Он очень удивился: «Что

Память у меня — почти феноменальная. Посмотрю на лист — и могу идти в кадр...

так рано? Тебе за поездом бежать, а он только в четыре часа отойдет». В два часа у меня заболела голова, потому что я все время повторял текст. В три — обнаружил спящего Шакурова. Я его растолкал и осторожно спросил: «Не повторить ли нам текст?» Он пробурчал: «Потом», — и снова уснул. Я был поражен, как он может спать перед съемкой? Но когда раздалась команда «Мотор!», Шакуров блестяще справился с ролью.

— Выходит, вы дебютировали в роли героя-любовника. Как же тогда вдруг стали «волкодавом», то есть угодили в «чисто бандитское» амплуа?

— «Стрелялки-пулялки», «убегало-догонялово»… Тогда, в середине 90-х, кино благополучно загибалось, поэтому предлагали однотипные роли. А как у нас обычно? Актера ставят на поток и штампуют, штампуют. Чтобы этому противостоять, надо иметь мозги, мужество — я уж не знаю что, но от однотипного надо отказываться! А если нет, то уже через три года ты сам не соображаешь, кто ты такой, и играешь одну роль — себя...

— Трудное дело — доказывать себе и режиссерам, что ты не «штамп»?

— Один из моих педагогов — Евгений Александрович Евстигнеев — говорил: «Никогда не играй для девятьсот человек в зале — играй для десяти. Пусть те — остальные — подтягиваются». Вероятно, это отсюда. И оттого, что… ну, я не та «лошадь, что начала с галопа», поэтому не было такого потока и усталости. «Актер богат актерскими видениями», — написано у Михаила Чехова. А я расшифровываю дальше — «и фантазиями». Мое продюсерство выросло вот из этих моих неких «мечт», из неудовлетворенностей. Всегда казалось, что во мне гораздо больше, чем я исполняю, и многое даже не пробовано. И надо попробовать… Только из-за этого я раз семь театры менял.

— Если нет серьезных ролей в театре, кино спасает?

— Спасает, и я кино обожаю. Наверное, в нем даже больше понимаю, чем в театре.

— Поправьте, если не так. В понятии человека, далекого от кухни кино, продюсер — это делец, вкладывающий десять рублей с тем, чтобы заработать сто…

— Да перестаньте, что вы! Я бы был счастлив, если бы заработал ряд миллионов — я бы их тут же вложил в следующие проекты. Тем более, что идеи есть всегда, а ряд миллионов — отсутствует. Это на Западе продюсер может вложить свои личные средства в фильм и при удачном стечении обстоятельств вернуть их сторицей. А у меня таких денег нет. Скажу больше: мне гораздо выгоднее быть артистом — как артист куда больше зарабатываю. Но я хожу по инстанциям и богатым людям, сижу в приемных, кого-то уговариваю... Иногда уговорить удается, и тогда появляются фильмы «Граница. Таежный роман», «Мусорщик», «Охота на Изюбря», «Рагин», «Отец». Но никто никогда ничего не даст просто так. Надо крутиться.

— Для продюсера Алексея Гуськова важно, на чьи и на какие деньги снимать кино?

— Очень важно. Деньги же пахнут! Были случаи, когда от предложений приходилось отказываться… Мое продюсерство началось с того, что лет 15 назад два моих приятеля, один, кстати, из Бауманского, сказали: «Открой счет, мы тебе денег на кино дадим». Мы с Сережей Зерновым, моим партнером по Пушкинскому театру, открыли счет в банке и на эти деньги сделали фильм «Дорога в рай», взявший, между прочим, приз ФИПРЕССИ (международной федерации кинопрессы) на XI Венецианском фестивале. А потом к нам пришли «приглаженные» ребята, заявив, что наша продукция принадлежит им. Пришлось с ними разбираться. Урок — на всю жизнь! Бывало, что и семью прятал — угрожали-то реально.

И так это потрясло, что четыре года к художественному кино я вообще не обращался, пока меня не «реанимировал» Георгий Шенгелия, которому я очень благодарен за приглашение в картину «Классик».

Классик

— Если бы не «Классик», могло так случиться, что Алексей Гуськов ушел из профессии?

Съемки фильма по пьесе Островского «Волки и овцы»

— Были мысли всякие — даже бизнесом заняться. Но — нет! А потом — что значит «уйти из профессии»? Задавать себе вопросы: «мое ли это?» — обычное дело для актера. А дальше ты сталкиваешься с хорошим режиссером, с изумительным материалом, с блестящими партнерами, с профессиональным оператором. И понимаешь, что ты просто себя обманывал… На самом деле никуда уходить и не собирался.

Когда человек может подвинуть свое «я» и услышать противоположное мнение, только в этом и есть залог успеха

— Алексей, на днях прочитал интервью композитора Алексея Рыбникова. Он рассказывал про картину «Отец», где вы — и продюсер, и исполнитель главной роли. Рассказывал про ваши нешуточные музыкальные споры. По-вашему, истина рождается в споре творческих людей?

— Обязательно. Когда человек может подвинуть свое «я» и услышать противоположное мнение, только в этом и есть залог успеха. Споры — нормальная вещь. Но неприятно и обидно, когда они приводят к полному разрыву. К сожалению, люди теряют меня, я — их. Так как было и с Кириллом Серебренниковым во время работы над картиной «Рагин», снятой по мотивам «Палаты №6» Чехова… Кирилл, безусловно, талантливый режиссер, со своим видением, но вот эти «я» и «клака» доброжелателей, которая нас окружает, сработали так, что мы два года даже не здоровались. Сейчас хоть киваем друг другу при встречах как культурные люди.

— Но это же не помешало «Рагину» стать событием в киножизни и взять Гран-при на 40-м Международном кинофестивале в Карловых Варах? Только почему-то его крайне редко показывают по ТВ…

— Как раз сегодня я убеждал одного из руководителей телеканалов: «Покажите. Ведь в Нью-Йорке в Музее Современного искусства «Рагина» показали! Из российских фильмов много лет назад там демонстрировали только Тарковского». Он смеется: «А мы и Тарковского не показываем!» Не понимаю, почему нашего зрителя продолжают держать за совершенное быдло? Поверьте, есть еще порох в пороховницах и деньги в деньговницах. Есть еще потребность некоего культурного воздуха…

— Скажите честно: вы сами-то знаете, какое кино нужно снимать, чтобы и на века, и чтобы уложить «на лопатки» Канны?

— Во-первых, надо отделить Канны от зрителя, потому что — это две совершенно разные аудитории, и цели-задачи у них — абсолютно разные. А во-вторых, на этот вопрос ни один продюсер не возьмется отвечать.

Если делать фильм для зрителя, предполагается, что это, конечно же, должна быть очень национально-патриотическая картина, в основе которой обязательно должна быть зрелищная история. Тогда успех обеспечен, о чем говорят та же «9 рота», «Турецкий гамбит»…

— На сегодняшний день, какую свою картину считаете самой значимой?

— Если как продюсер, то анимационный фильм «Незнайка на Луне», которым горжусь, потому что долгое время ничего подобного в России для детей не делалось. Что последние 15 лет смотрели по телевизору наши дети? Сплошные черепашки-ниндзя, джых, бух, бах…

— А как актер?

— Я, например, назову такое кино, как «Жертва для императора». Мало, наверное, кто его видел. Это Куприн, 1905-й год, и вот сейчас держитесь за стул — я там играл японского

Как-то поздравлял Петренко с Новым годом и сказал, что он сильно повлиял на мое решение стать актером. А в ответ услышал: «Прости, тезка, за то, что я испортил тебе жизнь»

резидента. История — вообще занятная. Я приехал в Питер на пробы, естественно, русского контрразведчика. Наклеили мне усы, волосы так-сяк зачесали, массу фотопроб отщелкали, а на прощание, что называется, мы с режиссером на память снялись. Я уехал, а Роза Орынбасарова (она-то и была режиссером картины) отправилась в японское консульство показывать снимки. Никто там не понравился из казахских актеров, а в основном они и пробовались на резидента — ну, понятно, монголоидный тип лица… Вдруг консул случайно увидел нашу совместную с Розой фотографию и тут же показал на меня: «Вот это и есть резидент, полковник японского генерального штаба». Этот фильм я с удовольствием вспоминаю и люблю…

— А еще какие киноленты вам дороги?

— Все зависит от тех людей, с кем ты встречаешься в начале пути, а мне в этом плане очень везло. Косвенно ли, впрямую ли — не важно. Та же «Жертва для императора» была большим счастьем для меня, потому что имела отношение к мастерской Алексея Юрьевича Германа. Я там был единственный московский артист, и, помню, даже в гостиницу не селился — просто приезжал на «Ленфильм», спал прямо в просмотровом зале и просыпался, когда приходили люди. Когда Герман отсматривал материал, я сидел в самом дальнем углу и слушал. Например, как он кричал: «Еще Ромм говорил, что у плохого режиссера — «пустые чемоданы», а у хорошего — «полные»! Смотри, как он «их» у тебя несет!» А я думал: «Боже мой, где, какие чемоданы?!» Он продолжал: «Вот он идет у тебя. Куда он идет? Нет понятия «прохода», человек обязательно откуда-то идет куда-то!» Уже то, что я с Германом чуть-чуть соприкоснулся — это большая удача, а ведь он — гений! Не иначе как счастьем назову то, что дальше в моей жизни появились Митта Александр Наумович, Фрид Валерий Семенович, уже упомянутый Георгий Шенгелия, Абай Карпыков, Бахтиер Худойназаров… А география какая! Есть такой альбом у Шевчука — «Рожденный в СССР». Так вот и я — рожденный в СССР, и ничего плохого в этом нет.

— По каким правилам живет Алексей Гуськов?

— Думаю, по тем, что давно уже написаны — две тысячи лет назад в «Библии». Поэтому и у меня законы — общечеловеческие, библейские. А все равно, к сожалению, бывает, что не преступать невозможно…

— Какой соблазн — самый страшный для вас?

— Все!

— А какие у вас отношения с поклонницами? К примеру, Михаил Боярский рассказывал, что после «Трех мушкетеров» его так доставали, что он вынужден был применить грубую мужскую силу…

— Нет, у меня такого не было. Я же понимаю, что у этих девочек-

Фото Виктора ГОРЯЧЕВА

Алексей Гуськов с женой — Лидией Вележевой

Мое продюсерство выросло из того, что всегда казалось, что во мне гораздо больше, чем я исполняю, и многое даже не пробовано

старлеточек есть интерес к некому потенциальному образу мужчины-героя. Но я очень быстро сориентировался, и как только появился бурный интерес к моей персоне, я сразу выставил заслон — жену! То есть всем дал понять, что я — человек семейный. И все мгновенно схлынуло. А то, что узнают на улицах, улыбаются, автографы просят — это же хорошо. Надо понимать, что поклонники — часть профессии. И не самая худшая, кстати.

Границы. Нетаежный роман

— У вас семейный стаж — более 20 лет. Если честно, по холостяцким временам тоскуете?

— Это так давно было, что — честно — не помню. Я всегда чувствовал себя комфортно — сначала вдвоем с Лидой, теперь вчетвером... А еще есть старшая дочка от первого брака — Наташа, с которой мы тоже дружим, она даже посвящает меня в свои тайны.

— Лидия Вележева — не только известная актриса, а еще и красавица. Наверное, это тяжелая мужская ноша — ходить вокруг нее, образно говоря, с берданкой, охранять, никого не подпуская на пушечный выстрел?

— Не знаю, есть ли в этом смысл?! Тут важны договоренности. Мы с Лидой — из таких семей, где мораль, нравственные ценности — не пустой звук. Мы никогда друг друга не проверяли, не следили — все строится на доверии. Иначе нет смысла жить вместе.

— Кстати, ваша супруга в одном из интервью призналась, что из-за нее вы можете разорвать на части хоть Майка Тайсона…

— Ну, не совсем так она говорила… Мы раньше жили в темном районе Москвы и пару раз приставали к ней какие-то парни. А в критические моменты я реагирую быстро, говорю: «Пацаны, прежде чем начать махать руками, подумайте. Потому что одного или двух из вас я просто убью!» Самое удивительное, что действует, и на этом все заканчивается.

— Ваш роман был красивый?

— Я впервые ее увидел по телевизору — в фильме «Государственная граница», где Лида снялась в 14 лет. Вот ведь совпадение: ее первый фильм назывался «Государственная граница», а мой, громкий и удачный, — «Граница. Таежный роман». Видите, как много для нас обоих кино про границу значит? Увидел, и так мне эта девочка понравилась… А когда я уже работал в Москве в театре «Детектив», мне позвонил руководитель Василий Борисович Ливанов: «У тебя — новая партнерша». Всю репетицию меня не оставляло ощущение, что я свою новую партнершу где-то видел. И только уж потом, когда роман закрутился, сообразил. Оказалось, что она и родом из Киева, и жили мы по соседству… А роман был бурный.

— Я слышал какую-то историю, которая ему предшествовала, связанную…

— Со спичками? Все так и было. «Спичечная любовь» — можно так и написать. Я попросил у Лиды спички, чтобы прикурить, и не вернул. Она до сих пор считает, что я это сделал специально — «клеился». Я же не отдал, по обычной шоферской привычке. Вот вам и женская логика.

— Если бы у вас было немножко свободного времени, на что бы вы его потратили?

— Все на то же, и ни на что другое. Когда уезжаю куда-то на отдых, я просто разваливаюсь на огромное количество частичек. Наверное, я — трудоголик, и без работы не могу. В этом — моя судьба, и мне это нравится.

— Значит, когда я вам в течение нескольких месяцев звонил, а вы то «летите», то «на репетиции», то «обсуждаете сценарий», вы действительно…

Как показала моя практика, в продюсерстве от задумки до воплощения замысла проходит три-четыре года. А успешен он или провален — становится понятно только в зрительном зале на премьере

Иногда мне нужно просто спрятаться. В остановке безумного бега тоже ведь есть некое возвышение и озарение

— Ну, иногда я просто вру… Потому что иногда мне нужно просто спрятаться. Ведь чем больше меня узнают на улице, тем меньше я могу побыть с самим собой. А хочется подумать, почитать интересную книгу, даже полениться. «О, Дельвиг, ты достиг такого ленью, чего другой трудом не достигал!» В остановке безумного бега тоже ведь есть некое возвышение и озарение. Дел действительно достаточно много. И сценариями занимаюсь — их аж пять, и все гото-вятся для производства на «Студии «Ф.А.Ф.», где я — генеральный продюсер. А это долгий процесс. Как моя практика показала, от задумки до воплощения замысла проходит три-четыре года. А успешен он или провален — становится понятно только в зрительном зале на премьере.

— Говорят, вы хорошо владеете контактным карате?

— Раньше я серьезно занимался — «сбрасывал дурную энергию». Но уже давно в зал не хожу — там же спарринги, полный контакт! А в меня часто попадают и… больно. Молодые, они жестокие — быстро ставят тебя на место. Но форму стараюсь поддерживать. У меня же — два сына, и ничего лучше собственного примера не может быть. Из этой же серии мое расставание с алкоголем — полный отказ от возлияний! Даже дома не держим.

— С чем это связано?

— С взрослением старшего сына. Признаюсь, мы нелегко пережили его так называемый переходный возраст. А как ему еще объяснишь, что такое хорошо, что такое плохо? Только собственным примером! И, конечно, общением. Он ведь — «дитя перестройки», 1989 года рождения. А что он видел хорошего в пять лет? Папу, который носился, как угорелый, и даже молоко не мог купить — давал денежки на кассу, чтобы оставили, потому что очереди по сто человек?! И маму — рюкзачок на плечи, и под два театра две коляски. А потом недостаток родительского тепла так аукнулся в 13 лет, что я испугался. Нет контакта! Мы с Лидой сразу остановили все съемки, все бросили и поехали всей семьей в Ялту на целый месяц. Я с ним обошел все дискотеки, переслушал весь рэп, разве что брейк-данс на голове не крутил. А потом потихонечку, в машине, поставил сыну мою любимую арию из оперы Бизе «Кармен». Он аж застыл от изумления: «А что это?» «Это меццо-сопрано, сынок! И такое тоже бывает».

— Помогло?

— Могу сказать одно — мы дружим.

— Вас тоже родители воспитывали собственным примером?

— Папа, военный летчик, погиб, когда мне исполнилось семь лет. Но у меня никогда не было ощущения неполноценной семьи — вероятно, ранняя потеря отца нас всех очень сплотила. У нас всегда были семейные обеды, мы всегда вместе отмечали любые праздники. Часто ездили в Архангельск. Я ведь по корням помор — там жили родители и папы, и мамы. Не так давно был на архангельском фестивале «Сполохи» и в музее нашел свою родословную, составленную по крестильным и венчальным книгам. Меня «вычислили» аж до XVII столетия. Абсолютно незамысловатый крестьянский род. Жили на севере, рыбу ловили.

— Алексей, вы такой неординарный человек! Неужели в вашей жизни нет места побочным увлечениям, тайным и необычным хобби?.. Например, знаменитый Макс фон Зюдов, говорят, разводит ослов…

— Может, и я бы ослов разводил, но нет возможности. У меня даже дачи нет. На нее ведь тоже нужно много времени потратить. А мне его жалко… ❑

Один прадед был в «белом» движении, другой — один из первых большевиков. Так все и шло, пока не появился в роду актер — Алексей Гуськов…

Беседовал **Андрей КОЛОБАЕВ.**

CADAVERIA «Season of Mist»

Год выхода: **2007 (2008 в РФ)**
Жанр: **Black\Gothic metal**
Страна: **Италия**
Лейбл: **CD-Maximum (в РФ)**

Итальянские хэви-коллективы редко добираются до «всемирного» слушателя. Известных туземных коллективов — раз-два, и обчелся. С ходу вспоминаются только титаны Rhapsody и едва известные Domine. Сомнительно, что наш сегодняшний герой, точнее, героиня (проект называется по имени солистки), известна в широких кругах. Тем не менее это не повод игнорировать ее новую, третью по счету, сольную работу. Прослушивание релиза не выявляет очевидных сходств с кем-либо. Подобное не может не радовать, что подтверждает плодотворную работу над материалом. Музыка тяжела для восприятия неподготовленным и впечатлительным слушателем, ибо альбом — не из тех, что слушается на одном дыхании. Некоторые композиции явно отдают кустарностью, особенно попытки изобразить «брутальность» — смех сквозь слезы. Присутствует присущая молодым наивность. Вокальные партии разнообразны — от гроулинга до лирических напевов. Запоминающихся музыкальных находок найти не удалось. В итоге, альбом получает статус проходного или просто «для ознакомления».

ГРАН-КУРАЖЪ «Новой надежды свет»

Год выхода: **2008**
Жанр: **мелодичный Hard'n'Heavy**
Страна: **Россия**
Лейбл: **CD-Maximum**

С каждой новой работой или появлением новой команды на отечественном рок-небосводе не устаешь удивляться. Либо все старо, как мир, и списано у зарубежного аналога, либо свое, но совсем непонятное, либо же нечто в традиционном стиле, но — с изюминкой. В данном случае — последнее. Перед нами — работа по-настоящему многообещающего подмосковного («заМКАДовского», говоря языком ныне популярного «Камеди Клаба») коллектива из города Бронницы. Со времен образования Гран-Куражъ (1999 год) парни выпустили только второй альбом. С первых же нот ощущается отличный уровень музыкантов. Несмотря на приверженность к традициям, группе есть, чем похвастать. Продуманные и приятные на слух композиции, мелодичные гитарные партии, неплохой вокал. Встречаются интересные музыкальные находки. Альбом выполнен, сыгран и спет на достойном европейском уровне (не без помощи именитых «гостей»). К сожалению, идеал недостижим. Работа ударника добавила ложку дегтя, ибо не самая лучшая отечественная манера игры не стыкуется с энергичной музыкой «забугорного» класса. Релиз по достоинству оценят не только приверженцы стиля, но и меломаны.

ОЛЕГ ГАЗМАНОВ «Семь футов под килем»

Год выхода: **2008**
Жанр: **популярная музыка**
Страна: **Россия**
Лейбл: **Монолит Рекордс**

Газманов характеризуется как певец с неугасающей популярностью. Он всегда движется по течению, стараясь удовлетворить музыкальные пристрастия самых разных слоев нашего общества. Что ни альбом, ни сингл — образец профессионализма, пример для подражания. Традиционно подтянутый, энергичный, бодрый, излучающий шквал положительной энергетики. Творчество певца-композитора всегда пронизано мощным духом патриотизма. Новый релиз выдержан в классическом газмановском стиле, с присущими ему элементами. В альбоме воспеваются общечеловеческие ценности (дружба, любовь, уважение, мужество, патриотизм и многое другое). Из названия логично предположить уклон текстов в морскую тематику. Работа — не лучше и не хуже последних. Дело — в стабильности музыкальных взглядов, верности избранному направлению творчества. Помимо основных композиций, слушатели найдут на диске еще три бонусных. Как говорится, слушаем и делаем выводы.

GAROU «Piece Of My Soul»

Год выхода: **2008**
Жанр: **популярная музыка**
Страна: **Канада**
Лейбл: **Columbia**

Еще свежа память о нашумевшем мюзикле «Notre-Dame de Paris» («Собор Парижской Богоматери»). Вряд ли найдется человек, не слышавший хоть раз арию Квазимодо из французской версии произведения, исполненную популярным канадским певцом Пьером Гара. Сегодня он предстает перед нами под личиной «оборотня» — так с французского переводится его псевдоним. Впервые, за более чем 10 лет своего творчества, исполнитель выпустил англоязычный альбом. Над релизом плодотворно потрудилась целая «армия» известных продюсеров и композиторов со «всего света». «Кусок души» не имеет права на поражение. Слушатель получает всю гамму чувств, настроений, переживаний, вложенную Гару в каждую песню. Определенный колорит добавляет превосходный баритон, но его своеобразие придает альбому статус «на любителя». В совокупности же, вышла отличная, ни на что не похожая работа, полная индивидуальности, местами — автобиографичности. Наблюдается небольшой уклон в рок, скорее для передачи наиболее сильных эмоций. На фоне «Нотр-Дама» релиз сметут с прилавков, как горячие пирожки. Тем не менее альбом по достоинству оценят все любители хорошей музыки.

Кирилл ПОДОЛЯК

Твоих страстей поражен силой...

Евгения ГОРДИЕНКО

…Ноябрь 1917 года. По России, погруженной в непонятное и странное состояние, грабят усадьбы. Разграблено и Шахматово — родовое поместье Александра Блока. Ему, уже давно живущему постоянно в Петербурге, пришлось выслушать немало соболезнований от друзей и знакомых. Он отвечал строго: «Так и надо. Поэт ничего не должен иметь». Но наедине с самим собой Блок горевал. Горевал, что внутри у него так пусто: нет сил даже «обливаться слезами» по Дому, так часто приходящему во сне…

А. Блок в кругу семьи в Шахматове

Дитя Дома

Шахматово было для Блока Домом. Но не просто домом, где прошло детство, не просто калиткой, садом и цветными стеклами, но символом незыблемого, устойчивого счастья. Поэт не любил говорить о счастье, но, как и всякий, верил, что оно есть.

Усадьба принадлежала деду Александра Блока по матери — профессору ботаники Андрею Николаевичу Бекетову. Это был шумный дом, и Сашура — так Блока всю жизнь называли близкие — стал единственным ребенком в этом взрослом гвалте. Его обожали, баловали, жалели, зная о не слишком счастливом замужестве матери — Александры Андреевны Блок. Отец Блока — тоже Александр Блок — знаменитый «Демон» с картины Врубеля, оказался в быту человеком сложным, и юная Аля вскоре вернулась в отчий дом. Но не препятствовала общению сына с отцом. Множество стихотворений Блока посвящено этому поистине неординарному человеку… Но пока маленький Сашура растет в дедовском доме, где собирается весь цвет российской профессуры. Он впитывает в себя эту атмосферу «интеллигентной семьи», которая на всю жизнь оставит в нем твердый стержень и знание, как должно быть…

И серый дом, и в мезонине
Венецианское окно,
Цвет стекол — красный, желтый,
синий,
Как-будто так и быть должно.

Все интересы дома — в культуре, науке, литературе, искусстве. Все мелкое, внешнее, суетное, меркантильное — презиралось.

Свои словечки и привычки,
Над всем чужим — всегда кавычки,
И даже иногда — испуг;
А жизнь меж тем кругом
менялась,

И зашаталось все кругом,
И ветром новое врывалось
В гостеприимный старый дом…

Офелия и Гамлет

Неподалеку от Шахматова стояла усадьба Боблово, принадлежащая великому русскому ученому — Дмитрию Ивановичу Менделееву. Здесь все было по-другому — шум, гам, дети, гувернантки, репетиторы, и над всем возвышалась громада самого Менделеева…

В жаркий июньский день семнадцатилетний Александр Блок приехал в Боблово — на белом коне, в элегантном костюме, мягкой шляпе и щегольских сапогах. Позвали Любу — она пришла в розовой блузке с туго накрахмаленным стоячим воротничком и маленьким черным галстуком, неприступно строгая. Ей — всего шестнадцать. Она сразу произвела впечатление на Блока, а ей он, наоборот, не понравился: она назвала его «позером с повадками фата». В разговоре, однако, выяснилось, что у них есть масса общего: например, оба они мечтали о сцене. В Боблове началась оживленная театральная жизнь: по предложению Блока, поставили отрывки из шекспировского «Гамлета». Он играл Гамлета и Клавдия, она — Офелию. Во время репетиций Люба буквально заворожила Блока своей неприступностью, величием и строгостью. После спектакля они пошли прогуляться — впервые оставшись наедине. Именно эту прогулку оба вспоминали потом как начало их романа.

Между влюбленными установилась, как писал сам Блок, «мистическая связь»

Между влюбленными установилась, как писал сам Блок, «мистическая связь». Впрочем, для поэта, уже тогда бредившего символизмом, вполне обыденно было все называть мистическим. И лето 1901 года, когда начался его роман с Любовью Дмитриевной, он тоже называл мистическим.

Не призывай. И без призыва
Приду во храм…
Склонюсь главою молчаливой
К твоим ногам.
И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.
Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой слуга, порою — милый;
И вечно — раб.

Однажды, в июле, все Менделеевы отправились в лес по грибы. В доме остались лишь Люба и Дмитрий Иванович, погруженный в работу. В обычный час она уселась на обычном месте со своей вербеной и, собрав всю силу души, «приказала» Блоку приехать. И он приехал.

Потом — зима, год простых встреч, свиданий, прогулок, писем с объяснениями, ссор и примирений. Никто не мог сделать первый шаг к чему-то решительному. Разговоры о самоубийстве были обычными в среде символистов, и Блок все чаще стал говорить и писать об этом, даже своей Любе…

Л.Д. Менделеева

А.А. Бекетова, мать А. Блока

А.Л. Блок, отец А. Блока

Решительное объяснение произошло зимой 1902 года, после благотворительного бала. Была ночь, очень морозно и снежно. Они шли по Итальянской, по Моховой — «своими» тропами. У Симеоновского моста на Фонтанке Блок начал говорить. Сказал, что любит, и что судьба его — в ее ответе. «В каких словах я приняла его любовь, что сказала — не помню, но только Блок вынул из кармана сложенный лист, отдал мне, говоря, что, если б не мой ответ, утром его уже не было бы в живых. Этот листок я скомкала, и он хранится весь пожелтелый, со следами снега…»

Сейчас этот скомканный листок лежит в архиве — записка с указанием адреса, датированная 7 ноября 1902 года: «В моей смерти прошу никого не винить. Причины ее — вполне «отвлеченны» и ничего общего с «человеческими» отношениями» не имеют». Подпись: поэт Александр Блок.

Кто знает, воплотил бы Блок свои угрозы, или нет, но судьба распорядилась иначе: Любовь Дмитриевна ответила взаимностью, и женское сердце спасло для России великого поэта.

Женское сердце спасло для России великого поэта

Жена или Прекрасная Дама?

Блок в эти годы активно пишет. Но писать в Петербурге — мало. Нужно посещать салоны, что поэт, пусть и без особого удовольствия, делает. Мережковский, Гиппиус, Философов, Бугаев (Белый), Соловьев — все они были рядом с Блоком, пытались влиять на его творчество. Но разве можно влиять на гения?

В московском альманахе «Северные цветы» вышел большой цикл Блока под заглавием «Стихи о Прекрасной Даме».

Прекрасной Дамой была, разумеется, Люба Менделеева. Об этом знали, и, когда Блок решил жениться, литературная общественность долго не принимала его решения. Как можно жениться на Прекрасной Да-

Может, поэтому эти двое, порою бывавшие неверны друг другу, всю жизнь прожили вместе? Потому что смотрели не друг на друга, а в одну сторону…

ме?! Абсурд! Все равно, что Петрарка женился бы на Лауре!

Однако мнение общества не могло остановить влюбленных, и летом они поженились в Боблове. В девятисотых годах свадьба эта выглядела почти анахронизмом: старинные обряды, осыпание молодых хмелем… Но все закончилось, и после свадьбы супруги отправились в Москву, где поселились на тихой Спиридоновке.

Трое на качелях

Здесь, на Спиридоновке, Блоки в первый же день встретились с давним другом Александра — Андреем Белым. Он на всю жизнь запомнил, как к нему «явилась прекрасная пара — нарядная златоволосая, очень строгая юная дама, в меховой шапочке и с громадной муфтой, и очень корректный, очень светский молодой человек, в котором все — и одежда, и манеры — было самого хорошего тона».

С Белым чету Блоков связывала не только любовь к поэзии. Случилось так, что Андрей Белый влюбился в Любовь Дмитриевну. Влюбился отчаянно, и как человек порывов и страстей не сумел удержать чувство в себе. Он забрасывал и Блока, и его жену письмами, в которых просил, требовал, умолял дать ему хоть какой-нибудь ответ. Казалось бы, о чем может идти речь, когда пара только недавно поженилась? Но нет — Любовь Дмитриевну одолевают сомнения. Она пишет мужу: «Сегодня мне стало грустно от сознания, что ты — для славы, а я — для тебя». Обидно ли было молодой девушке стать всего лишь «женой при муже», мечтала ли она о большем, о поклонении? Кто знает… Однако доподлинно известно, что никаких надежд Любовь Дмитриевна Белому не давала. Напротив, Блоки решили на какое-то время прекратить отношения с Белым, чтобы получше разобраться в чувствах… Удалось ли разобраться — неизвестно, но Люба на всю жизнь осталась — Блок.

Свобода?

Хотя они и были любящими супругами, тем не менее Люба и Александр вели весьма вольный образ жизни, что позволяло потомкам говорить о неискренности и надуманности их брака. Правду знают двое и небеса, но об увлечениях и поэта, и его жены осталось немало свидетельств…

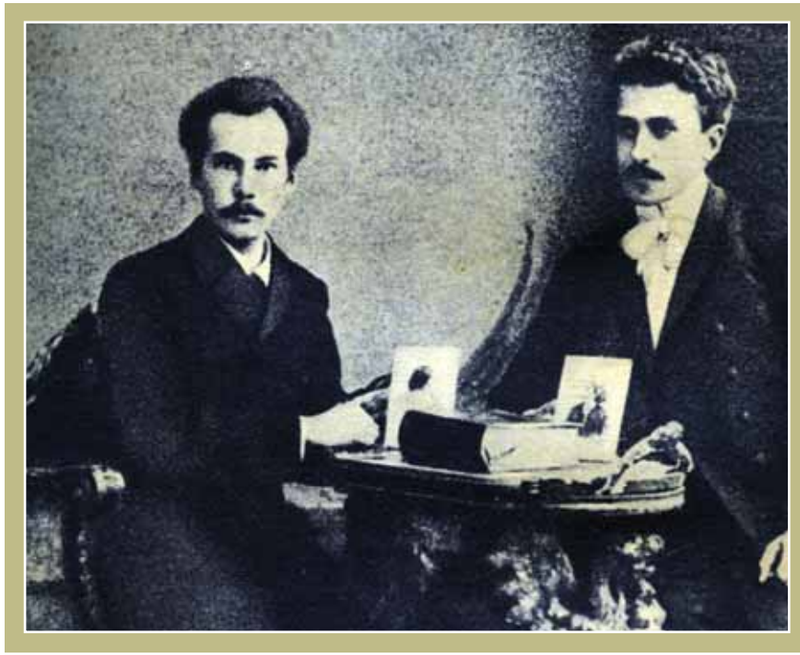
Блок увлекся театром. И актрисой Натальей Волоховой. И если с театром все было спорно: пьеса «Балаганчик» вызывала как восторженные, так и ругательные отзывы, то с актрисой все устроилось как нельзя лучше…

Любовь Дмитриевна не ревновала — Прекрасная Дама должна быть выше этого. Да и сама она, вновь вернувшись на театральные подмостки, обзавелась поклонниками и романами. Один из них даже закончился беременностью Любови Дмитриевны… У нее и Блока детей не было. И поэт, любивший жену, был готов признать ребенка своим. Однако судьба распорядилась иначе — ребенок после рождения прожил всего неделю… Эта смерть одновременно и сплотила, и разъединила супругов.

Но Блоку важно уже другое. Он творит. За два дня пишет поэму «Двенадцать», статью «Интеллигенция и революция»… «Двенадцать» сочли не только искусством, но поступком, гражданским поступком. Блок, не терпевший бахвальства, впервые назвал себя гением…

Но иногда приходили письма совсем иного рода. Так, Блок получил письмо от двух юных девиц — петроградских начинающих поэтесс:

«Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос,
И старый мир, как пес
безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.



Андрей Белый (Б. Бугаев) и С. Соловьев

И вам не стыдно?

Пощадите свои первые три книжки, «Розу и Крест» и «Соловьиный сад»!

И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье,
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое…

Как бесконечно жаль, что Вы не остались за «оградой высокой и длинной»…

Так оплевать себя!»

Но Блоку не нужно было одобрение этих девиц, ему важно было идти вместе со временем, пусть и таким меняющимся.

Ни разу у него не возникало мыслей об эмиграции, да и у Любы — тоже. Может, поэтому эти двое, порою бывавшие неверны друг другу, всю жизнь провели вместе? Потому что смотрели не друг на друга, а в одну сторону?..

Финал поэта

Конечно, многие хотели, чтобы Блок оставался лишь автором стихов о Прекрасной Даме, чтобы оставался, как бы это странно ни звучало, символом символистов, их флагманом. Но сам поэт тем и велик, что способен, взобравшись на вершину, подняться выше ее. Или же найти вершину новую…

Найдя Прекрасную Даму — свою Любовь, Блок написал о ней и для нее стихи, которые читает друг другу уже не одно поколение влюбленных. Оказавшись в пучине революции, он создал за два дня поэму, которую до сих пор мало кому удалось превзойти. И пусть Блок прожил не так долго, как хотелось тем, кто любил его. Но последние его слова, обращенные к жене: «Почему ты вся в слезах?» ставят его куда выше тех, кто говорит перед смертью о «великом». Он был просто человеком. Просто Талантом. ❑

Поэт тем и велик, что способен, взобравшись на вершину, подняться выше ее. Или же найти вершину новую…

ЛЕТАЮЩИЕ собачки

Андрей КИСЕЛЕВ

До сих пор
не пойму, кто я:
«первый человек»
или «последняя
собака»

***Юрий
Гагарин***

Что нам известно о космических собаках? Как ни напрягаюсь, а перед глазами мятая пачка сигарет «Лайка» — с невероятно милой песьей мордашкой и стеклянными глазами ударника первых пятилеток. Кажется, был еще... небывалый триумф... и бессильная зависть империалистических конкурентов. Потом — Белка и Стрелка, новые подвиги и столько красивых легенд, что непонятно, летали ли они вообще. И... все!

Созвездие гончих псов

Есть памятная дата, которая, кстати, напрасно не отмечается, — 22 июля 1951 года. Первый полет «собачьего экипажа» на геофизической ракете с вертикальным запуском. Именно в этот день и пробил «звездный час» собак...

Почему именно собак? Оказывается, все исключительно просто! Сергей Павлович Королев с самого начала мечтал, что в ракетах будут летать люди, и понимал: перед этим необходимо убедиться, что это абсолютно безопасно... Такова историческая традиция воздухоплавания. Еще в 1783 году намечался первый запуск воздушного шара. Французский король Людовик XVI лично руководил подготовкой. И один безумец (его называли то «аптекарем», то «врачом») по имени Пилатр де Розье был готов рискнуть собой. Но король сказал: «Прежде посадите в гондолу утку, петуха и овцу — пусть сперва они полетят». Так и сделали. И только когда животные приземлились живыми и невредимыми, Людовик разрешил лететь «сумасшедшему Пилатру»...

И все-таки, почему именно собаки? Ведь американцы в это же время проводили космические эксперименты на ком угодно — на обезьянах, крысах, но только не на собаках...

Из воспоминаний доктора медицинских наук Виктора Борисовича Малкина:

«Однажды, я уже работал в Институте авиационной медицины, в конце рабочего дня ко мне подошел наш старший научный сотрудник подполковник Олег Георгиевич Газенко: «Витя, сейчас в цирке выступает потрясающий дрессировщик обезьян Капеллини. Поехали...» И действительно, феноменально! Мы привыкли, что дрессировщик стоит в центре арены с хлыстом в руках и руководит «артистами». А этот стоял в сторонке, будто вообще ни при чем, — обезьяны играли весь спектакль сами. Эффект был потрясающий... Потом мы прошли за кулисы и стали «пытать» Капеллини: «Сколько времени уходит на то, чтобы научить обезьяну носить лакированные ботинки?» «О, — отвечал он, — около трех месяцев! И иногда вхолостую...» «А как они переносят уколы? Ведь обезьяны часто болеют человеческими болезнями». «О, это еще сложнее. Мы их здоровыми приучаем к шприцу...» Оказывается, обезьяны вообще очень болезненно реагируют на все непривычное. Когда Капеллини вез свой цирк в Америку, и встречный корабль дал упреждающий гудок, одна обезьяна погибла. Умерла, как человек, — от инфаркта...

Мы вышли из цирка, и Газенко сказал: «Обезьяны — не для нас! Пусть летают у американцев...»

Почему именно собаки? Ведь американцы в это же время проводили космические эксперименты на ком угодно — на обезьянах, крысах, но только не на собаках...

Нам ближе — собаки, их физиология прекрасно изучена академиком Павловым. Они неизменно с любовью и пониманием относятся к человеку. Словом, братья наши меньшие. А обезьяна — животное дикое. Поэтому мы решили однозначно: в космос полетит собака».

Первые запуски воздушных шаров — «СССР-1 бис» и «Эксплорер-2» — с мухами-дрозофилами на борту осуществлены в СССР и США в 1935 году. Высота полета — 15,9 и 24 км. Вскоре, по приказу Сталина, все исследования советских ученых на эту тему были свернуты, а группу ракетостроителей разогнали

По словам Виктора Борисовича, первый отряд ракетоплавателей набирали в... подворотне. Это были обычные бесхозные собаки — без роду, без племени. Дворняжки, или, как их еще называли, «дворяне». Их отлавливали на улицах и направляли в специальный питомник, откуда распределяли потом по научно-исследовательским институтам для опытов. Институт авиационной медицины получал собак строго по стандарту: не тяжелее шести килограммов (кабина ракеты была рассчитана на маленький вес) и ростом не выше 35 сантиметров.

Еще один резонный вопрос: почему именно дворняжки? Да потому, что они с первого дня вынуждены бороться, как выражался Шариков в «Собачьем сердце», за свой кусок хлеба. Они — выносливее любого волкодава!.. Виварием в институте тогда командовала Шура Королева, однофамилица Сергея Павловича. Уж не знаю, байки это или нет, но, говорят, собаки ее любили безумно, а уж она без них и вовсе жить не могла. После работы Шура шла домой, и за ней увязывались три-четыре «космонавта». Это было вопиющим нарушением — опыты жутко секретные, все ученые давали подписку о неразглашении. Собаки же подписку не давали, поэтому приходили в Шурино жилище и спали на одних полатях с нею и ее двумя детьми. Еще Шура позволяла им некоторые вольности, несовместимые с грифом «совершенно секретно». В результате, кавалеры (в первом отряде, в основном, были самцы) больше думали не о звездах, а о... дамах. Бывало, сбегали на рандеву прямо в скафандрах. Представляете картину? Неудивительно, что все живущие в районе стадиона «Динамо», не говоря уже о 30-м корпусе академии Жуковского, догадывались, что это за собаки...

Четвероногих учили выполнять команды, носить одежду, приучали к специальным лоткам, напоминающим жилой отсек ракеты. Вживляли им датчики... Этим занималась группа талантливейших ученых, подобранная Королевым. Владимир Иванович Яздовский, Виталий Иванович Попов, Александр Дмитриевич Серяпин, инженер Борис Георгиевич Буйлов, врач-лаборант Евдокия Осиповна Попова и Алексей Васильевич Покровский, директор института. То, что они сотворили за столь кратчайший срок, — настоящее чудо. Напомню, Королев появился в институте примерно в конце 1949-го, а в 1951 году уже полетели Цыган и Дезик.

7 мая 1947 года в Москве открывается Институт авиационной медицины, занимающийся секретными космическими исследованиями. На базе ракеты ФАУ-2, которыми немцы обстреливали Англию в годы Второй мировой, создана первая советская ракета-носитель, способная летать на большие высоты. Если в США в период с 1948 по 1952 год из девяти запусков высотных ракет с мышами и обезьянами восемь были неудачными, то первый же наш запуск собак в июле 1951-го оказался для космонавтики триумфальным.

По словам Виктора Борисовича Малкина, возможно, даже Сталин знал об этом полете. Ведь наша страна стала лидером в ракетостроении и космонавтике по двум причинам. Первая. У нас жил и творил гениальный Циолковский, который своими трудами «заразил» огромное количество энтузиастов, — ему поверили, что полет к звездам возможен. И вторая. Сталин, увидев ФАУ в «деле», понял: ракеты — очень мощное оружие. Поэтому сразу же после войны в СССР начали эту военную отрасль финансировать, как никакую другую...

Виктор Борисович попал в Институт авиационной медицины, как и многие его коллеги, случайно. В конце 1945-го получил высшее медобразование, кардиолог. Но шансов распределиться в Москву не было — из-за «пятого пункта». И он решил уехать в Таллинн. Узнав об этом, начальник отдела кадров поставил условие: «Есть заявка на какой-то «хитрый» институт. Вот если там откажут, уедете». Еле нашел эту странную «фирму без вывески» — обыкновенное четырехэтажное здание бывшей школы с суперзакрытой пропускной системой. Завлабораторией Андрей Георгиевич Кузнецов сразу предложил: «Берите две рекомендации от членов партии и — к нам». В итоге, Малкин ушел с головой в космическую медицину — занимался высотной физиологией 36 лет и 6 месяцев. В том числе — с группой будущих «космонавтов».

Цыганское счастье

Экипаж в составе Цыгана и Дезика стартовал в ракете Р-1 ранним утром 22 июля с ракетодрома Капустин Яр. Событие было столь значительным, что к нему проявили интерес все крупные ученые, имевшие спецдопуски, — Королев, академики Христианович, Благонравов. Христианович поддразнивал Королева: мол, ничего из этой затеи не выйдет. И вот — запуск! Р-1 поднимается на высоту 87 километров 700 метров, головной отсек отделяется и на парашютах спускается вниз... Попов с Серяпиным отвинтили крышку головного отсека... Потом Цыган с Дезиком, как угорелые, носились, ластились, и стало ясно без обследований, что они абсолютно не пострадали. Это была победа!

Из воспоминаний Виктора Борисовича Малкина: «Первое сообщение о Цыгане и Дезике сделано мною и Арменом Арамовичем Гюрджианом на научной конференции в Калуге 18 сентября тысяча девятьсот... девяносто первого года. Строжайшая тайна! В 1952-м за первые полеты группе ученых вручили Сталинскую премию. Но нигде ни полслова — за что. Собаки были под псевдонимами... Скажу больше: обстановка секретности была такой, что многие из нас долго знали Королева как «СП». Фамилия была «закрыта». Тогда говорили: «СП» велел, «СП» считает (или не считает) нужным...

Очень интересно, как отбирали первых «космонавтов». В виварии, как у спортсменов, у каждого пса был свой рейтинг. А эти были самые натренированные. Например, Гагарина не так выбирали. В него ткнул пальцем Хрущев: «Хороший русский парень, пускай летит!» А вот собак выбирали лучших из лучших. После приземления Р-1 Анатолий Аркадьевич Благонравов со словами «пусть этот герой теперь живет у меня» забрал Цыгана к себе домой. И тем самым спас: ровно через неделю был второй запуск — Дезика и Лисы. Отказал парашют...»

Сергей Павлович Королев с самого начала мечтал, что в ракетах будут летать люди, и понимал: перед этим необходимо убедиться, что такие полеты абсолютно безопасны...

С тех пор случаи гибели периодически повторялись — из 8 или 9 собак первого отряда четыре погибли. Но, несмотря на это, проведенные исследования имели огромное значение. Совершенствовалась техника, становились более мощ-

ными ракеты (Р-2 поднимались уже на высоту 212 км.). Собаки при взлете испытывали невиданные перегрузки — их вес то увеличивался в пять с половиной раз, то они вообще его теряли, находясь в невесомости. Плюс ударная перегрузка при приземлении. Все это было важно изучить применительно к человеку.

Нам ближе — собаки, их физиология прекрасно изучена академиком Павловым. Они неизменно с любовью и пониманием относятся к человеку. Поэтому однозначно было решено: в космос полетит собака

Дело Пестрых

Первыми на высоту 450 км. слетали Пестрая и Белая. Мало кто знает, что собаки по имени Белая в виварии не было — на самом деле ее звали Маркиза. Но маршал Неделин сказал, что из-за «маркизы» с Францией выйдет дипломатический скандал. «Скажут, мол, умышленно француженку выбрасываем в космос!» Так она стала Белой... Этот запуск тоже был неудачным. Не выдержав перегрева и перегрузок, собаки вернулись смертельно травмированными...

Из воспоминаний Виктора Борисовича Малкина: «Отношения между учеными и собаками были уникальные. Например, Виталий Иванович Попов, человек холостой, одинокий, был очень привязан к Чижику. Я знал, что больше всего на свете он не любит очередей. И вдруг встречаю его в очереди в буфет. «Понимаешь, — объясняет, — хорошие сосиски завезли. Сам их не люблю — Чижик любит!» Попова на собраниях часто сажали в президиум. И были просто потрясающие сцены: какой-то высокий начальник делает доклад. Вдруг открывается дверь и не спеша — с чувством собственного достоинства — Чижик проходит через весь зал, поднимается по лесенке в президиум и садится рядом с Виталием Ивановичем на «свое» место. Когда Чижик разбился, Виталий Иванович плакал. И пошел почти на преступление, даже два. Во-первых, он его похоронил. Это полбеды. Чтобы на память сфотографировать могилу Чижика, Попов пронес на закрытый объект личный фотоаппарат — по тем временам поступок подсудный. В остальных случаях, насколько я знаю, никакого похоронного ритуала не было. Наверное, останки куда-нибудь сдавали...»

Байки о Лайке

4 сентября 1957 года в Калуге отмечали 100-летие Циолковского. Все шло традиционно — выступали докладчики, остальные внимательно слушали. Вдруг на трибуну вышел невысокий пожилой мужчина в морской форме — академик адмирал Аксель Иванович Берг, председатель научного совета Академии наук по кибернетике. Его заявление было сенсационным: готов к запуску новый космический аппарат — «искусственный спутник Земли», который впервые совершит облет планеты в космическом пространстве. Что тут началось! Какая-то юная комсомолка, выхватив у Берга микрофон, закричала, что первый полет к звездам Циолковский обещал калужанам, и потребовала в спутник посадить ее...

И вот 4 октября 1957 года весь мир облетела весть: в СССР первый спутник запущен! Запад недоумевал: как?! Советские люди голодают, в

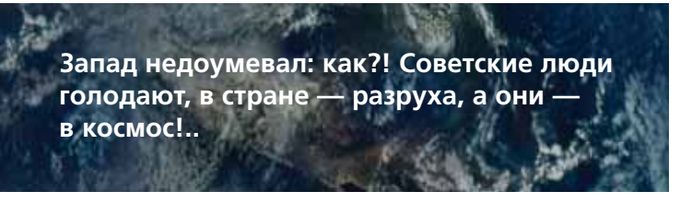
Четвероногих учили выполнять команды, носить одежду, приучали к специальным лоткам, напоминающим жилой отсек ракеты, вживляли им датчики… Этим занималась группа талантливейших ученых, подобранная Королевым

стране — разруха, а они — в космос!.. Проходит еще месяц, и новая сенсация: «3 ноября на спутнике Земли №2 полетела собака Лайка»... Этот полет был запрограммирован как заведомо безвозвратный — ровно через 7 суток Лайка должна была погибнуть. Но программа не была выполнена, что тщательно скрывалось. По мнению участников запуска, собака прожила не более 13 часов. По одним расчетам, она успела сделать 9 витков вокруг Земли и сгорела заживо. По другим — не успела и этого...

Между тем официальная версия гласила: «Четвертый... пятый... шестой день на орбите советский спутник с животным на борту. Все системы работают нормально! Самочувствие — отличное!» Потом на весь мир прозвучало: «На седьмые сутки Лайке дали снотворное, и она спокойно умерла с чувством исполненного перед Родиной долга...» Врали.

«Два месяца в космосе носится
Лайка.
Жива ли, подохла, попробуй
узнай-ка.
Дыханье не пишет давно
аппарат,
Но замерли все в ожиданьи
наград!»

Эти стихи написал полковник Виталий Георгиевич Волович, руководитель группы встреч и спасения космонавтов, тот самый, который потом в парашютном прыжке встречал Гагарина. Уже через три дня один его всезнающий коллега сказал: «Стихи



Запад недоумевал: как?! Советские люди голодают, в стране — разруха, а они — в космос!..

изучают в ЦК. Виталик, готовься...» Но Воловичу повезло: они попали к... Шепилову. А так как накануне Шепилов «примкнул к антипартийной группе», ему было не до поэзии, и Воловичу все сошло с рук. А могли быть крупные неприятности — вольность с его стороны была большая.

Собаки-ньютоны

Несмотря на невыполненную программу, огромное историческое значение полета не вызывает сомнений. Лайка была первым живым существом в околоземном космическом пространстве! И ведь это — после нескольких крупных неудач. Однажды выносящая ракета взорвалась на старте, и обе собаки погибли...

Позже был удивительный экипаж — Мушка и Пчелка. Они стартовали на искусственном спутнике 1 декабря 1960-го, налетали 24 часа, удаляясь от Земли на 240 километров, приближаясь на 180. Все шло «на ура», но когда дали импульс-команду на возвращение, они... улетели в сторону Юпитера. После одного из таких сбоев «СП» Королев сказал: «Ребята, нужна система автоматического спуска жилого отсека. Пусть ракета летит куда угодно, а собаки возвращаются». Он очень любил животных...

И такую систему создали. Уже в конце декабря запустили Жульку и Альфу. Старт проходил по нерасчетной траектории, режим полета нарушился, и собаки должны были, как всегда в таких случаях, сгореть. Но система сработала! Несмотря на ночное время, наземные службы засекли место падения — восточнее Туры в Сибири... Руководитель этого эксперимента Олег Георгиевич Газенко попросил Гюрджиана слетать на вертолете — вдруг кого-то удастся спасти. Гюрджиан рассказывал: мороз был крепчайший. Увидев почти засыпанный снегом контейнер, он понял — чудес не бывает. Подобрался поближе, и откуда-то из глубины — лай. Все крысы, насекомые, дрозофилы, растения замерзли и погибли, а Жулька и Альфа — живехоньки... Армен Арамович привез их на ракетодром, и Газенко, к тому времени уже генерал, забрал Жульку к себе домой. И она, и «первопроходец» Цыган остаток жизни провели заслуженно — в генеральских квартирах, на генеральских харчах и с генеральскими почестями.

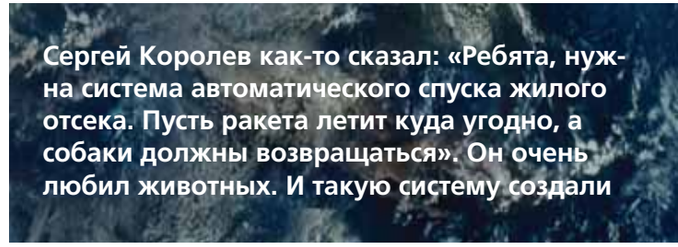
Всех, кто выжил, берегли, как зеницу ока, и старались пристроить в хорошие руки. К примеру, Линда, участница вертикальных запусков, выйдя на пенсию, сторожила «секретный» гараж. Шоферы ее просто обожали! Из Чернушки — в память о ее заслугах — сделали чучело (оно до сих пор стоит в Институте медико-биологических проблем). А вот Удачу-Звездочку Владимир Иванович Яздовский с целью пропаганды отдал в московский зоопарк — чтобы посетители видели и радовались. Посетители зоопарка со стажем помнят: висела огромная афиша: «Медвежонок Вася, волчонок Петя и собака Звездочка — участница полета вокруг Земли». Правда, вскоре Звездочка исчезла, и до сих пор неизвестно: сбежала или выкрали. Знаменитость все-таки...

Кто есть ху

Яков Гельфандбейн, в те годы начальник группы спасения животных, а затем профессор, действительный член нью-йоркской Академии наук, рассказывал о случае, когда собака «передумала» лететь в космос. Перед самым стартом, порвав провода с датчиками, она вырвалась и убежала в степь. Брошенные на поиски солдаты, машины и даже вертолет вернулись ни с чем. Как быть? Дублера нет. Отменить запуск — нельзя. Единственный выход — подменить «космонавта». Но кем? Выручила безымянная дворняга, чудом оказавшаяся на полигоне. В обмен на кусочек копченой колбасы она позволила обклеить себя датчиками и почти без тренировок полетела. А генеральному доложили: «Пуск произведен!»

Из воспоминаний Виктора Борисовича Малкина: «Собаки были очень умные. У нас в лаборатории был Мишка — небольшой рыжеватый пес. Изучали «набор высоты». К щеке собаки крепили фистулу для выхода слюны, поднимали на высоту, включали звук, свет и наблюдали за реакцией. Но с Мишкой ничего не получалось. Как только его поднимали, и замолкал мотор барокамеры, неуловимым движением он сбрасывал фистулу, после чего весело на нас посматривал, помахивая хвостом, разве что глазом не подмигивал! Приходилось начинать все заново. Наконец, надоело, и мы сказали Шуре Королевой: «Забирай, сил больше нет!» Так Мишка попал в «космонавты» и даже летал.

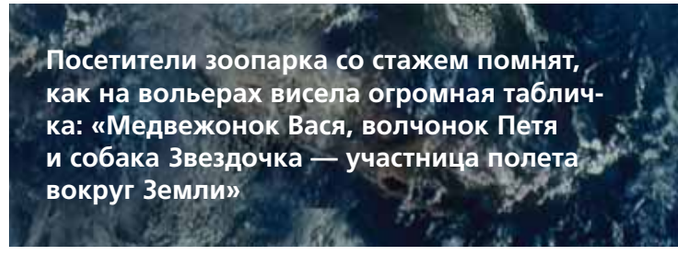
По словам Виктора Борисовича, самая гениальная космическая собака всех времен и народов — Лайка. Недаром сразу появились сигареты и шоколадные конфеты «Лайка», а на Западе, в двух или трех странах, выпустили марки с ее изображением. На второе место он поставил Белку и Стрелку. Этот полет был в особом секрете. Только после их благополучного возвращения согласовали на самом верху текст официального сообщения. Королев тогда радовался, как ребенок. Их сразу сделали парадными собаками — показывали детям на ёлках. Кстати, с них начались первые исследования: как влияет космос на генетику. И Стрелка этому активно способствовала — родила шесть здоровых милых щенков...



Сергей Королев как-то сказал: «Ребята, нужна система автоматического спуска жилого отсека. Пусть ракета летит куда угодно, а собаки должны возвращаться». Он очень любил животных. И такую систему создали

По стопам Удачи

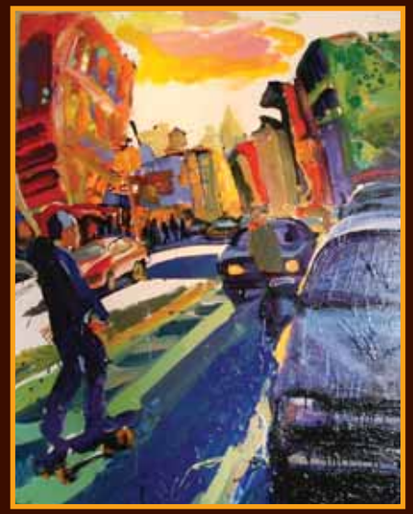
Почти за месяц до запуска Гагарина проводили генеральную репетицию. 9 марта 1961 года вместе с манекеном-космонавтом полетела Чернушка. Сделала виток, благополучно приземлилась. Следом должна была лететь Удача. Собаку привезли в Капустин Яр, и один из ныне всемирно известных космонавтов сказал: «Мы, космонавты, люди суеверные. А вдруг — неудача?» И Удачу переименовали в Звездочку... Это была традиция: клички часто меняли, особенно если собака летела второй-третий раз, считали это необходимым из соображений секретности, чтобы «враг» ничего не понял. Например, Жулька успела побывать и Жемчужиной, и Снежинкой... Вот и Удача вошла в историю воздухоплавания под другим именем, зато всем стало ясно — человек может смело лететь... по собачьим стопам. И как считают участники первых экспериментов над «четвероногими аэронавтами», если бы не собаки, путь человека к звездам был бы во сто крат тернистее. ❑



Посетители зоопарка со стажем помнят, как на вольерах висела огромная табличка: «Медвежонок Вася, волчонок Петя и собака Звездочка — участница полета вокруг Земли»

Анна ШЕРКУНОВА

Московский международный салон изящных искусств



В Центральном выставочном зале «Манеж» прошел юбилейный, пятый, Московский международный салон изящных искусств (The Moscow World Fine Art Fair).

Показательно, что в выставке этого года принимали участие около 80 галерей, в то время как на первом Салоне, который состоялся в 2004 году, их было лишь 27. Это, несомненно, говорит о развитии российского антикварного рынка и росте интереса к современному искусству в нашей стране. Поддерживая традицию прошлых лет, в Салоне этого года участвовало множество российских галерей, занимающихся современным актуальным искусством.

Галерея «Марата и Юлии Гельман» в этот раз не стала оригинальничать и показала уже ставшие знаменитыми «Хлеба» Анатолия Осмоловского. Художник буквально недавно получил за эту работу, выполненную из огромных кусков дерева, премию Кандинского. Также, передав привет прошлому Салону, где в белых гробах, выставленных в ряд, возлежали куклы Энди Уорхола, в этом году галерея представила более «скромные» по размеру гробики с куклами «Барби»…

Галерея «Айдан» экспонировала серию «Пьета», последнюю часть антропологической трилогии художника Рауфа Мамедова, где люди с синдромом дауна разыгрывают сцены из Евангелия. Наверное, именно поэтому пройти мимо и остаться равнодушным к данным работам просто невозможно. Как объясняет сам художник, «Пьета» значит сострадание, и именно это чувство он хотел пробудить в людях, увидящих его, на первый взгляд, противоречивые работы.

«Риджина» показала работы известного испанского художника Хосе Марии Кано «Герои нашего времени», выполненные в уникальной технике «энкаустика» (от греч. enkaustike, от encaio — жгу, выжигаю), техника живописи красками, замешенными на воске, которые накладывались и закреплялись при помощи нагревания. Она применялась в древности в Египте, Греции и Риме для настенных росписей, в портретной живописи, в скульптуре и архитектуре для полихромной раскраски статуй и зданий. Египтяне использовали энкаустику для росписи саркофагов. В этой технике писали картины древнегреческие живописцы Зевксис и Парразий, а Хосе Мария Кано таким же образом изобразил портреты известных российских политических деятелей и предпринимателей: Романа Абрамовича, Владимира Потанина, Михаила Прохорова, Олега Дерипаски, Виктора Вексельберга, Владимира Путина, Дмитрия Медведева и Сергея Иванова.

XL-галерея представила две работы Владимира Дубосарского и Александра Виноградова из серии «Под водой», интерактивный медиаобъект «Я так вижу» Аристарха Чернышева и Алексея Шульгина, гиперреалиста Валерия Улымова, интервью с которым вы могли читать в пятом номере «Смены».

Помимо галерей, ориентированных на искусство современное, Россия показала галереи, занимающиеся искусством старым, уже ставшим антикварным — «Александр Арт», «Старые мастера», Kournikova Gallery, «Три века», Suslov Fine Art из Санкт-Петербурга.

MWFAF — выставка международная, кроме России, в ней участвовали Франция, Германия, Италия, Великобритания, США, Швейцария, Монако, Австрия и многие другие страны.

Из зарубежных галерей хотелось бы отметить «Galerie le Minotaure»

(Париж), которая представила произведения русских художников парижской школы — Шагала, Цадкина, Пуни, абстрактные работы Полякова, Шаршуна, Ланского. Коллекцию изысканной мебели в стиле ар нуво продемонстрировала другая парижская галерея — «Impulsion B». В «Jane Kahan Gallery» (Нью-Йорк) выставлено множество полотен авангардистов первой половины XX века. «Galerie Tamenaga» (Париж-Токио-Осака) представила двух художников. Первый — Том Кристофер — в его «Городском экспрессионизме» ритм большого города ощущается в каждом массивном мазке, а общую картину можно разглядеть лишь издалека, что в данном случае является только плюсом. Второй — Чен Янг Хонг, его серия «Лотос», как следует из названия, посвящена удивительному цветку, да и сами работы, хоть и выглядят абстрактно, завораживают яркостью красок.

В этом году к Салону присоединились и новые перспективные участники, ранее не участвовавшие в данном мероприятии: галереи Johns & Testori (Лондон), Ivan Lindsay (Лондон), Die Galerie (Германия), Artvera (Женева), «Богема» (Москва), «Три века» (Москва), Proun (Москва), Erdesz & Maklary (Венгрия) и др.

Безусловно, поразил список именитых авторов, чьи работы выставлялись в «Манеже». Пришедшие могли насладиться, а, возможно, и приобрести Питера Пауля Рубенса, Томаса Гейнсборо, Поля Сезанна, Пабло Пикассо, Амедео Модильяни, Энди Уорхола и других величайших мастеров.

Помимо живописи, скульптуры и предметов интерьера, на Салоне можно было увидеть и уникальный фотопроект LIVE MUSIC, созданный Александрой Кремер-Хомасуридзе — это около 80-ти черно-белых фотографий, на которых запечатлены великие музыканты в момент музицирования: Юрий Башмет, Владимир Спиваков, Валерий Гергиев, Евгений Кисин, Михаил Плетнев и Гидон Кремер.

Также в Салоне принимали участие ведущие ювелирные компании. Chanel в этот раз представила две

ювелирные коллекции — 18, place Vendome и Les Essentiels, вторая была продемонстрирована в России впервые, в нее вошли самые крупные камни, когда-либо использовавшиеся домом Chanel для создания ювелирных украшений.

Московский международный салон изящных искусств продемонстрировал весь блеск современного и антикварного искусства. Суммарная страховая стоимость предметов, выставленных в Манеже, измеряется миллиардами долларов. Но в этом году все прошло не так гладко, как наверняка хотелось бы организаторам. При регистрации предметов, ввозимых на Салон, Росохранкультура изъяла пять архивных документов, похищенных в 1992 году из российских государственных архивов. Это указ Николая II (капитул российских орденов), письмо Петра I и три документа Реввоенсовета с подписью Льва Троцкого. Представители французской компании, узнав о том, что они похищены из российских государственных архивов, заявили о своей готовности вернуть их России. Хочется верить, что организаторы в следующем году будут внимательнее относиться к экспозиции, ведь репутация важна в любом бизнесе, а в том, что Салон изящных искусств — выгодный бизнес-проект для тех, кто ежегодно открывает его в Москве и участвует в нем, сомневаться не приходится… ❑

Карл I в трех ракурсах Антонис Ван Дейк

Ирина ОПИМАХ

Этот портрет английского короля Карла I, казненного по решению парламента во главе с Оливером Кромвелем, — не только великое творение великого художника, вершина творчества Антониса Ван Дейка. Она странным образом стала пророчеством, предсказанием грядущей трагедии. Иногда гениям удается заглянуть в будущее. Вот и Ван Дейк, работая над этим портретом, словно увидел страшную смерть короля, его полную беспомощность перед неумолимым ходом истории. Это почувствовал и другой гений, итальянский скульптор Бернини, отметивший «некоторую горестную обреченность, читаемую в чертах лица этого выдающегося правителя». Голова Карла на белом кружевном воротнике, словно отрубленная голова Иоанна Крестителя на блюде…

В 1630 году Антонис Ван Дейк, один из лучших художников славного города Антверпена, закончил огромное полотно «Ринальдо и Армида». Художника вдохновила поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» — он изобразил Армиду, восхищенно смотрящую на Ринальдо, который распростерся у ее ног. Романтическая, теплая, наполненная светом любви картина, написанная в традициях итальянской живописи, очень понравилась английскому королю Карлу I. Он купил работу фламандского художника и пригласил его в Лондон.

Карл I славился как тонкий ценитель прекрасного, у него была одна из лучших в Европе коллекций живописи, куда входили полотна Тициана, Гольбейна, Дюрера, Караваджо и других европейских мастеров. Он никогда не жалел денег на пополнение своего собрания и поддерживал угодивших ему художников. Английская аристократия, следуя примеру

Наполненная светом любви картина «Освобожденный Иерусалим» очень понравилась английскому королю Карлу I. Он купил эту картину и пригласил Ван Дейка в Лондон

Антонис Ван Дейк — создатель прекрасных полотен на библейские темы, автор серии гравюр «Иконография Ван Дейка», где собраны портреты ста его выдающихся современников

На самом деле, Карл I был вовсе не таким, каким запомнил его мир на портрете — высокий, ироничный, чуть-чуть печальный, и все это благодаря чудодейственной кисти великого Ван Дейка

короля, также проявляла интерес к искусству. Герцоги и графы с удовольствием заказывали модным художникам свои портреты и портреты членов своих семейств, платя при этом немалые деньги. В Лондон часто приглашали мастеров из других стран, и до Ван Дейка здесь уже поработали два фламандских художника — Рубенс и Йорданс.

Получив столь лестное предложение от короля Англии, Ван Дейк сразу же согласился, и в 1632 году он поселяется в Англии. Ему — 33 года, казалось бы, не так уж много, но этот блестящий молодой художник, любимый и самый талантливый ученик Рубенса, уже завоевал одно из первых мест среди лучших живописцев Европы. Его работы украшают дворцы богатейших людей Италии, Фландрии, Голландии. Ван Дейк — создатель прекрасных полотен на библейские темы, автор серии гравюр «Иконография Ван Дейка», где собраны портреты ста его выдающихся современников (Снейдерса, Броувера, Рейкерта и др.). Его имя стоит и на множестве портретов высокородных особ, среди которых — члены королевских семейств Европы. Недаром в 1634 году он становится почетным деканом антверпенской гильдии художников — до него это высокое звание имел только великий Рубенс. И вот теперь Ван Дейк обосновывается в Англии. Его все любят — да и как можно не любить этого обаятельного, красивого, изящного господина, говорящего почти на всех европейских языках, прекрасно образованного, разбирающегося в истории, теологии и искусстве и при том весьма учтивого и любезного.

«Вечно юный, даже в зрелые годы, всегда беззаботный, даже в последние годы своей жизни, распутник, гуляка, игрок, алчный, расточительный, и, как сказали бы в то время, продавший душу дьяволу, лишь бы раздобыть гинеи, которые он потом расшвыривал полными пригоршнями на лошадей, роскошь, разорительные любовные связи, — таков был этот человек. Безгранично влюбленный в искусство, он приносил его, однако, в жертву менее благородным увлечениям, менее верным связям, менее счастливым привязанностям. Манеры — скорее Дон Жуана, чем героя, с налетом меланхолии, и, пожалуй, даже скрытой грусти, порой сквозящей в его веселье. Пылкое, нежное сердце и какая-то разочарованность… Он не был хозяином жизни, а скорее позволял ей овладевать собой или сам отдавался ей», — так писал о Ван Дейке выдающийся историк искусства Эжен Фромантен.

Ван Дейк прекрасно вписался в жизнь английского двора. Король принял его так, как до того не принимали в Англии ни одного художника — подарил дом в центре Лондона, у Темзы, — чтобы легко было наносить ему визиты, назначил «первым живописцем Их Величеств» и даже посвятил в рыцари!

Возможно, столь милостивый прием фламандского художника при дворе объяснялся любовью короля к живописи, однако историки говорят и о других причинах. А именно о том, что король задумал использовать Ван Дейка в чисто пропагандистских целях. В стране назревали глубочайшие противоречия: король, поддерживаемый высшей аристократией, не хотел ни с кем делиться властью, а члены парламента, куда входили богатые дворяне и зажиточная буржуазия, требовали, чтобы государственные решения принимались с их ведома и одобрения.

Карл стал королем в двадцатипятилетнем возрасте. Он был приятен в общении, обладал мужеством и достоинством, однако, подобно многим монархам, был склонен сильно преувеличивать свои полномочия, к тому же отличался вероломством и неискренностью. Нелады в королевстве начались с самого начала его правления. Взойдя на трон, Карл отправил герцога Бекингема в Париж к принцессе Генриетте Марии, дабы герцог предложил ей стать английской королевой. Та согласилась, и вскоре вышла замуж за Карла. Англичане уже готовы были проявить по от-

Портрет Карла I на охоте

Ринальдо и Армида

ношению к ней лояльность, но оказалось, что француженка недолюбливает протестантскую веру — она привезла с собой целую толпу священников-католиков, поклялась, что воспитает детей своих в католической вере и будет всегда защищать ее в этой протестантской стране. Королева быстро разонравилась своему народу. Она же не замедлила ответить ему взаимностью и потом изо всех сил старалась поссорить короля с его подданными, в результате чего король намеренно сократил полномочия парламента и расширил свои. Очень скоро он вообще перестал обращать внимание на парламент: ввязался в войну с Испанией, ввел новые налоги и совершал всяческие беззакония. В конце концов, он вообще разогнал парламент и правил единолично на протяжении целых двенадцати лет — как пишет Чарльз Диккенс, «беззаконно и деспотично, зарился на имущество и деньги своих подданных, когда ему вздумается. И наказывал всех, кто осмеливался возражать, как ему заблагорассудится».

В этих сложных обстоятельствах на Ван Дейка возлагалась важнейшая миссия — создать с помощью своей кисти образ короля Карла, мудрого, доброго правителя, готового на все ради своего народа.

Так все и получилось. С невероятной быстротой Ван Дейк создал десятки портретов самого короля и членов его семьи. Эти картины сыграли свою роль: разойдясь по стране, они формировали в народе образ Карла — красивого, мудрого, душевного, которому мешают воплощать его планы по улучшению жизни подданных глупые, ничтожные смутьяны.

Ван Дейк не всегда был правдив, и порой его кисть беззастенчиво льстила высокородным моделям. Так, например, супруга короля сильно отличалась от своего живописного образа, созданного художником. Принцесса София Баварская, увидевшая английскую королеву во время одного из приемов, писала: «Прекрасные портреты Ван Дейка внушили мне, что все английские дамы необыкновенно красивы, и я была крайне удивлена, увидев, что королева, столь привлекательная на картинах, — низкорослая женщина, которая кажется высокой благодаря специальным креслам, с тощими длинными руками, с зубами, торчащими изо рта, подобно оборонительному частоколу».

Не так уж хорош был и сам король, каким мы видим его на знаменитом портрете, где он изображен на охоте, — высокий, ироничный, чуть-чуть печальный. На самом деле, он не был столь строен и красив. Но мир запомнил его именно таким, и все это — благодаря чудодейственной кисти Ван Дейка. Вот он, Карл I по Ван Дейку, — горделивая поза, изящная фигура, элегантный охотничий костюм.

В 1634 году Ван Дейк становится почетным деканом антверпенской гильдии художников — до него это высокое звание имел только великий Рубенс

Эта картина — действительно один из шедевров мировой живописи. Она хороша и по композиции, и по колористическому решению, и по глубине проникновения в душу изображаемого персонажа — король увидел себя на картине таким, каким хотел бы быть в реальности.

Итак, обстановка в стране была крайне неспокойной, а тут еще Ватикан, поддерживаемый Генриеттой Марией, возымел желание вернуть Англию в лоно католической церкви. В знак нерушимой связи Ватикана и Англии папа Урбан VIII задумал преподнести королеве бюст ее супруга, исполненный знаменитым итальянским скульптором Лоренцо Бернини. «Король весьма доволен перспективой получить свой бюст работы прославленного Бернини», — в 1635 году доносил в своем июльском докладе папский посланник в Лондоне кардинал Грегорио Панца-

ни. Понятное дело, король не имел никакой возможности позировать скульптору — уехать в Италию, оторваться от государственных дел, оставить свой народ ведь никак нельзя, да и глыбу каррарского мрамора везти в Англию глупо, поэтому было решено, что Ван Дейку, самому лучшему портретисту Англии, закажут портрет Карла, глядя на который, как на модель, лучший скульптор Италии создаст свой, скульптурный, портрет короля.

Более месяца добивался кардинал встречи с Ван Дейком. Наконец, художник принял посланника Святого Престола. Выслушав Панцани и узнав, что король поддержал идею папы, Ван Дейк согласился, но при этом не забыл отметить, что художник он отнюдь не дешевый. Панцани был счастлив, что его миссия увенчалась успехом, и заверил живописца, что ради столь высоких целей папа римский за ценой не постоит.

Ван Дейк работал быстро, и вскоре портрет был готов. Очевидно, вдохновляемый «Портретом мужчины в трех ракурсах» Лоренцо Лотто, хранившемся в Королевском собрании, Ван Дейк изобразил Карла тоже в трех ракурсах, по пояс (поскольку Бернини собирался лепить бюст), в профиль, в три четверти и в анфас. Фон почему-то художник выбрал тревожный — грозовое небо. Может, тот день, когда король позировал художнику, был дождливым, грозовым, с громом и молниями. Потому и король был как-то особенно грустен… На короле — три разных камзола, но один и тот же кружевной воротник. Три лика могущественного монарха… Казалось бы, уже знакомые нам изящные усы и бородка, длинный нос, тяжелые веки. Но что-то тут не так, как на других вандейковских портретах короля. Какая-то покорность судьбе, тоска, обреченность. И этот белый воротник, как блюдо…

Как всегда, творение художника понравилось Карлу. С большим удовольствием он писал в письме Бернини, что полотно вскоре будет выслано в Рим, и что скульптор «изваяет наше изображение в мраморе по нашему же подобию на холсте».

Картину действительно вскоре отправили в Италию. И скульптурный бюст короля был готов уже летом 1636 года. Но прошло еще несколько месяцев, прежде чем кардинал Барберини привез его в Лондон. Наконец, в июле 1637 года шедевр Бернини прибыл в Англию. Король и его приближенные были в восторге — их восхитило как мастерство исполнения, так и удивительное сходство. А королева, в порыве щедрости и преданности Ватикану, даже наградила кардинала Барберини, доставившего сей подарок Святого Престола в Лондон, дорогим бриллиантом.

Жизнь при дворе, желание угодить заказчикам развращает. А если еще ты слаб, и так хочется почестей, славы, денег, мирских радостей… Искусство же не терпит предательства. Ты или весь принадлежишь ему, или оно тебя покидает. Близость к власти, служение ей никогда не шло на пользу талантам — ни в искусстве, ни в литературе.

Уж очень Ван Дейку хотелось славы, богатства, роскоши. Лондонцы судачили: какие у этого любимца короля кареты, лошади! Говорили и о певцах и клоунах, живших в его доме и развлекавших во время сеансов позировавших ему высокородных господ. А сколько у него слуг, какие повара! Нет, Ван Дейк ни в чем себе не отказывал! И в погоне за гинеями растратил себя — растратил на суету, на дорогие портреты высокородных особ, на полотна, в которых уже не было жизни, растратил на заказы, сковывавшие его творческую свободу. Растратил на женщин, на мелкие страсти и удовольствия. «Ненасытный, как говорит предание, он кончает тем, что якшается с итальянскими мошенниками, тайком занимается алхимией, чтобы добыть золото… Разбитый жизнью человек, которому, однако, дано величайшее счастье до последнего момента оставаться великим художником, и, наконец, шалопай, обожаемый и поносимый, а позднее оклеветанный, но, в сущности, достойный лучшей репутации, которому можно простить все за его высший дар», — писал Фромантен.

Ван Дейк ни в чем себе не отказывал! И в погоне за гинеями растратил себя — растратил на суету, на дорогие портреты высокородных особ, на полотна, в которых уже не было жизни

Про Ван Дейка ходило множество слухов, которые, в основном, были правдивы. Говорили, что он связался с некой Маргарет Лемон, страшно ревновавшей его и устраивавшей дикие скандалы, когда заставала в его мастерской какую-нибудь высокопоставленную даму, пришедшую без спутников. Однажды в приступе ярости Маргарет даже чуть не откусила Ван Дейку палец на правой руке, чтобы он не мог держать кисть. К счастью, в 1639 году художник расстался с этой пылкой любовницей и вскоре женился на юной фрейлине королевы мисс Мэри Рэтвен. «Ветреник, который в конце жизни женится, как говорят, по приказу, на прелестной знатной девушке, когда он не может ей дать уже ни свежести сил, ни богатства, ни былого очарования, ни уверенности в дальнейшем» (Фромантен). Он всегда любил деньги, а тут еще — молодая жена. Благо, в заказах у Ван Дейка недостатка нет. И он работал, как одержимый, не покидая свою мастерскую ни на час — рассказывали, что художник не отходил от мольберта даже во время обеда, перекусывая тут же, вместе с моделью. И все равно он не справлялся со всеми заказами, поэтому вместе с ним трудились его помощники, имена которых держались в строгом секрете. Возможно, потому поздние картины Ван Дейка столь неравноценны. Он будто чувствовал — что-то происходит, великий дар словно покидает его. В такие моменты Ван Дейк вдруг все бросал и уезжал. Во время этих путешествий он много рисовал — свободно, раскованно, рисовал так, как чувствовал. Его акварели и рисунки, созданные в портах, где он ждал попутного ветра, в городках, где останавливался, вдали от лондонского света, великолепны — точны, ярки, выразительны. Недаром Рубенс так любил этого своего ученика…

Но после путешествий Ван Дейк всегда возвращался в Лондон, в свой

Портрет Джеймса Стюарта, герцога лонокского и ричмондского

Маркиза Элена Гримальди Каттанео со слугой-негритенком

роскошный дом, к своим богатым поклонникам и заказчикам, и все начиналось сначала. Сумасшедшая работа, а также неуемная жажда удовольствий и приключений, светская жизнь, отнимавшая время и силы, — все это привело к тяжкой болезни. Король обещал огромное вознаграждение врачу, который сможет вылечить его любимого художника, но… Сэр Антонис Ван Дейк скончался 9 декабря 1641 года, спустя неделю после рождения дочери Юстинианы. Ему было всего 42 года! Незадолго до смерти он подумывал о том, как бы вернуться на родину, в Антверпен — очень тянуло в родные места, да и в Лондоне становилось неспокойно, трон под Карлом качался — однако вот не успел…

Англичане, уже давно воспринимавшие его как своего, с пышностью похоронили фламандского художника в соборе Святого Павла. На могиле был воздвигнут, по заказу короля, памятник. Этому художнику удалось внести поразительный вклад в английскую культуру — ничего, сравнимое по значимости, не создал никакой другой чужеземец. Фламандец Антонис Ван Дейк основал английскую школу живописи, школу, которую продолжили и Рейнольдс, и Гейнсборо, и другие английские мастера.

А его главному заказчику королю Карлу I оставалось жить еще 8 лет. Вражда короля и парламента привела к гражданской войне. Во главе парламентской армии встал Оливер Кромвель, который и принес победу своим сторонникам. 23 января 1647 года король был выдан парламенту. 1 января 1649 года начался суд. Карла обвинили в государственной измене и приговорили к казни — «смерти через отсечение головы», как было сказано в вердикте, «на открытом месте на улице перед Уайтхоллом, 30 числа января, между десятью утра и пятью вечера». Как и было предписано, король взошел на эшафот в назначенный день и час. Надо сказать, что оставил он сей бренный мир с большим достоинством. В своей предсмертной речи, стоя на эшафоте, король продолжал отстаивать принципы абсолютизма — даже перед лицом смерти Карл не желал ни с кем делиться властью. «Должен сказать вам, — заявил он собравшейся перед Уайтхоллом толпе, — ваши вольности и свободы заключены в наличии правительства, в тех законах, которые наилучшим способом обеспечивают жизнь и сохранность имущества. Но они проистекают не из вашего участия в управлении — оно никак к вам не относится. Подданный и государь — это совершенно различные понятия». Затем, приготовившись к смерти, он произнес: « Я убежден в своей правоте, и мой Господь — со мной!» И чуть позже добавил: «Помните!» Потом опустился на колени, положил голову на плаху и вытянул руки вперед. Палач хорошо исполнил свою работу — крепким ударом топора король был мгновенно убит.

Так сбылось страшное пророчество художника...

В 1666 году в Лондоне случился страшный пожар. В его пламени сгорела почти половина Лондона, не уцелел и старинный собор, где был похоронен Ван Дейк. Сгорел и памятник на его могиле, сделанный по заказу короля.

Бюст казненного короля работы Бернини хранился в Уайтхолле, который тогда, в 1666 году, не пострадал. Огонь настиг его позже, спустя 32 года, в 1698 году — во время пожара творение итальянского скульптора погибло. Сейчас в Виндзоре можно увидеть лишь копию, выполненную Томасом Эйди.

А картина Ван Дейка, тройной портрет короля, которая так и называется во всех книгах по искусству — «Карл I в трех ракурсах» — украшает ныне собрание гаагского Маурицхейс-музеума (авторская копия — в Виндзоре, в Королевском собрании). И каждый раз, глядя на эту работу выдающегося фламандского художника, невозможно не вспомнить страшную казнь — «отсечение головы» — английского монарха. Отрубленная голова на белом блюде… ❑

Картина Ван Дейка — тройной портрет короля «Карл I в трех ракурсах» — украшает ныне собрание гаагского Маурицхейс-музеума

Сергей КАЛЕНИКИН

ЗАКИПЕЛА ПЛАНЕТА

ВЗДЫБИЛАСЬ ЗЕМЛЯ

В недрах Земли и на ее поверхности постоянно что-то вспыхивает, грохочет, бушует, ревет, клокочет.

Хотя наша планета живет, в основном, своей обычной нормальной жизнью, иногда все же, нет-нет, да и напомнит нам о своем неистовом могуществе: наводнения, цунами, землетрясения, торнадо, ураганы, извержения вулканов, смерчи… Каждый подобный всплеск по-своему драматичен. Но, будь то самое жуткое наводнение или до предела разбушевавшийся ураган, ты знаешь и уверен: под тобою матушка-земля. Последняя опора и надежда. На выживание. Но когда сама твердь расползается, уходит из-под ног, когда дрожат горы, корчатся, стонут и рушатся строения, когда огромные куски земли с рваными краями вовсю ходят ходуном, обнажая бездну, когда следом — оползни, лавины, пожары, стихия воды, тучи пыли и гари, взметнувшиеся в небо, невольно начинаешь терять разум и в одно мгновение разрушается опыт всей жизни… Можно удалиться от вулкана, можно уклониться от потока лавы, но куда же бежать от землетрясения?

БОЖЬЯ КАРА ЗА ГРЕХИ?

Ушедший год побил все прежние рекордные показатели по стихиям. 2008-й, по прогнозам ВМО — Всемирной метеорологической организации, преподнесет свои рекордные сюрпризы. Уже чувствуем по ушедшему маю: жуткая жара и наводнения в Западной Европе, Германию накрыл песок из Сахары, и град в придачу. Второго мая страшнейший ураган «Наргиз» обрушился на Республику Мьянма. Из-за разгула стихии пострадали примерно 2,5 миллиона человек, около 133 000 погибли или вовсе пропали без вести.

12 мая в китайской провинции Сычуань громыхнуло мощнейшее за последние 30 лет (силой 8 баллов по шкале Рихтера) землетрясение. Погибло более 70 000 человек, 18 000 (на середину июня) числятся пропавшими без вести, ранено около 300 000 человек. Разрушено 5,46 млн. жилых домов, а в некоторых городах провинции исчезло более 80 процентов всех строений. От удара стихии, в общей сложности, пострадали более 45,5 миллиона человек. Ущерб от землетрясения в Китае может превысить 20 миллиардов долларов США.

28 мая — сотрясение в Бурятии. На следующий день, уже в Исландии, произошло сильнейшее с 1912 года землетрясение (6,2 балла). 6 июня — землетрясение в Алжире, эпицентр которого находился в прибрежной акватории в 30 км. к северо-западу от Орана. 8 июня вновь затрясло Грецию — эпицентр подземных толчков пришелся на полуостров Пелопоннес, в 205 км. западнее Афин.

Дрожь Земли — одна из самых страшных природных катастроф по числу жертв, размерам ущерба, по величине охваченных ими территорий и по трудности защиты от них. С начала цивилизации, по некоторым данным, от землетрясений погибло более 150 миллионов человек.

Люди всегда боялись землетрясений. Но любопытная вещь: в мифологии разных народов имеется инте-

Дрожь Земли — одна из самых страшных природных катастроф по числу жертв, размерам ущерба, по величине охваченных ими территорий и по трудности защиты от них. С начала цивилизации, по некоторым данным, от землетрясений погибло более 150 миллионов человек

ресное сходство в представлениях о причинах землетрясений — это будто бы движение некоего гигантского животного, скрытого где-то в глубинах Земли. У древних индусов — слон, у японцев — сом, у индейцев Северной Америки — черепаха, в некоторых странах Азии вину сваливают на лягушку, в Китае — на быка. В сказаниях фигурируют крот, вол…

В «донаучные» времена подземная стихия зачастую воспринималась как наказание, ниспосланное рассерженными богами. В том виделись знаки Страшного суда. В Европе XVIII века духовенство пыталось привить людям моралистический взгляд на землетрясения. В одной лондонской газете за 1752 год было напечатано: «Землетрясения обычно случаются в больших городах. Карающий бич направлен туда, где есть жители, т.е. цель для предостережения, а не на голые утесы и необитаемые берега». Знаменитое Лиссабонское землетрясение 1755 г. произошло в День Всех Святых, в момент, когда люди были в церкви. Огромное число жертв было вызвано серией из нескольких толчков и гигантским цунами, обрушившимся на набережную. Положение усугубили пожары, разбушевавшиеся по всему городу.

Кто верил в Божью кару за грехи, видели в этом возмездие.

Но твердь не всегда разверзается в городах. Скажем, в ночь с 18 на 19 февраля 1911 года в центральной части Памира (Таджикистан) произошло сильнейшее землетрясение, спровоцировавшее гигантский оползень. Он не только перекрыл долину реки Мургаб, но и образовал огромное озеро — объемом 17 миллиардов кубометров! Воды возникшего водоема затопили кишлак Сарез. Поэтому озеро и стали называть Сарезским. Все бы ничего, но это гигантское естественное водохранилище в любой момент может вырваться наружу. Достаточно небольшого толчка, чтобы сарезские воды хлынули в долины рек Бартанг, Пяндж и далее. Могут быть смыты сотни населенных пунктов — произойдет своеобразное цунами.

Цунами… На научном языке — «сейсмическая морская волна», возникающая после подводных землетрясений или вулканических извержений. Первое в России «моретрясение» зарегистрировано в районе Курильских островов 6 октября 1737 года. После этого «большая волна в гавани» (так переводится с японского слово «цунами») не раз предъявляла России свой губительный счет. Последний раз — в ноябре 1952 года. Тогда был смыт с тихоокеанского побережья российский город Северо-Курильск.

26 декабря 2004 года, к западу от индонезийского острова Суматра, произошло одно из самых сильных моретрясений за последние сто лет — 9,0 баллов по шкале Рихтера. Серия подземных толчков в акватории Индийского океана вызвала разрушительные сейсмические волны-цунами. Через какое-то время они 10-метровым валом обрушились на побережья Индонезии, Таиланда, Шри-Ланки, Индии, Малайзии, Мальдив, Бирмы, Сомали… Пострадало 11 стран Азии и Африки. Скорость цунами достигала 800—900 километров в час! Волны-убийцы смывали деревни, курорты, дороги… Все, что было на их пути. Пляжи превращались в морги под открытым небом… Погибло более 300 000 человек… Десятки тысяч пострадавших, миллионы людей остались без крыши над головой, экономические потери от стихии, по данным ООН, исчисляются миллиардами долларов США.

Южно-азиатскую рождественскую встряску (эквивалентную взрыву в 178 мегатонн) безо всяких натяжек можно считать одной из самых губительных стихийных бедствий за последнее столетие.

Она — в пятерке сильнейших, а по количеству погибших людей — среди крупнейших.

Но печальный рекорд по числу жертв был установлен китайским землетрясением в 1556 году. Тогда лишились жизни 830 000 человек!

10 000 ЕЖЕГОДНО

Вот и нынешний май вновь сотряс Поднебесную. Да, природная стихия усложнила китайским властям подготовку к главным летним Играм Планеты. Но тут свои, восточные, расчеты: четыре восьмерки — 2008 год, август — 8-й месяц, 8-е число и 8 часов вечера. А восьмерка в китайской нумерологии — счастливая, приносящая удачу цифра.

В интервью телеканалу «Вести» заместитель директора Института физики Земли РАН Евгений Рогожин резюмировал ситуацию так:

— … Эта зона считается сейсмоопасной. Там были землетрясения довольно сильные. Нынешнее повело себя достаточно коварно. Не было предварительных толчков, настораживающих ученых и население. Не было каких-то ярких проявлений — изменения воды в скважинах, свечения или еще что бывает обычно перед землетрясением. Произошел сразу же первый и очень сильный удар. А поскольку провинция довольно плотно заселена, то и жертв оказалось много…

Невольно возникает вопрос: почему постоянно трясет одни страны, а другие наслаждаются покоем, остаются безмятежными в течение многих веков? К примеру — Франция.

Хотя не во всем, но во многом наука тут разобралась. Литосфера Земли не является цельной, она разбита на большие куски — плиты. Под действием определенных сил эти плиты перемещаются: сталкиваются, раздвигаются, либо какая-то плита «подныривает» под другую … После такого рода внезапных подвижек энергия рвется к поверхности Земли, и возникают ударные волны, вызывающие землетрясения.

К тому же дно Индийского и Атлантического океанов расширяется, а Тихого — уменьшается, оказывая упорное сопротивление наползанию на него обеих Америк. По периметру Тихого океана выделяется до 90 процентов всей сейсмической энергии. Две трети крупнейших землетрясений в мире приходится на Тихоокеанский пояс. Вот почему так часто проявляется подземная стихия в Калифорнии, на Аляске, Камчатке, в Китае, Японии, Мексике, Чили, Перу…

Есть еще Альпийский или Евроазиатский пояс, расположенный вдоль линии Гималаи — Средиземноморье. Он проходит через Италию, Балканы, Турцию, Среднюю Азию, Иран, Афганистан, Памир, Тибет, Западный Китай, простираясь на север — до озер Байкал и Балхаш, Аральского моря, Каспия и Черного моря, Кавказа, Малой Азии…

Подсчитано, что если в прошлом столетии во время извержений вулканов погибло 100 000 человек, то землетрясения унесли в 25 раз больше.

И так уж сложилось по жизни, что половина человечества живет в сейсмически активных областях. В среднем — по планете — от землетрясений ежегодно гибнет около 10 000 человек, и вдесятеро больше, так или иначе, страдают от колебаний тверди Земли. 40 городов с населением более миллиона жителей расположены примерно в 100 километрах от крупных геологических «швов» и могут стать жертвами необузданной стихии. Лишь 40 процентов поверхности Земли не подвержено угрозе землетрясений.

«ЗЕМЛЯ СТУКНУЛА… ВЕЛИКИЙ ЗМЕЙ ОТ НЕБЕС»

Хотя мы — не Китай, не Турция, но и для нас землетрясение, которое на Руси называли «трусом», не пустая страшилка. Россия располагается в Северной Евразии. Около 20 процентов территории нашей страны занимают зоны повышенной сейсмической опасности, в том числе пять процентов — чрезвычайно опасные, 8-балльные. И это еще не все. В активных тектонических зонах (Дальневосточной, Кавказской, Байкаль-

Подсчитано, что если в прошлом столетии во время извержений вулканов погибло 100 000 человек, то землетрясения унесли в 25 раз больше. И так уж сложилось по жизни, что половина человечества живет в сейсмически активных областях

Нынешнее землетрясение в Китае повело себя достаточно коварно. Не было предварительных толчков, не было каких-то ярких проявлений. Произошел сразу же первый и очень сильный удар. А поскольку провинция заселена довольно плотно, то и жертв оказалось много…

ской, Алтайско-Саянской) проживает, подвергаясь сейсмической угрозе, более 20 000 000 человек, или 14 процентов населения РФ!

За последние четверть века в России произошло 27 значительных — силой более семи баллов по шкале Рихтера — землетрясений. Положение отчасти спасает малонаселенность многих сейсмически опасных районов — Сахалина, Курильских островов, Камчатки, Алтайского края, Якутии, Прибайкалья, чего, однако, не скажешь о Северном Кавказе. Причем последствия сильных землетрясений в этом регионе могут быть значительно более серьезными, чем на Дальнем Востоке. В течение длительного времени сейсмическая опасность этой территории явно недооценивалась, и строительство велось здесь без применения надлежащих мероприятий. А ведь есть сведения, что в прошлые века на Северном Кавказе бывали разрушительные землетрясения интенсивностью в семь-восемь баллов. Особенно сейсмически активен район Кубанской низменности и нижнего течения реки Кубань, где в период с 1799 по 1954 год произошло восемь сильных землетрясений силой шесть-семь баллов. Также активна Сочинская зона в Краснодарском крае — она расположена на пересечении двух тектонических разломов.

К сему добавим: в пределах сейсмически опасных районов России расположено 330 крупных населенных пунктов, в том числе 103 города, крупнейшие из которых — Владикавказ, Иркутск, Улан-Удэ, Петропавловск-Камчатский.

Определенную опасность представляют и слабосейсмичные районы — европейская часть нашей страны, в том числе Кольский полуостров, Карелия, Южный Урал, Поволжье, Приазовье, где случались землетрясения интенсивностью до 5—6 баллов, а на Южном Урале — до 7—8 баллов. Правда, повторяемость таких землетрясений невелика: один раз в 1-5 тысяч лет. Однако трясло и равнины. На сейсмически спокойной Русской платформе за все время наблюдений зафиксировано около тысячи слабых землетрясений.

Поинтересуемся летописными отметками из «домосковского» периода.

1088 год. Русская земля. Землетрясение: «Земля стукнула. Знамение в солнце. Великий змей от небес». 5 февраля 1107 года — «тряслася земля перед рассветом ночью». 2 февраля 1109 года — «стресеся земля». 16 сентября 1117 года, Киевская Русь — Жестокое землетрясение: «... потрясеся земля». Русская земля тряслася 1 августа 1126 года, 24 июля 1130-го, в 1170-м.

Девятнадцатый век. 3 сентября 1807 г. — землетрясение в Козмодемьянске: «Вода на Волге сильно заволновалась, и несколько судов было выброшено на берег». 1814 год — Таганрог, Азовское море. Землетрясение... «28 апреля около 2 часов пополудни при тихой и ясной погоде послышался вдруг в море гром и затем на расстоянии около 400 метров от берега показалось из воды пламя, окруженное облаками дыма и сопровождаемое неумолкающим гулом, похожим на пушечные выстрелы. Огромные массы земли и камней выбрасывались с силой до самого вечера, когда увидели небольшой островок, извергавший через множество отверстий горную смолу». 1873 год — Кола. 9 февраля в 4 часа раздался подземный удар, и произошло землетрясение. Оно было настолько сильным, «что дома шатались и вся утварь падала». Погода стояла тихая. Вдруг «внезапно сделалось темно», и затем в восточной стороне неба появился огромной величины шар темно-багрового цвета и скрылся на западе, в этот момент и раздался удар». (1883 год — выдающаяся эпоха в сейсмической истории Земли. На земном шаре было зарегистрировано 353 землетрясения!)

И СТАТУЙ ПОКЛОНИЛСЯ

Трясло и Первопрестольную. 1446 год — «... тоя же осени, октября 1 день, в 6 час нощи той, потрясеся град Москва. Кремль и посад и храмы поколебашися». И в 1471 году «потрясеся земля». В 1474 году весной тоже был «трус в граде Москве». Во время землетрясения рухнула почти достроенная церковь Св. Богородицы. Потряслись все храмы, и поколебалась земля.

Надолго затем утихомирившись, подземная стихия вновь дала о себе знать 14 октября 1802 года. Несмотря на малоэтажную застройку тогдашней Москвы и сейсмическую устойчивость срубных деревянных конструкций, в городе разрушились несколько ветхих домов, сами собой звонили колокола, покосились церковные купола и кресты, падали с пьедестала скульптуры. Событие запомнилось маленькому москвичу Саше Пушкину, гулявшему с няней в Юсуповском саду: «Статуй поклонился»…

Тревожные «звонки» звучали и в прошлом столетии — было зарегистрировано пять «событий», как выражаются сейсмологи. Самым критическим был 1940 год, тогда столицу тряхнуло дважды — 22 октября и 10 ноября. Последующие землетрясения произошли 4 марта 1977 года, 30 августа 1986 года и 30 мая 1990 года. Сила их не превышала 4 баллов. Больше всего паники наделало землетрясение 1977 года, которое в некоторых районах Москвы достигало 5 баллов. Толчки были довольно-таки сильные и особенно ощущались на верхних этажах. В домах москвичей раскачивало люстры, падали некоторые предметы, дребезжала в шкафах посуда...

Все московские землетрясения, по мнению ученых, — отголоски карпатских подземных бурь. Полторы тысячи километров, отделяющие столицу от карпатского пояса, — пустяки для такого рода явлений. Москву могут запросто достать и сейсмические волны с Северного Кавказа. Например, в 1988 году произошло землетрясение в Армении, и его волна докатилась аж до США! Расстояние от Спитака до Фэрбанкса на Аляске протяженностью более 5 тыс. миль она преодолела всего за 11 мин. 37 сек., т.е. мчалась со скоростью более 26,5 тыс. миль в час.

С этим, похоже, понятно. Но может ли в Москве, при определенном стечении обстоятельств, произойти землетрясение? На этот вопрос отвечает доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Объединенного института физики Земли имени О.Ю. Шмидта РАН Валерий Рудаков.

— В общем, столичные разломы предрасположены к землетрясениям. Но за все время существования в Москве сильных землетрясений не было. Случались слабенькие или какие-то отголоски отдаленных землетрясений — типа румынского, произошедшего в 1977 году. И потом, наша столица находится в центре Русской плиты, которая лежит на 40-километровом кристаллическом основании. Да, плита колышется, но как единое целое. А землетрясения обычно происходят в районе стыка плит. Почему, скажем, трясет Кавказ? Он лежит там, где наша платформа сталкивается с Аравийской плитой. И это одна из самых подвижных зон. Внутри плиты землетрясения бывают, но очень редко. Как правило, они происходят на границах плит.

Москва — слабоактивная сейсмическая зона. Но надо все же помнить: иногда совокупность «незначительных» событий, каждое из которых

Около двадцати процентов территории нашей страны занимают зоны повышенной сейсмической опасности. И это еще не все. В активных тектонических зонах проживает, подвергаясь сейсмической угрозе, более 20 миллионов человек, или 14 процентов населения РФ!

мы не воспринимаем как нечто серьезное, приводит к катастрофическим последствиям. Скажем, в Москве идет совершенно неучтенная откачка артезианских вод на технические надобности.

Такого же мнения и заслуженный деятель науки и техники РФ, доктор технических наук, профессор Михаил Шахраманьян:

— Будьте спокойны. На территории Москвы никаких землетрясений не будет. Столицу могут достать лишь некие отклики, остаточные волны какого-нибудь отдаленного землетрясения. То есть в Подмосковье могут быть эффекты, равнозначные землетрясению силой до пяти баллов. Другое дело, Москва — серьезный мегаполис, испытывающий большую техногенную нагрузку. Много строят, много роют, образовались мощные полости. Есть карстовые явления. Поэтому в отдельных местах — особенно в центре столицы — образуются провалы.

Кто-то из знающих людей и вовсе готов поставить точку: Белокаменная стояла, стоит и будет стоять во веки веков. Мол, землетрясения в наше время происходят так же, как они происходили на протяжении столетий и тысячелетий. А разломы? Их пересечение — живительная для землетрясений среда. Разлом — это дыхание недр, газы, вода, но именно там выделяется наиболее сильная энергия. Ну, это где-то, а столичные разломы — мертвые, мертвее не бывает.

Землетрясение 1971 г. в Сан-Фернандо возникло на разломе, который считался неактивным. В США давно уяснили: необходимо учитывать все разломы, независимо от их активности, а при заселении территории — держаться от них подальше. В Калифорнии запрещается строить новые здания ближе 35 м. от известных разломов, за исключением небольших домов на одну семью, которые могут быть построены на расстоянии 15 м. от разлома. Если же положение разлома точно не определено, стараются вынести границы здания как можно дальше за предполагаемую зону разлома.

Представить сие в Москве… Столица — уже давно не та, изменилась на корню. За последние 60—70 лет площадь города увеличилась в несколько раз. Еще в начале столетия это был одно-трехэтажный город, сейчас же небоскребам несть числа. А ведь специалистам хорошо ведомо: даже на 4 — 6-х этажах сотрясения могут проявляться на 1—1,5 балла сильнее, чем на первых.

Многие территории Москвы перед застройкой разравнивались, в одних местах естественный грунт срезался, в других насыпался. Засыпались овраги, менялись гидрогеологические условия, нарушалась естественная несущая способность грунтов. Даже если насыпные грунты подвергались трамбовке, они не приобретали свойств грунтов естественных.

А проблема постоянной транспортно-вибрационной нагрузки? Наконец, не забудем, что в старой части города существует второй, подземный город. Полости разной глубины и объема буквально пронизывают «подбрюшье» старой Москвы. Нынешняя Первопрестольная (даже безотносительно к факту огромной концентрации населения и сосредоточения в ней опасных производств) гораздо более уязвима к сейсмическим воздействиям, чем Москва времен Карамзина и Пушкина. Ныне в городе даже слабые сотрясения земли порядка четырех баллов могут принести крупные неприятности. А «в Подмосковье могут быть эффекты, равнозначные землетрясению силой до пяти баллов»…

ВМЕСТО СЕЙСМОГРАФА — ФАЗАН?

Конечно, прогноз — еще не истина в последней инстанции, а всего лишь вероятный сценарий будущих событий. Но насколько вероятный?

Возможен ли в принципе прогноз землетрясений? Ответ на этот вопрос ученые ищут на протяжении многих лет. Тысячи сейсмостанций, плотно окутавших Землю, следят за дыханием планеты, и целые армии сейсмологов и геофизиков, вооружившись приборами и теориями, пытаются спрогнозировать эти страшные стихийные бедствия.

Есть долгосрочный (10—15 лет), среднесрочный (месяцы—годы) и краткосрочный (дни) прогнозы. О возможных последствиях землетрясения, которое произошло в январе 1999 года в Дагестане, специалисты российского МЧС знали уже в ноябре 1998-го. Благодаря этой осведомленности, а также четким действиям спасательных подразделений министерства, никто из местных жителей не погиб, хотя разрушения в горных селениях были значительными. Это и есть среднесрочный прогноз.

Но и он не всегда получается. Один из столичных институтов РАН в 1994 году спрогнозировал: в течение ближайших трех лет в районах Камчатки и Сахалина надо ожидать сейсмическую активность. О чем были оповещены властные структуры всех уровней. «И прогноз сбылся уже через год — 28 мая 1995 года на Сахалине не стало Нефтегорска, под обломками домов которого погибло около 2,5 тыс. человек». Об этом поселке в прогнозе — ни слова. Камчатка и Сахалин — две большие разницы. В географическом смысле. Их разделяет аж целое Охотское море. Так что, получается — ничего конкретного. Увы, пока сейсмологи не в силах достоверно установить, когда, где и насколько сильно проявит себя подземная стихия.

По мнению ученых МЧС, землетрясение на о. Сахалин явилось полной неожиданностью. По своим масштабам, разрушениям и жертвам это землетрясение стало одним из крупнейших в России в двадцатом столетии. Проведенное после землетрясения геологическое обследование эпицентральной зоны показало: такие стихийные бедствия возникали здесь с периодичностью 400—600 лет. Если даже допустить, что предвестники землетрясения были хорошо выражены, они не могли быть замечены, так как сейсмические и геофизические наблюдения на Сахалине были прекращены за год до случившейся катастрофы из-за отсутствия финансирования: пять из шести сейсмостанций были закрыты.

В мае сего года пресс-служба РАН распространила очередной прогноз. Долгосрочный. Передаю его вам без сокращений и правки. «Российские ученые предрекают крупное землетрясение в ближайшие 10 лет. Его разрушительная сила превзойдет землетрясение в Индийском океане, случившееся зимой 2004 года.

Российские ученые выяснили, что землетрясения имеют четкую цикличность. Причем их сила увеличивается к концу цикла. По словам доктора физико-математических наук Владимира Кособокова из московского Международного института теории прогноза землетрясений и математической геофизики РАН, эпицентр предстоящей катастрофы может находиться в одном из пяти возможных регионов — в западной части границы между США и Канадой, в Чили, в Кашмире, на Суматре и в Индийском океане возле Андаманских островов»… И без комментариев все ясно. Достаточно взглянуть на карту мира.

А что говорить о краткосрочных предсказаниях? Вещь — невероятно трудная. Уже шла речь о самом знаменитом прогнозе землетрясения, сделанном в 1975 году в городе Хайчэн. Это примечательное событие стало вехой на пути прогноза землетрясений. И, хотя это был не первый удачный прогноз, но впервые удалось предсказать столь крупное землетрясение, и впервые были спасены жизни нескольких тысяч человек. Но это — скорее исключение. В настоящее время уровень науки пока не позволяет решить проблему краткосрочного и оперативного прогноза землетрясений. А некоторые страны — например, США — вообще отказались от ее решения.

Да, конечно, есть предвестники землетрясений. Для среднесрочных прогнозов их более сотни. Обычно

Столица — уже давно не та, изменилась на корню. За последние 60—70 лет площадь города увеличилась в несколько раз. Если еще в начале прошлого столетия это был одно-трехэтажный город, то сейчас — небоскребам несть числа. А специалистам хорошо ведомо: даже на 4—6-х этажах сотрясения могут проявляться на 1—1,5 балла сильнее, чем на первых

Есть предвестники землетрясений. Обычно это — аномальные явления: меняются деформация земной коры, электрические и магнитные свойства пород, падает уровень подземных вод — снижается их температура, меняется химический и газовый состав…

это — аномальные явления: меняются деформация земной коры, электрические и магнитные свойства пород, падает уровень подземных вод — снижается их температура, меняется их химический и газовый состав… Однако эти аномалии проявляются не только в зоне очага землетрясения. Хотите верьте, хотите — нет, но исчезновение среднесрочных предвестников — также признак грядущего «труса».

У краткосрочных предвестников — свои прелести и неожиданности. Один из распространенных способов предсказания землетрясений основан на анализе предварительных толчков, хотя отчетливые предварительные толчки до начала главного землетрясения скорее являются исключением, чем правилом.

Разных предвестников — физических, химических, геодинамических, физиологических — около двухсот. Среди них — и биопредвестники. Упреждающая реакция живых существ на надвигающиеся катаклизмы была замечена очень давно. Первый документально зафиксированный пример такого поведения животных известен уже около 4000 лет назад. На острове Крит перед сильнейшим землетрясением ласки ушли из поселений человека. Кажется, будто животные в какой-то мере предчувствуют покушение на обычный порядок в природе.

Незадолго до землетрясения 1835 года на побережье Чили все чайки устремились внутрь материка, а собаки покинули город Такауана. За день до землетрясения в Панаме в 1882 году «отличающиеся болтливостью попугаи, которых здесь великое множество, замолкли, стали грустными и беспокойными. С ночи жалобно и протяжно завыли собаки. Лошади в своих стойлах беспокойно задвигались, как бы чуя опасность».

Перед землетрясением 1906 года в Сан-Франциско опять-таки всю ночь выли собаки. Китайцы заметили, что перед началом землетрясения змеи выползают из своих нор, а крысы покидают здания. Ясное дело: животные и птицы ощущают гораздо более слабые колебания, чем человек. Японские исследователи установили, что наиболее чувствительными являются фазаны, которые вполне могут отличить сейсмические сотрясения от колебаний, вызванных движением транспорта.

Хотя отклонения в поведении животных позволяют предсказать лишь те землетрясения, которым предшествует несколько предварительных толчков, в Китае этим методом был осуществлен один из самых успешных прогнозов, известных на данный момент. Многие, даже непрофессиональные наблюдатели, замечали, что в течение всего 1974 года поведение животных в Хайчэне было странным, и признаки их беспокойства усилились 28 января 1975 года. Ни с того ни с сего, на поверхность почвы полезли змеи. Была зима. Лежал снег. А змеи — холоднокровные существа, по законам биологии должны спать в укрытиях. Потом-то и выяснилось: змеи за месяц как бы предсказали сильнейшее землетрясение.

В 1998 году из подвалов Ленинаканского комбината вышли крысы. Прямо среди белого дня. Построились и организованно, не обращая внимания на летевший в их сторону град камней, без сожаления покинули лакомую территорию. Люди смеялись, а крысы, как потом выяснилось, спасали свою жизнь. Через несколько часов началось ужасное землетрясение…

«ЭТОГО СТРОИТЕЛЯ ДОЛЖНО УБИТЬ»…

После армянского землетрясения кто-то из сейсмологов, пусть и в сердцах, но выразился в самую точку: «Мы, сейсмологи, предсказывать землетрясения еще не умеем, но вы, инженеры и строители, должны научиться строить так, чтобы дома выдерживали любое землетрясение».

Оценивая последствия землетрясений, специалисты всегда называют одни и те же причины разрушений: просчеты специалистов, неверно определивших сейсмичность района бедствия, — здания строились на шестибалльные толчки, а трясение — на все девять баллов… Несоответствие проектов зданий строительным нормам, низкое качество строительства, что особенно отчетливо выявилось в Нефтегорске, — в первые же минуты землетрясения рухнуло 17 из 22 восьмидесятиквартирных пятиэтажек. О том, что они проектировались и строились без учета высокой сейсмичности региона, знали как в правительстве России, так и власти Сахалина.

У медиков есть клятва Гиппократа, у военных — присяга… А у строителей что? Однако было время… В одном из законов Хаммурапи — царя Вавилона — определенно сказано: «Если строитель построит дом и сделает свою работу непрочно так, что построенный им дом обвалится и причинит смерть хозяину дома, то этого строителя должно убить…

Если он погубит достояние, то он должен возместить все, что он погубил, а за то, что построил дом непрочно, так что он обвалился, должен отстроить обвалившийся дом за собственный счет». Замечательный документ. Справедливый. И — никакой халтуры.

Собор Св. Софии в Стамбуле. По всем меркам — архитектурное чудо. Но — не восьмое. Построено за пять лет (532 — 537 гг.) Анфимием из Тралла и Исидором из Милета. И по наше время не перестает удивлять нас размерами своего купола: 30х55 метров. За все пятнадцать веков он выдерживал любые причитающиеся ему землетрясения.

Октябрь 1992 года. Землетрясение в Египте. Более 100 уникальных архитектурных памятников периода исламского Возрождения пострадали только в столице Египта. Но — никаких повреждений стихия не нанесла храмам, гробницам, пирамидам и гигантской статуе Сфинкса времен древнеегипетских фараонов. Строить надо на совесть.

Наши АЭС расположены на разломах, в пересечениях речных систем, где наблюдается водообилие. Удобно, но и крайне опасно. Эти земли сейсмонеустойчивы. Ведь говорили географы, что нельзя ставить АЭС на Припяти. Нужно выше, в стороне от реки, пробив, к тому же, специальную шахту для дополнительной защиты в случае аварии... Это обошлось бы дороже на десятки миллионов тогда, но дешевле на сотни миллиардов сейчас.

— … Как в жизни. По эту сторону — черная порода, а по эту — светлая, — говорит академик Феликс Летников. — Вот вы на контакте поставили дом. Вы все время будете ощущать перепад силы тяжести, перепад гравитационных ступеней — и дискомфорт. Древние люди это знали. Они на таких местах никогда не ставили ни домов, ни кибиток. Когда о том спрашиваешь казаха, он отвечает: да это — джаман — плохое место. Хотя внешне вроде бы и нормальное — та же трава, та же земля, но люди там не селились, и все. Они знали и чувствовали: это хорошее место, а это — плохое, пагубное.

Что есть, то есть: главная задача сейсмологии еще не решена. Можно говорить лишь о тенденциях ее развития, но удовольствуемся тем, что редкие точные прогнозы все же вселяют какую–то надежду на будущее. Каждой мудрости — свой час.

От этого не уйти — Природа страшным и унижающим образом напоминает нам о своем могуществе. И сегодня мы оказываемся столь же бессильны противостоять им, как и наши далекие предки в «донаучные» времена. Катастрофы и человек... Это противостояние длится всю историю человечества, и в обозримом будущем устранить его не удастся. Однако такой пессимистический прогноз вовсе не означает, что надо сидеть и ждать, когда в очередной раз разыграется стихия, обрушив на нас всю свою мощь, что следует уповать лишь на счастливый случай, который пронесет мимо нас горькую чашу. ❑

Возможен ли в принципе прогноз землетрясений? Ответ на этот вопрос ученые ищут на протяжении многих лет. Тысячи сейсмостанций, плотно окутавшие Землю, следят за дыханием планеты, и целые армии сейсмологов и геофизиков, вооружившись приборами и теориями, пытаются спрогнозировать эти страшные стихийные бедствия

ПАНАЦЕЯ ОТ РАН ТЕЛЕСНЫХ

Игорь ОПАРИН

В апреле этого года исполняется 170 лет со дня рождения человека, совершившего настоящую революцию в медицине, — великого хирурга и талантливого ученого Джозефа Листера. Именно он заложил основы антисептики и таким образом подарил людям возможность выживать после операций и открытых ран

Джозеф Листер родился 5 апреля 1827 года в английском городке Аптон. После школы он поступил в Лондонский университет, где изучал медицину. Юный Листер проявлял незаурядные способности и уже в год окончания университета опубликовал свою первую работу в серьезном научном журнале — это была статья о строении глаза.

Однако медицинская практика влекла его больше, чем исследовательская деятельность, и, пройдя все ступени врачебной практики, он стал главным хирургом Королевского лазарета в Глазго. В те далекие времена хирург должен был обладать не только знаниями анатомии, твердой рукой и острым глазом, но и железными нервами и выдержкой, ведь обезболивающие средства были весьма примитивными, и пациенты орали, а то и теряли сознание от невыносимой боли, тогдашние гиппократы, фактически, резали по живому.

Но все эти страдания — и врачей, и больных — очень часто оказывались напрасными: прооперированные умирали, как мухи, даже тогда, когда операции проводились безукоризненно. Как бывало обидно и больно Листеру, когда у его больного после вполне успешной операции начиналась гангрена или заражение крови, или поднимался жар, и человек сгорал, как свеча, в считанные дни! Неудивительно, что тогда бытовала поговорка: «Лучше уж сразу смерть, чем нож хирурга». Люди до последнего старались не попадать на операционный стол, терпели боли и мучения и шли в больницы только тогда, когда другого выхода не оставалось и становилось ясно — не жилец. Очутиться на кладбище или лечь под нож врача — это был единственный выбор для таких больных.

Листера мучил вопрос — что же является причиной всех этих послеоперационных инфекций, в 90% случаях приводивших к летальному исходу. Тогда в науке считалось, что столь скорбные результаты вызваны присутствием вредных испарений и «неблагоприятными свойствами кислорода» — «миазмами» воздуха. Представления о гигиене были невероятно примитивными. Хирурги оперировали без перчаток, в своей повседневной одежде, иногда, правда, накинув забрызганный кровью после предыдущей операции халат. В качестве перевязочного материала использовались самые разнообразные тряпки — отходы, получаемые от текстильных фабрик. Известен случай, ярко демонстрирующий царившее в обществе невежество. В 1864 году король Саксонии внезапно решил посетить один из городов своего королевства, а тут незадача — на главной улице этого города оказалась не вывезенной огромная свалка нечистот. И вот местный губернатор, человек, не лишенный некоторых познаний, решил срочно бороться с «миазмами», дабы не заразить какой-то гадостью Его Величество: он приказал выставить возле помойки заключенных местной тюрьмы, чтобы те «вынюхали все миазмы» — заключенных, в отличие от короля, было не жалко. Уже были проложены железные дороги, работал телеграф, а в области медицины и гигиены царило дремучее средневековье!

Окна хирургического блока, которым руководил Листер, выходили на поле, где хоронили умерших от холеры, делая сие скорбное дело, как правило, довольно небрежно — трупы зарывали неглубоко. Листер предположил, что ветер, дующий с поля, приносит в его палаты гнусную заразу, и в том же 1864 году, когда заключенные в саксонском городе вынюхивали «миазмы» свалки, приказал промыть стены и предметы больничного обихода фенолом — карболовой кислотой. Воздух посвежел, и, более того, смертность слегка упала — еще незначительно, но эффект был налицо.

А через год весь мир потрясли открытия Луи Пастера в области микробиологии. Французский ученый доказал, что заразные болезни возникают в результате проникновения в организм микробов из внешней среды. У Листера, конечно же, прочитавшего статьи француза, буквально, как он сам вспоминал, открылись глаза. «Надо только найти вещество, которое будет убивать болезнетворные микробы, не причиняя вреда человеку», — понял он. Узнав на практике, что карболовая кислота устраняет дурной запах гниения сточных вод, он решил применить ее для лечения открытых переломов.

В марте 1865 года в Королевский лазарет в Глазго поступил одиннадцатилетний Джеймс Гринпис. У мальчика был сложный перелом левой голени. Операцию должен был делать Листер. Его коллеги с изумлением смотрели, как перед операцией Листер тщательно протер инструменты карболкой и ею же обработал раны мальчика. «Доктор чудит», — говорили они, не подозревая, что перед их глазами совершается революция в медицине. Весь предыдущий опыт медицинской практики говорил, что после такой операции у Джеймса нет никаких шансов выжить. Но случилось чудо — через шесть недель ребенок выписался из больницы абсолютно здоровым! Это был настоящий триумф. Имя мальчика вошло в историю медицины, а Листер продолжал свои исследова-

Уже давно были проложены железные дороги, работал телеграф, а в области медицины и гигиены царило дремучее средневековье

ния и с восторгом наблюдал, как залечиваются не только открытые переломы, но и другие открытые раны у его пациентов после наложения повязок, пропитанных карболкой.

Вскоре выяснилось, что карболка слишком едка для применения в хирургии, и тогда Листер стал использовать ее 5-процентный раствор, сохранявший чудесные свойства неразбавленной кислоты. Теперь он и свои инструменты хранил в дезинфицирующем растворе фенола, а перед операцией тщательно мыл руки карболкой. Более того, в 1871 году попробовал даже распылять из пульверизатора фенол в операционной, дабы убить болезнетворные микробы, живущие в воздухе, но этот метод не прижился — карболовый туман раздражал ткани больного, кожу врача и понижал остроту зрения хирурга. А вот антисептические, обеззараживающие повязки, придуманные французским аптекарем Лемером, прижились и оказались очень полезными.

В 1867 году Листер, собрав огромный материал, опубликовал первый труд по антисептике. Его основные идеи многим казались тогда безумными, но статистика доказывала правоту ученого — смертность в Королевском лазарете Глазго снизилась до невероятно низкого по тем временам уровня — 15 процентов! В Шотландии ученого оценили по заслугам и предложили ему возглавить кафедру хирургии Эдинбургского университета. Однако за пределами страны многие по-прежнему считали его чудаком и не верили в антисептику, и потому смерть уносила прооперированных одного за другим. Так, во время франко-прусской войны 1870—1871 года было проведено 13 тысяч ампутаций, и из них 10 тысяч завершились летальным исходом! А многих из этих несчастных молодых раненых солдат можно было спасти!

Листер, понимая важность своего открытия, всячески пытался его пропагандировать. И вскоре к нему стали приезжать практикующие врачи из многих европейских городов. Приехал учиться к нему и доктор Линдпайнтер из Мюнхена. В больнице, где он работал, уровень смертности от гангрены после операций достигал 80 процентов, а тех, кого миновала эта страшная инфекция, поражали другие беды. Методы Листера помогли немцам справиться с этими страшными послеоперационными осложнениями, и мюнхенская больница «Algemeines Krankenhaus» избавилась от своей страшной славы губительницы жизней.

Листер выступал с лекциями об антисептике в Германии, а в 1876 году прочитал курс лекций в США. На одной из лекций оказался фармацевт Роберт Вуд Джонсон. Идеи Листера его потрясли. Джонсону была свойственна живость ума и предприимчивость. Он быстро сообразил, что тут можно неплохо заработать. Приехав в городок Нью-Бринсвик, штат Нью-Джерси, вместе с двумя своими братьями, Роберт открыл небольшую фабрику по производству готовых стерильных повязок из ваты и марли, упакованных в отдельные пакеты в стерильных условиях. Через десять лет братья Джонсоны зарегистрировали компанию «Джонсон энд Джонсон Медикал». Принципы антисептики и асептики торжествовали, и дела фирмы шли в гору. Она предлагала врачам все новые и новые полезные и удобные в практике медицинские предметы. Именно эта компания впервые придумала и выпустила бактерицидный лейкопластырь — «бэнд-эйд», ставший необходимым не только в больницах, но и для любого путешественника. Компания быстро освоила рынок. Она и сейчас — одна из самых крупных в мире по производству медицинской продукции и предметов гигиены. Невероятным успехом «Джонсон энд Джонсон» обязана гениальным открытиям Листера.

В 1877 году Джозеф Листер возглавил кафедру клинической хирургии в Лондонском университете, куда съезжались врачи из разных стран. Постепенно его идеи завоевывали мир, а сам он стал придворным, а потом и личным врачом королевы Виктории,

Листеру посчастливилось увидеть, как его идеи помогают сохранить жизнь людям, ранее обреченным на смерть, позволяют делать операции, ранее просто немыслимые. Теперь-то они кажутся нам совершенно обычными

пять лет возглавлял Королевское хирургическое общество. Ему, первому из хирургов, было пожаловано звание лорда.

Наука не стоит на месте. И постепенно антисептику заменила асептика — за исключением тех случаев, когда врачу приходится иметь дело с уже зараженными ранами. Асептические методы включают в себя применение стерильных повязок и инструментов. Широко стало применяться кипячение инструментов и тканей для перевязок. Листеру посчастливилось увидеть, как его идеи, находя все большее понимание среди профессионалов, помогают сохранить жизнь людям, ранее обреченным на смерть, позволяют делать операции, ранее просто немыслимые. Теперь-то для нас они кажутся совершенно обычными. А ведь первая успешная операция по удалению аппендицита была проведена сравнительно недавно — в 1887 году!

Джозеф Листер умер в возрасте 85 лет 10 февраля 1912 года. Хоронили его с большим почетом, и некрологи с указанием его огромных заслуг перед человечеством появились во всех центральных газетах мира. Кроме революционных исследований по антисептике, Листер открыл возбудителя молочнокислого брожения и сделал ряд интересных работ по анатомии, гистологии и микробиологии. И вообще, он многое успел сделать за свою долгую жизнь, этот скромный, беззаветно преданный медицине английский врач, имя которого никогда не предастся забвению. Ведь именно благодаря ему сейчас в мире проводятся немыслимые ранее операции по пересадке почек и сердца, замене глазного хрусталика, вырезаются раковые опухоли, оперируются еще не родившиеся младенцы! А это было бы невозможно без сэра Джозефа Листера и его антисептиков… ❑

БРОСОК на ЮГ

Иосиф ГОЛЬМАН

Фото автора

Как назвать щемящее беспокойство где-то в области мозжечка, я не знаю. Оно приходит ко мне в любое время года: и зимой, и весной, и осенью, но особенно — летом. Короче, в такие моменты я бросаю все, сажусь в свой дизельный «Патрол» — и еду, куда глаза глядят.
На этот раз меня с моим постоянным спутником — женой Ириной, потянуло в сторону юго-запада, а точнее — в Крым. Украинская граница не пугала: прошлым летом проездом в Испанию я пересек белорусско-польскую границу, после которой уже ничего не страшно. У нас с Ириной в запасе — всего неделя. И так хочется хоть на неделю смыться из любимой Москвы!
Итак — наше путешествие начинается… Поехали!

День первый

Как всегда, проскочил поворот на Варшавку, со стороны востока МКАД, из-за дурацкой схемы развязки и дурацкой восторженной расслабленности, которая возникает во мне всякий раз, когда удается ускользнуть от общественно-полезной деятельности.

Второй раз проскочил нужный поворот на Тулу — далее трасса раньше просто кончалась, а теперь — нет. Разворачиваться не стал, несмотря на то, что дорога приобрела устрашающе неезженый вид.

Информация не по делу

… Я вообще никогда не разворачиваюсь, кроме очевидно тупиковых случаев. Должен признать, что это — не всегда удачный принцип для дорожного перемещения. Например, в августе прошлого года одна такая предательская лесная дорожка постепенно перешла в тропку, и мы изрядно расцарапали «патрольи» бока. Ирина шла впереди, отодвигая особо толстые ветви, и громко, на весь лес, вспоминала каких-то упрямых вьючных животных, пока мы не пересекли всю рощу.

Но я холю и лелею все свои привычки, особенно — вредные…

Вот-вот шоссе должно было кончиться, но мы упрямо ехали вперед — и через какое-то время были вознаграждены, объехав Тулу и снова попав на трассу. Точнее — не сойдя с трассы.

К вечеру мы миновали Белгород и уже в темноте выехали к границе.

На нашей стороне все сделали быстро, хотя довольно дотошно осмотрели машину и проверили документы. На украинской же сразу попросили заполнить иммиграционные карты.

Поскольку у меня идиосинкразия к документам и аккуратности одновременно, рыженький пограничник из братской страны предложил за 300 руб. самому заполнить бумаги.

За недостатки надо платить, и я согласился. Наверное, зря, потому что служивый вошел во вкус и предложил за 6 000 руб. быть нашим гидом вплоть до выезда на украинскую территорию.

Получив отказ, он прошел к таможенникам, и наш автомобиль отправили на «выборочный таможенный осмотр». Мимо нас безо всякого осмотра проносились другие автомобили, а нас загнали в отстойник и предложили заполнить огромные таможенные декларации, гораздо большие, чем предыдущие иммиграционные карты.

И, конечно же, тут же предложили помочь в их заполнении, опять-таки без моего участия. Всего-навсего за 2 500 руб. В итоге, сошлись на 600.

Заполненные декларации я подержал в руках секунд 30, потому что их забрали на выезде с территории таможни.

Вывод: делайте все положенное сами. Будет и дешевле, и быстрее.

День второй

Заночевали мы в Красограде, проехав Харьков, а утром двинулись дальше.

Но ехали недолго — до первого милиционера. Он был немножко странный: вместо жезла — красный диск на палочке, а разбираться повел меня в старый «жигуленок», в котором сидел начальник, вовсе необычно одетый:

форменная куртка и тренировочные штаны.

«Господин» говорил со мной исключительно по-украински. Я половины не понимал, он повторял по три раза, злился, но на русский так и не перешел.

Поскольку я ничего не нарушил, и, мало того, не был пьян, меня неохотно отпустили.

Потом меня остановил второй офицер. Потом — третий. Когда остановил седьмой (за час!) и стал требовать копию ПТС и медсправку, я уже был готов к отпору — подробно объяснил стражу порядка, что выполняю важную для России и Украины миссию: ищу тех, кто мешает потоку российских автотуристов, лишая россиян курортных удовольствий, а Украину — российских туристских денег.

И, похоже, нашел.

Страж тут же изменился в лице и позвал меня в машину — все объяснить. И объяснил: потоку мешают страшные люди из Перещепино, и этот городок известен по всей трассе от Москвы до Симферополя. Именно они обирают автолюбителей, требуя от них аптечку, огнетушитель, копию ПТС, иммиграционную карту, экологический талон, а также копию медсправки тещи. Более того, основная их часть — вовсе не ДАИ, а что-то вроде дружинников, которые тоже хотят кушать.

И, наконец, якобы есть еще одна закулиса — экологическая милиция, которая вовсе никакая не милиция, а частный бизнес. То есть вам предоставляют услуги по проверке выхлопа вашего авто, а потом пугают штрафстоянкой. Просто и экономически эффективно.

Если отказываешься — не трогают. Согласился — уже не вымогательство, а услуга, оказанная по соглашению сторон.

Откровенно говоря, в тот день я пожалел, что поехал на Украину. Семь раз за час беседовать с гаишниками — это много даже для человека, считающего их службу в принципе необходимой обществу.

Но, к нашей радости, наваждение действительно закончилось, и в следующий раз меня остановили проверить документы только через пару дней, в Керчи. Я рассказал служивому о Перещепинском беспределе, он улыбнулся и ответил рекламным слоганом: «Почувствуйте разницу!».

Информация не по делу

К слову, неприятные ощущения остались только от таможни и мнимых «даишников». Общение же с обычными гражданами Украины было теплым и дружественным. По этой части — я имею в виду дружелюбие — они, как мне кажется, нас даже опережают.

В разгар дня проехали Чонгарский перешеек и въехали в Крым. А там уже — и красивый город Симферополь, яркий, нарядный, с московского уровня гостиницами, но по ценам в два-три раза ниже.

День третий

Ура, едем к морю! «Ассистируют» нам симферопольские друзья, обещают показать всю Ялту и Алушту.

Мы едем вдоль невысоких гор вниз. Вдоль дороги — много новостроек, в том числе — множество серых маленьких недостроев без крыш. «Татарские самозахваты», — неохотно объяснили симферопольцы. Тема действительно мрачноватая. Сначала — шесть десятилетий назад — жестоко и незаконно поступили с целым народом. Сегодня многие представители этого народа не собираются чтить нынешние законы.

Вокруг — все красивее и красивее, и нам становится стыдно за наш супергрязный «Патрол». У въезда в Алушту решили его помыть. Потеряли полтора часа: народ здесь, похоже, старается ездить только на чистых автомобилях. Плюс — не по-московски вальяжная неторопливость мойщиков. А куда им торопиться? Солнце, чистый воздух, радуга в брызгах.

Безумно хочется побыстрее к воде. Нас везут к эллингам, где у наших друзей — свой «угол». Эллинг — это гараж для лодки. Но обычно над ним надстраивают жилой этаж, иногда — два этажа, а иногда — четыре. Получается неплохой таунхауз, причем «правильный» эллинг расположен прямо у воды, с тельфером для спуска катеров в воду. Брызги во время шторма должны долетать до балкона, иначе это уже неправильный эллинг.

— Морем должно пахнуть, понимаешь? — объясняет наш друг. — И шум его должен быть слышен постоянно.

Мы спросили про цены этого удовольствия. В «правильных» местах они давно перескочили сильно за 2000 долл./кв.м

Решили — дороговато. Но, гуляя по Ялте, зашли пообедать в красивейший ресторан с панорамным видом на бухту. В доме над ним тоже продаются квартиры. Правда, их осталось мало. Почти все проданы, несмотря на… 7000 у.е. за метр.

Ялтинские улочки — узенькие, на «Патроле» там, как на слоне. Бросили его в переулке, и полчаса просто бродили по пристани. Так не хотелось уходить…

Обратно в Симферополь ехали по той же трассе. По ней все так же бегают троллейбусы. Бензозаправки — на каждом шагу. Единственно, что потеряно — трасса не освещена, как раньше, хотя столбы стоят. А, может, это нам просто не повезло.

День четвертый

Так как у нас в запасе была всего неделя, пришла пора собираться в обратный путь. Выезжать решили через Керчь, на пароме. Попрощались с друзьями — и по красивейшим горам!

До Керчи домчали по-светлому, поэтому осталось еще время на экскурсию. Город, в принципе, понравился, но это — не Ялта. Это — город-труженик. И город-герой.

В местном музее целый зал занят большими полотнами, посвященными бойцам из Аджимушкайских каменоломен. Их взрывали, замуровывали под землей, травили газом. А они жили и воевали. Даже смотреть на картины страшновато. Каково же им было там в жизни?

Купили билеты и, наконец, въехали на паром — из «Порта Крым» в «Порт Кавказ». Весь рейс уложился в полчаса. Кстати, удовольствие это обошлось нам менее чем в полторы тысячи рублей.

На нашей стороне — все быстро и приветливо. Единственно, пограничники послали меня в сторожку как

пассажира, а Ирине велели сесть за руль, так как машина была внесена в ее иммиграционную карточку.

— Хорошо, — согласился я. — Я пошел, а жена пусть немного поманеврирует между вашими заграждениями. Ее это развлекает.

— Ладно, — сказал старший пограничник. — Пусть она идет как пассажир, а вы садитесь за руль. Подумаешь, иммиграционная карточка.

Так и сделали, к взаимному удовольствию.

Информация не по делу

… В темноте ехать несложно, если есть хорошая разметка. В противном случае — ни скорости, ни безопасности. Кстати, никак не могу взять в толк: почему наши дорожники, истратив миллионы на дорожное полотно, часто не могут найти тысячи, чтоб его нормально разметить?

Но если ехать для удовольствия — то только днем, несмотря ни на какую разметку…

День пятый

По классной дороге и замечательным просторам доехали до Краснодара.

Здесь встретились с друзьями и собирались уже в сторону Ростова, как Ирина неожиданно захотела в Анапу.

Вот этим и хороша машина. Хочешь — в Ростов, а хочешь — в Анапу. (Даже если не хочешь — все равно в Анапу, раз этого хочет жена.)

Вот так мы и оказались в Анапе. Это был незапланированный день, но мы о нем не пожалели. Чистый уютный город. Совсем не похож на Ялту. Не знаю, почему. Может, потому что это детский курорт, и вдоль моря тянется Пионерский проспект с десятками детских лагерей, пансионатов и санаториев.

Жена поностальгировала в местах, где «рассекала» в пятилетнем возрасте, а я вкушал чистый воздух и наслаждался горячим солнцем. Отличный день.

День шестой

Едем в Краснодар, но, разумеется, не по той дороге, что приехали, а по побережью. Горы здесь пока невысокие, настоящий серпантин начинается за Джубгой и даже дальше. Но все равно — это горы. Например, Михайловский перевал недавно был закрыт несколько дней. Здесь — все серьезно, и лихачи погибают быстрее, чем на равнине. К сожалению, они уносят с собой и нормальных людей: пока едешь, глаз постепенно привыкает к венкам и маленьким памятникам вдоль дороги.

Новороссийск — почти рядом с Анапой, но аура — совсем другая. Здесь работают, а не отдыхают. Огромная бухта занята десятками кораблей.

Я покрутился по городу и нашел улицу имени себя. Ну, почти имени себя. Наверняка этот Гольман — какой-нибудь мой дальний родственник. Да и какие наши годы? Глядишь, и в честь меня назовут. За вклад в развитие российской словесности. Или в отечественную демографию. (Ирина родила мне четверых детей.)

Недалеко от развилки Джубга-Новороссийск еще раз, напоследок, спустились к морю. Попрощались с ним и свернули на подъем к перевалу. До Горячего Ключа — через каждые три версты продают мед с горных пасек и орехи. Очень недорого и потрясающе вкусно.

Остановиться решили в Краснодаре. Город чудесный, и хотелось снова побродить по его главной улице, которая не зря именуется — Красная.

Но, к сожалению, не получилось. Все гостиницы оказались занятыми приехавшими на архитектурную выставку. Побывали местах в пяти, развернулись и сказали Краснодару: «До новых встреч. Обязательно сюда приеду. Мне здесь легко дышится. Главное — чтоб не во время архитектурной выставки».

Выехали на Ростовскую трассу. Уже стемнело. Мимо проносились красивые мотели, но почему-то все — с левой стороны.

Информация не по делу

Да, я же еще не сказал. У меня принцип: никогда не останавливаться с левой стороны. Только с правой. Жена понемногу опять стала говорить о вьючных животных. Потом все активнее обсуждать мой IQ.

Я прибавил газу, но больше 120 ехать не хотелось. Поэтому на развилке к Динской мне пришлось поступиться принципами и свернуть на левую сторону трассы, к мотелю «Ковчег». К счастью, мест не было.

Не скажу, что в эти минуты говорила моя Ирина.

День седьмой

Утро было чудесное, солнечное. Мы неслись к Ростову.

Ирина улыбалась так, будто мы не сворачивали вчера ночью в Динскую и не ночевали в местной гостинице, и я понял, что — прощен.

Позавтракали в кафешке с кавказской кухней. Реклама там была радикальной: «Не понравится — вернем деньги». Понравилось.

А еще на юге — очень вкусные белые буханки. Почему-то в Москве такого хлеба не пекут.

Мы немного подустали от впечатлений, и уже хотелось домой, поэтому в Воронеже я не остановился, а переночевали в мотеле «Самолет». На первом этаже — кафе, на втором — ресторан, где и решили отметиться.

Певец в зале орал, как бешеный лось, а на вопрос, можно ли поесть без музыки, официантка ответила решительным отказом. Может, певец был ее родственником или возлюбленным? История о том умалчивает, но ресторан в нашем лице потерял своих посетителей.

Информация не по делу

… Все у нас, в принципе, лучшает, в плане бытового обслуживания. Но иногда бывают смешные рецидивы. Так, например, в одном кафе мне категорически отказали в бутерброде с сыром. Причина — нет в меню. Хлеб — есть, масло — есть, сыр, понятное дело, тоже есть. А бутерброда в меню нет. Значит, и в природе его тоже нет.

Но вы уже понимаете, что было дальше. Я заказал ингредиенты, а Ирина — необходимейший член экипажа! — сделала мне из них бутерброд. «Гвозди бы делать из этих людей». Это я про кафешный персонал, а не про Ирину. Хотя, с другой стороны…

День восьмой

Собственно, вот и все. Путешествовать уже не хочется, а хочется мчаться домой, к четверым детям и, как ни странно, к работе.

На МКАД, в бессмысленную субботнюю «пробку» влетаем, как на праздник. Мы едем домой! Накатались досыта!

Хотя… до очередного щемящего беспокойства. И, как показывает практика, скорые рецидивы неизбежны… ❑

Максим
СЕВРЮКОВ-
КИСТЕРЕВ

Конь-качалка

Если вы думаете, что самым великим изобретением последних 200 лет стала ядерная бомба или клонирование, то глубоко ошибаетесь

Совсем недавно британская радиостанция BBC-4 провела опрос на эту тему, и результаты удивили всех. Оказалось, что на первом месте в списке «величайших открытий» цивилизации стоит… велосипед. Двухколесный агрегат не только «обогнал» транзисторы и радио, но даже компьютеры и интернет.

Впрочем, чему удивляться? Крутить педали сегодня — не только дань моде, но и особый образ жизни. А ведь всего каких-то полтора века назад велосипед считали приспешником самого дьявола…

Официально считается, что велосипеду — всего 200 лет. Но некоторые специалисты полагают: двухколесный агрегат вполне могли изобрести, как минимум, в начале нашей эры

Что нам стоит «вел» построить!

Официально считается, что велосипеду — всего 200 лет. Но некоторые специалисты полагают: двухколесный агрегат вполне могли изобрести, как минимум, в начале нашей эры. В одном из музеев Рима хранится саркофаг. На нем изображен человек, едущий на устройстве, очень похожем на велосипед. Подобные рисунки обнаружены на развалинах Древнего Египта, Вавилона и Помпеи…

Неизвестно, какими именно были «железные кони» в глубокой древности — из чего состояли, и кто на них передвигался. Вполне вероятно, что об этом мы не узнаем никогда. Вообще, в истории «велосипедостроения» очень много легенд и вымысла. Например, по одной из версий — двухколесную машину изобрел еще Леонардо да Винчи. По другой — французский граф де Сиврак. В 1791 году он построил «селерифер» — деревянную машину с двумя колесами и брусом, где находилось сиденье.

Однако большинство специалистов считает, что изобретение велосипеда произошло не ранее XIX века. Возможной причиной создания двухколесной машины могла быть… плохая погода. 1816-й вошел в историю Европы как «год без лета». Климатическая аномалия привела к неурожаям, вызвала голод и снизила поголовье лошадей.

Как бы то ни было, достоверно известно, что в 1817-м барон Карл фон Дрез изобрел нечто «двухколесное». Эксцентричный немец служил старшим лесничим у герцога Баденского и любил передвигаться на сидячем самокате. Ни о каких тормозах и педалях тогда и речи быть не могло. Барон ездил, отталкиваясь от земли ногами. Через год фон Дрез получил патент на свое изобретение, а странную машину прозвали в его честь «дрезиной».

Барон ласково называл двухколесное чудо «конь-качалка». Он был так увлечен своей «лошадкой», что

повсюду ее рекламировал. Однажды, на пари, немец преодолел расстояние в 50 км. за четыре часа. Результат — весьма неплохой, если учесть, что всю дорогу приходилось отталкиваться от земли ногами.

Изобретение фон Дреза на родине почти не получило никакого распространения. Зато стало популярным в Великобритании. Там «дрезина» сделалась фирменным знаком лондонских денди. К ней они приделывали лошадиные морды и хвосты из дерева и в таком виде раскатывали по городу, пародируя феодалов с их неизменной страстью к скаковым лошадям. Часто молодые повесы падали и наезжали на пешеходов. Те обращались в полицию, чем вызывали злорадство аристократов, не одобряющих подобные забавы.

Настоящий переворот в «велосипедостроении» произошел в 1839-м. Тогда пришла в голову мысль оснастить «дрезину» педалями. Правда, крутили они переднее колесо, которое было гораздо больше заднего. Через пару десятилетий братья-французы Пьер и Эрнест Мишо наладили производство «велосипедов» — так они назвали двухколесную «чудо-машину». К тому времени у «железного коня» уже был передний тормоз. А вскоре в 1869 году во Франции состоялись первые в мире велосипедные гонки…

Популярность двухколесных машин росла. Однако были и такие, кто не одобрял подобного способа передвижения. Некоторые газеты называли велосипедные позы «неэстетичными и вульгарными». По их мнению, ни один человек со вкусом не сядет на подобный драндулет. Бывали случаи, когда на проезжающего мимо велосипедиста бросались… крестьяне с вилами. Двухколесная машина казалась исчадием ада, а наездник — колдуном, заключившим договор с дьяволом. И если от собак отстреливались, то спастись от разъяренных сельских жителей можно было только одним способом — бросить машину в кустах и удирать без оглядки.

Велосипед в то время был чрезвычайно опасным видом транспорта. С него можно было не только упасть и сломать шею, но и стать причиной серьезного, пользуясь современным языком, ДТП. Лошади при виде двухколесных монстров вставали на дыбы и опрокидывали повозки и кареты. В некоторых странах Европы для велосипедистов ввели специальные правила движения: при виде лошади человек должен был сойти с машины и прикрыть ее тканью. Запрещалось движение в местах массового скопления людей и экипажей. За слишком большую скорость велосипедиста могли задержать и доставить в полицейскую часть.

Впрочем, все это казалось ерундой по сравнению с вибрацией, которой подвергался ездок. В то время асфальта не было, а колеса делались из дерева или металла. Порой их обивали каучуком, но все равно: человек не ехал, а буквально «скакал» по дороге. Остряки прозвали двухколесную машину «костотрясом». И действительно: после каждой поездки требовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

Эта проблема была решена весьма оригинально. В 1885-м шотландцу Джону Данлопу надоели жалобы его малолетнего сына, который после каждой поездки возвращался с синяками. Не долго думая, отец отрезал от садового шланга часть, налил в нее воду и обернул вокруг колеса. Тряска уменьшилась, но велосипед стал тяжелее. Тогда Данлоп решил поэкспериментировать с воздухом. Результатом стал патент на изобретение надувной шины с ниппелем. Впоследствии придумка нашла свое применение и в автомобилях, первые образцы которых появились в конце XIX века.

Тогда еще никто не знал, что новый вид транспорта с двигателем внутреннего сгорания нанесет по

Возможной причиной создания двухколесной машины могла быть… плохая погода. 1816-й вошел в историю Европы как «год без лета». Климатическая аномалия привела к неурожаям, вызвала голод и снизила поголовье лошадей

«железным коням» сокрушительный удар. Долгое время казалось — будущее принадлежит автомобилям и мотоциклам. Скорость и грузоподъемность сыграли решающую роль. Однако в 60-х годах XX века в моду вошел здоровый образ жизни и новое слово — «экология». Велосипеды обрели свое «второе дыхание».

Сегодня популярность этого вида транспорта растет в геометрической прогрессии. В мире двухколесных машин — уже 1,5 миллиарда. Для них строят специальные дороги, места для парковок и даже заведения общепита. Самой «велосипедной» страной в Европе считается Дания. Средний житель этой страны проезжает в год 893 километра. Следом идут Нидерланды, Бельгия и Германия. А вот в Китае популярность велосипедов постепенно снижается: доходы населения растут, и многие пересаживаются на автомобили и мотоциклы.

Россия пока отстает от ведущих «велосипедных» держав. Но в последние годы ситуация меняется — все больше людей покупают «железных» коней. В основном, для выездов на природу, но некоторые не прочь и до работы прокатиться.

Велосипед велосипеду — рознь!

Если деньги на велосипед уже отложены, то самое время… нет, не бежать в магазин, а подумать о стиле катания. Иными словами: как, в каких условиях и где будет использоваться «железный конь»?

Оговоримся сразу: ради поездки в пивной ларек или ближайший магазин велосипед покупать вообще не стоит. Во-первых, пешком прогуляться гораздо полезнее, а во-вторых — в нашей стране система велопарковок неразвита. Пропажа «велика» за пару десятков тысяч рублей будет весьма неприятной историей. Подчас замки, которые можно купить почти в любом специализированном магазине, открываются обычной отверткой. Но даже если злоумышленнику не удастся угнать «железного коня», то открутить колеса иногда — проще простого. В некоторых моделях велосипедов они снимаются простым поворотом рычажка. Согласитесь, обнаружить вместо «велика» раму с рулем — удовольствие маленькое.

Большинство предпочитают кататься в парках и по асфальтированным улицам. Как правило, несколько раз в неделю, не более 2-х часов. Магазины предлагают на выбор две модели велосипедов: «горный» и «гибрид».

MTB (от английского «mountain bike» — горный велосипед) отличается, прежде всего, размером колес — 26 дюймов. Главная задача «велика» — комфортная езда по пересеченной местности. На нем хорошо запрыгивать на бордюры и гонять по бездорожью. Некоторые специальные модели позволяют преодолеть на редкость сложные препятствия. Грязь и разбитые шоссе такому велосипеду не помеха. Все компоненты и узлы MTB имеют повышенную прочность и надежность, рассчитаны на работу в экстремальных условиях. Часто «горняки» оснащают дисковыми тормозами. Они позволяют ездить даже в дождливую погоду.

Велосипеды подобного рода иногда сравнивают с тракторами. В этом есть доля правды. Обычные MTB, продающиеся в магазинах, тяжеловаты и не позволяют развивать большую скорость. А порой так хочется прокатиться по асфальту с ветерком!

В этом случае наверняка стоит задуматься о покупке «гибрида». Отличительная черта велосипедов этого класса — колеса в 28 дюймов. Ближайшие овраги — не для него. Точнее, проехать на «гибриде» можно и там, но подобный «круиз» станет серьезным испытанием и для вас, и для вашей машины. Такие велосипеды незаменимы в туристических походах по асфальтированным трассам и среднему бездорожью. Там за ними MTB не угнаться. «Гибриды» — легче «горняков» и обладают хорошей ма-

Братья-французы Пьер и Эрнест Мишо наладили производство «велосипедов» — так они назвали двухколесную «чудо-машину». К тому времени у «железного коня» уже был передний тормоз. А вскоре в 1869 году во Франции состоялись первые в мире велосипедные гонки…

Тогда еще никто не знал, что новый вид транспорта с двигателем внутреннего сгорания нанесет по «железным коням» сокрушительный удар. Долгое время казалось — будущее принадлежит автомобилям и мотоциклам

невренностью. Чаще всего на такие велосипеды ставят «клещевые» тормоза. Они гораздо легче дисковых, но имеют свои неудобства: в дождь тормозить становится труднее, резина быстро стирается, буквально размазываясь по ободу, к тому же «клещи» быстро забиваются грязью.

Иногда люди, севшие на «гибриды», через пару сезонов задумываются о шоссейном велосипеде. Если сравнивать с миром автомобилей, то это — болид «Формулы-1». Без преувеличения, каждая деталь такого «железного коня» подчинена Ее Величеству Скорости. Легкость рамы и навесного оборудования, специальный руль-баранка, узкая резина, почти без протекторов… «Шоссейник» способен развивать на спуске до 100—120 км/час. Минимальная скорость, с которой может ехать нетренированный новичок, — 30—35 км/час, максимальная — в два раза больше. Несмотря на столь фантастические качества, есть существенные недостатки: велосипед предназначен строго для асфальтированных трасс, никаких колдобин и ухабов он не потерпит. Точнее, вы не потерпите. Отсутствие амортизации (при педалировании необходимо меньше усилий для разгона) делает «шоссейник» не слишком комфортным при езде. Зато, например, при сильном встречном ветре вам не придется больше передвигаться со скоростью черепахи, а подъем в гору превратится в приятную разминку. Покупая такой велосипед, вы вступаете с дорогой в совсем другие отношения. Профессиональные спринтеры говорят: эта машина реагирует даже на дыхание. Тот, кто однажды попробовал «шоссейник», никогда больше не вернется к «горнякам» и «гибридам».

Написанному — верить!

Вместе с велосипедом в солидном магазине вам обязательно выдадут гарантийный паспорт. Не спешите откладывать его в дальний ящик стола, а внимательно прочитайте. Кроме заполнения гарантийного талона, в паспорте есть график технического обслуживания. Большинство начинающих велосипедистов почему-то полагают, что ТО необходимо лишь автомобилям. А потом долго удивляются, отчего у дорогого «велика» через пару недель езды отвалилась, например, педаль. Если это случится в дороге, все может закончиться печально. В лучшем случае, отделаетесь падением в ближайшие кусты.

В графике указывается, что и когда необходимо проверять, чтобы получать от поездки удовольствие, а не травмы. Вовсе не обязательно каждый день приезжать к мастеру. Например, смазать цепь вы можете и сами. Но перед этим велосипед необходимо помыть, уделяя особое внимание механизму. Лучше использовать специальные жидкости, растворяющие грязь, а не стиральные порошки и мыло — от них толку никакого. Чистый велосипед важен не только с эстетической точки зрения. Это позволит продлить срок службы деталей, что сэкономит и время, и деньги.

Перед каждой поездкой необходимо тщательно проверять давление в шинах и степень их износа. Особое внимание уделяется тормозам. Колесо после нажатия ручек тормоза не должно прокручиваться. Если предстоит дальняя дорога, сделайте пару кругов по ближайшему кварталу. Любой стук, скрип, писк или иные странные звуки — повод еще раз осмотреть «железного коня». Лучше исправить все дома, чем ремонтироваться в десятках километров от жилья. О таких вещах, как запаска и набор специальных инструментов, говорить не нужно — они всегда должны быть при себе.

Прошли те времена, когда на «велике» можно было гонять без защиты и соответствующей одежды. Экипировка велосипедиста стоит недешево, но она того стоит. В любом случае, сумма наверняка окажется

В мире двухколесных машин — уже 1,5 миллиарда. Для них строят специальные дороги, места для парковок и даже заведения общепита

меньше той, что вы потратите на лечение.

Шлем, очки, футболка и шорты предназначены не только для красоты. Многие покупают, в лучшем случае, первое и второе, почему-то забывая о правильной терморегуляции во время езды. Современные материалы позволяют коже дышать, защищают от ветра, влаги и поддерживают нормальный сердечный ритм. К тому же крутить педали гораздо удобнее в эластичных шортах, нежели в джинсах: в некоторых моделях предусмотрены специальные вкладки, которые уменьшают трение о седло.

Одежда велосипедиста обладает еще одним немаловажным свойством. Ее делают из светоотражающего материла, что чрезвычайно полезно при езде в ночное время суток. Впрочем, не стоит отказываться и от специального фонаря. Он обычно крепится сзади, под седлом, и включается в любое время суток.

И, наконец, последнее. Говорят, на велосипеде ездить может даже обезьяна. Но, поверьте, ее стопа некоторым образом отличается от человеческой. А потому обувь для «велика» — вещь обязательная.

Никаких кроссовок, кед и домашних тапочек: в таком «обмундировании» далеко не уедете — устанете быстро. Лучше всего купить велотуфли или специальные ботинки. Они защищают не только от грязи, но и позволяют ехать намного быстрее. Некоторые виды велосипедной обуви снабжены шипами, которые пристегивают ногу к педалям. Научиться в них ездить — гораздо проще, чем научиться ходить.

Так что, не стоит изобретать велосипед. Все давно придумано до вас. Садитесь на своего «железного коня» и отправляйтесь в увлекательное путешествие. Как говорится, легкой дороги и безветренной погоды. Ведь на дворе — лето. ❑

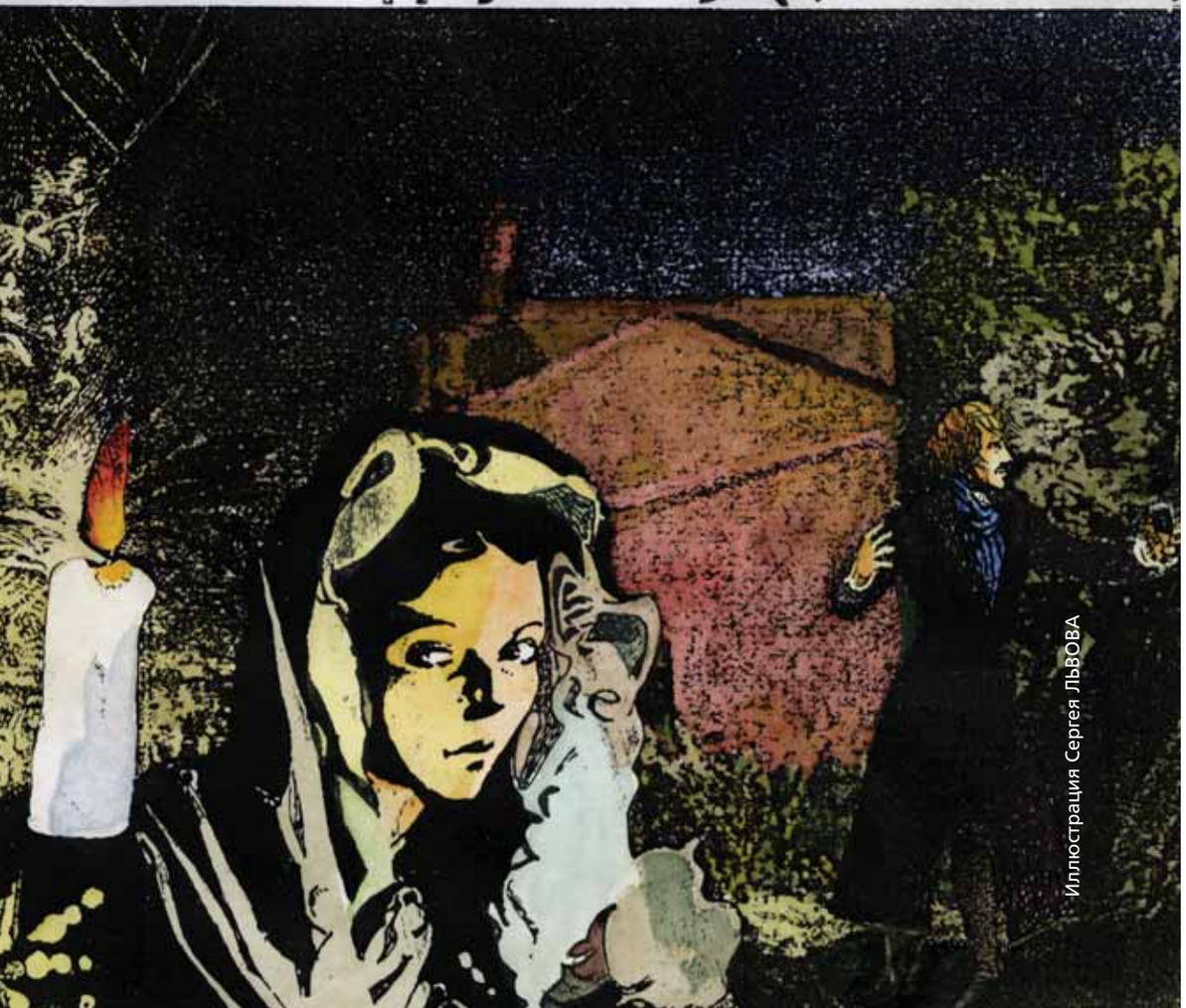


Иллюстрация Сергея ЛЬВОВА

В литературе русского Зарубежья в одно время с такими гигантами, как Бунин, Шмелев, Набоков, Газданов, были еще сотни писателей, чьи имена постепенно вписываются в историю русской литературы. И среди этих имен — имя писателя Ивана Лукаша.

Иван Сазонтович Лукаш (1892—1940) родился в Петербурге в семье отставного ефрейтора-гвардейца. Почти все детство его прошло в Академии художеств, где в ту пору служил отец, совмещая должности швейцара и натурщика. Так что, с самых ранних лет будущий писатель попал в мир искусства.

При поддержке Игоря Северянина в 1910 году вышла его первая книга стихотворений «Цветы ядовитые». В 1916-м Лукаш окончил юридический факультет Петербургского университета. Учась в университете, он публиковал свои стихи и очерки во многих газетах и журналах.

В 1918 году Иван Лукаш вступил в Добровольческую армию и прошел весь ее путь до Крыма. После чего началась его эмигрантская жизнь: Константинополь — София — Вена — Прага — Берлин — Париж.

Именно в эмиграции полностью раскрылся талант писателя. В журналах и газетах «Русская мысль», «Перезвоны», «Современные записки», «Возрождение» появляются его рассказы и очерки, а в 1922 году выходит в свет книга о гражданской войне и офицерах Белой армии «Голое поле».

Но постепенно Иван Лукаш отходит от тем современности и обращается к историческим сюжетам. Именно его историческая проза заслужила высокую оценку читателей. Это «Граф Калиостро», сборники рассказов «Сны Петра» и «Дворцовые гренадеры», романы «Пожар Москвы» и «Бедная любовь Мусоргского».

Созданные в эмиграции произведения Лукаша стали публиковаться на Родине лишь спустя полвека после смерти писателя и еще мало известны современным читателям.

Мы публикуем два рассказа Ивана Лукаша — «Дурной арапчонок» и «Поликсена».

Поликсена

Из рассказа деда о Гоголе

У Николая Васильевича Гоголя штиблет на левой ноге дал трещину и каблук сбился именно в тот день, когда Гоголь шел к проходам. Что у Публичной библиотеки, на Чернышев мост.

А там — камни, гранитные ступени и мост с цепями. На первой же ступеньке каблук слегка крякнул и отскочил. Николай Васильевич левой ногой ступал некоторое время на одних гвоздях.

Надо сказать, что все портреты великого человека верны не вполне. Был он заметно рыжеват, волос прямой прилизанными прядями зачесывал через всю голову, к виску, и концы, уже совсем рыжие, с красниной, висели над ухом. Глаза имел небольшие, карие с искорками, часто прищуренные, а острый нос — действительно был, как говорится, седлом и с желтоватым отливом слоновой кости.

Был Николай Васильевич тощ. Носил черную нанковую шинельку, ноги затягивал в узкие, на штрипках, штаны. Горбился, руки прятал в карманы. Обычно надевал коричневый фрак, а шею, тоже тощую, на которой голова была, пожалуй, излишне большой, — повязывал в три обхвата синим шарфом, из-под которого торчали белые, крепкие углы воротника — горголя.

Должно сказать, что лицо у Гоголя было скуластым, хохлацким, и сощуренные его глаза и прилизанные через всю голову рыжеватые волосы давали ему некоторое сходство с молодым конторщиком из помещичьей экономии или с поджарым поповичем, сменившем духовную рясу на светское поприще…

Только на Чернышевом мосту заметил Гоголь потерю каблука, — оттого, что хромал. Подумал: «Как же я так охромел?», но тут же, ухватясь рукой за перила, приподнял левую ногу и, посмотрев на серую подошву, с протертым пятаком-дыркой, сказал вслух:

— Какая жалость… Каблук-то потерян.

В бархатном, синем жилете, с желтой искрой, — он носил тогда такой жилет, сшитый лет пять обратно в Полтаве рябым Чупуренкой, — в кармане было всего четыре двугривенных и затертая ассигнация. Лавочник намедни посмотрел ее на свет и сказал: «Фальшивая». Да и сапожников за Чернышевым мостом не водится.

Гоголь торопился на историческую лекцию, которую читал тогда в столице студентам. Писатель-то российский еще был о ту пору так и сяк — неизвестностью — все больше пробы пера, чертежи, вымыслы, мечтания. А жил в столице чтением исторических лекций.

Но с прошлого вторника пропустил всю неделю. Заладил зуб ныть и неделю с подвязанным байковым платком щекой, откуда торчал только острый нос, шагал Гоголь в туфлях по каморке своей на Мещанской. Даже глаз заплыл, хотя и прополаскивал несносное дупло теплым молоком с винной ягодой…

А теперь — каблук.

В аудитории студенты приметят, на улице — блондинки засмеют. От робости молодой Гоголь редко смотрел дамам в глаза и всегда краснел, как пойманный, а про себя всех дам называл блондинками. И потому, что не смотрел, казалось, что манящие и грешные женские очи глядят ему в самую душу. И ему чудились петербургские дамы прекрасными и гордыми блондинками, как англичанки с чуть тронутых краской гравюр. Тогда очень молодым был Гоголь и очень одиноким в Санкт-Петербурге…

Но если бы стал я описывать, что казалось Гоголю, и что думал он — никогда бы мне не добраться до конца.

— Право жалость… Куда каблук подевался? — оглянулся Гоголь и подумал: «А не отбить ли и второй. Неприметнее будет, а то подумают: какая любопытная обувь у молодого человека, на одних гвоздях, поди новая заграничная мода»…

Но тут потянулись к нему чьи-то смуглые, заросшие черными волосками, пальцы и осипший голос над самым ухом сказал:

— Каблучок, сударь, изволили потерять.

— Ах, благодарю вас, — покраснел Гоголь и взял каблук, довольно грязный, с торчащими гвоздями.

А кого благодарил — тот уже шагал в толпе через мост. Довольно странная была у него спина, точно бы в католической черной сутане, но со многими воротниками, и на каждом, как пена, нашит белый волан.

«Да это же — факельщик в черной ливрее», — подумал Гоголь.

Но куда девать отбитый каблук? Бросить в Фонтанку, — обязательно квартальный заметит, подойдет и, конечно, осведомится:

— Вы что тут в Фонтанку бросаете, а не угодно ли будет вашему благородию…

В карман Чупуренкова жилета запрятать — загрязнит, оборвет, да и не влезет, а в платок завернуть — неприлично. И Николай Васильевич отвернулся к перилам, опустил каблук на гранитную плиту и ногой, сверху, его пристукнул — как раз. Вошел на надлежащее место. Еще постучал, вот и отлично.

Гоголь зашагал через мост, кутаясь в шинелишку. Но все же прихрамывал из осторожности: а вдруг соскочит, негодный…

День был оттепельный, снег коричневый, разъезженный и смолотый копытами и смешался в мокрый песок. Николаю Васильевичу захолодило левую пятку.

Он поднял ногу, а каблука — нет. Пропал, как не бывало…

Нарочно наступая на полу шинели, Гоголь заторопился у самых стен.

И теперь у него было такое тревожное лицо, и шляпа так глубоко и преступно сидела над острым носом, и так он кутался в шинель, что прохожие в самом деле стали поглядывать — что за расстроенный человек… А все от застенчивости. Кто сам застенчив, тот поймет… Однажды, в театре, молодому Гоголю почудилось, что у него сзади, на штанах дырочка — этакое белое пятнышко.

Так он с первого акта, в темноте из кресел бежал. Театр, как индюк, зашипел, рассердился. А Гоголь схватил в подъезде шинелишку и крикнул извозчику:

— Подыми верх!

Хотя стоял тогда ясный, сентябрьский вечер. И на дому, в каморке, на Мещанской, рассматривал штаны на огонь свечи, но ни малейшей дырочки не обнаружил…

Теперь, без каблука, он чувствовал себя, как без ноги.

Добро бы потерять ногу в сражении, на полях брани в Отечественную войну, или даже быть от природы инвалидом. А в этаком безножии — нечто стыдное, и все смотрят, все равно, как бывает во сне — вдруг очутишься на балу или в большом собрании парадных особ безо всего, в одном лишь коричневом фраке и начнешь кланяться направо-налево, показывая вельможам с алмазными звездами — нагое, извините, сиденье…

На той улице, куда свернул Гоголь, была накидана солома, а у железных крылец стояли похоронные дроги.

Перед цугом коней в черных попонах, с черными капюшонами на головах, с инквизиторскими прорезами для глаз и с пышными султанами, — уже строились певчие в синих кафтанах с серебряным позументом и откидными за шею рукавами.

Николай Васильевич затискался в толпу, — у крылец стоят тесно и ног не видно — и в ту же минуту, наклоняясь вперед, выплыл из дверей дубовый, грузный гроб, заколыхался над лысыми головами несущих.

Все генералы: височки зачесаны вперед, сивые брови прихмурены.

— Кого хоронят? — Искорки любопытства прыснули у Гоголя в карих глазах.

— Хоронят-то генерала Трощинина, а вот ты, баринок, каблук все теряешь.

И черный факельщик в треугольной шляпе с плерезом, тот самый, что обогнал его на мосту, подал каблук.

«Наваждение. — Гоголь побледнел и попятился. — Откуда у него каблук?»

А факельщик — лицо в оспинах, смуглое, как у цыгана, подбородок щетинистый — еще и подмигнул.

— На ногу скорый… На углу меня сызнова обогнал, а каблучишко того…

Николай Васильевич сжал мокрый каблук. Казался он живым, дьявольским. В те времена уже многое думал Гоголь о кознях сатаны на Земле.

Похоронная процессия тронулась. За генералами повалила стадом всякая публика — чиновники, ротозеи, купеческие мальцы, бабы. У всех была на лицах чинная печаль, как у генералов, но вполголоса друг у друга осведомлялись:

— А кого тут хоронят?

— А кто его знает…

Глухими стонами наплывало пение духовенства. Гоголь шел в толпе, поглядывая на черную спину факельщика. «Ну, вот, право, какая у меня фантастическая голова, — думал Гоголь. — Бедного человека тотчас записал в черти».

И тут сосед Гоголя, маленький, сухонький генерал, потонувший в бобрах, раздраженно, по-птичьи, пропищал:

— Вы каблуками бросаетесь, да еще в чужие ноги…

— Ах, виноват. — Гоголь нагнулся, растерялся и попятился спиной из толпы.

Это было на Невском проспекте. Процессия повернула с музыкой направо, к Александро-Невской лавре, а Гоголь — налево.

В сыром воздухе глухо бухал медный марш. Прохожие снимали картузы, треухи, мохнатые мокрые цилиндры…

Рыжеватый, тощий юноша, Гоголь в черной шинельке, прихрамывая, торопится вдоль французских вывесок, чугунных фонарей, полосатых столбов — к золотому шпилю Адмиралтейства. К далеким белым колоннам…

Столица дымит, гремят тяжелые колеса, все снует, дышит и не замечает никто юношу-провинциала. А он думает, что на него смотрят все.

— Без каблука, глядь! — вдруг кто-то крикнул за спиной и нырнул мимо ног.

И почудилось Гоголю, что все движение остановилось. И на него повертывают головы так же, как на похоронную процессию, и на него снимают шапки и показывают пальцами и гудят строго и угрожающе…

— Без каблука, без каблука…

Бледный, взволнованный, вбежал он в кофейню Шуазье, что у Адмиралтейской площади…

Острый профиль пролетел в зеркалах… В углу, за столом, где груды газет, — пусто. Он упал на красный диван. Подошел слуга в белой куртке и зеленом фартуке, — разбитной, чернявый француз. Гоголь пробормотал невнятно:

— Чашку кофе, прошу вас…

И поджал под диван тощие, длинные ноги.

Он глотал горячий кофе, обжигаясь. Делал вид, что читает газеты и вдруг заметил, что синеватый шершавый лист парижских новостей держит вверх буквами. Чернявый слуга, что стоял у простенка, тотчас же отвернулся. «Видел! Я — погиб!» — пронеслось у Гоголя. Он глотнул кофе, да так, что обмакнул в чашку самый кончик острого носа. Знал, что там, на носу, коричневая капелька, но стереть не мог — чернявый увидит. А слуга как раз подошел, наклонил промасленную помадой, кудрявую голову…

— Нет, нет, мне не надобно ничего, — прошептал Гоголь и успел смахнуть пальцем кофейную капельку с носа.

Мимо проходили офицеры, шпоры — дзринь, дзринь — один, в желтом высоком воротнике, баки лохматые, повел на него глазом как-то по-конски, вбок. Гоголь пуще сунул ноги под диван, зацепил бахромку, мгновение повозился ногами и в страхе поджался. «Оборвал… Бахрому… Вот беда».

Кофейня дымила, в тусклых зеркалах отражались головы с коками, кисти эполет, а в дыме и гуле сидел, поджав ноги, в углу, носатый, тощий юноша в черной полуопущенной с плеча шинели, — точно большая птица с подшибленным крылом. И в его карих глазах кричало немое страдание, боль, стыд, страх… «Все видят, все понимают…» А что понимают, он и сам не мог бы сказать.

Похороны генерала, смуглый факельщик, золотые буквы вывесок, зеркала, где мутно роятся головы, как бы покойников или восковых кукол, оборванная бахрома, потерянный каблук — все стало значительным, страшным, как знак тайны.

Его затрясла лихорадка. Она кидалась на него и во время бессонницы, в глухую полночь, когда вдруг все люди, и Бог, и земля, — все делалось понятным, отгаданным и страшным до содрогания, до глухого, придушенного вопля…

Гоголь выбросил на стол двугривенный, еще, — и тут его пальцы нащупали в кармане что-то мокрое, вязкое, как дохлую жабу.

Двугривенный зазвенел, покатился. Гоголь вспрянул. Он держал на ладони каблук.

Каблук! Откуда?.. Вот — оно, страшное, вот она тайна, вечная насмешка тьмы, моргающая рожа — черт подсунул каблук в карман и смотрит из всех углов, из всех глаз, из дымных зеркал, скалится, помывает головой: «Смейтесь, смейтесь над дураком»… Черт, черт…

И точно, все смотрели, как молодой человек в коричневом фраке, в черной шинели, сползшей с плеча, — стремится через зало. И как горят его глаза — пустынно и безумно.

А на пороге кофейни, у стеклянных дверей…

Только тут, на пороге кофейни, появляется Поликсена, запоздавшая героиня повести.

Не будем называть ее полного имени.

Поликсена, бедная дворянка, находилась при детях, в одном из высоких петербургских домов, куда не однажды был зван начинающий писатель читать «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Вы хотите знать имя этого почтенного семейства? Извольте: дом бабушки графа Соллогуба.

Поликсена, бедная дворянка, рослая синеглазая девушка, — волосы в шесть буклей, как спелое золото ржи. Красотой она, действительно, была подобна прекрасной англичанке с гравюр.

Когда Гоголь, заставив зеленой ширмочкой свечу, когда этот востроносый малороссиянин, неловкий и молчаливый, — вдруг оживился, читая свои рассказы, и разгорелись впалые щеки и карие глаза брызнули добрым смехом и засияли светло — сердце бедной дворянки Поликсены стукнуло робко и чутко.

Точно так же впервые стучит младенец под сердцем матерей. И девушки знают, что первый стук в сердце — первый шаг любви…

— Николай Васильевич, здравствуйте, — сказала тихо Поликсена на пороге кофейни, и дрогнули ее ресницы, открыв синий свет глаз.

Гоголь метнулся, лицо побледнело. В скорченных пальцах он держал мокрый каблук.

— У меня каблук, — забормотал он растерянно. — Вот каблук…

Поликсена, бедная дворянка, взглянула, закусила было губу, но не сдержала смеха полного, свежего…

— Пустите, пустите меня! — в ужасе крикнул Гоголь и боком, взмахнув черным крылом шинели, проскочил в стеклянную дверь…

И от этой встречи, может быть, от потерянного каблука в день генеральских похорон, — вся жизнь великого человека двинулась на другой путь — через два дня Гоголь подал прошение об отставке, выбыл в Москву. Он осунулся, помрачнел, стал нелюдимым… И тогда же написал петербургскую свою повесть «Нос».

Если вы спросите, откуда я все это знаю и так ли это было, как я написал, я вам отвечу.

Так ли это было, не знаю, но встреча Гоголя с Поликсеной в дверях кофейни Шуазье случилась, действительно, и слова «У меня — каблук» — подлинные слова великого человека.

Поликсена, бедная дворянка, приходилась моему деду свояченицей. А дед знал все. Бог не дал бедной Поликсене счастья в мирской юдоли, и смолоду она ушла в монастырь.

Первая любовь к робкому малороссиянину с карими глазами — была первой и последней любовью дедовой свояченицы игуменьи Антонины. Великий человек, одинокий гений России, так и не узнал, что вся его мученическая жизнь была согрета незримой любовью до последнего воздыхания…

Я помню высокочтимую матушку Антонину. Мальчиком, болтая ногами на высоком стуле, я пил с дедом чай в ее светлой келье.

Полуслепая, помню, она всегда просила меня «почитать что-нибудь из Николая Васильевича Гоголя». И плакала тихо.

— Бабушка, — говорил я с досадой, — тут смешно, а вы плачете.

— Нет, нет… Я — смеюсь… Так, соринка попала… Ты читай, Ванюша, читай…

Дурной арапчонок

Туча стояла над Москвою.

Точно всеми четырьмя лапами раскинулась по небу громадная шкура медведя над самым Кремлем.

С вечера яблони побил крупный дождь. Перешел к ночи. Москва темная, пустынная, спящая, свинцово поблескивая шарами куполов, дышала влажной свежестью, чистотой дождя, сырым березняком…

Проблистав зеленым заревом в стеклах, пронеслась бесшумная молния — озарило чугунные фонари, заборы, колоннады, сухой пальбой раскатился гром.

Будошник, запахнув полы овчинного тулупа, залез в будку свою, и, когда снова зеленоватым зиянием выблеснули стекла, только алебарда его, сверкая, торчала из будки.

Молнии выхватывали тени труб, сквозные пролеты колоколен.

По заставам, у Камер-Коллежского вала, вокруг Москвы, толкались, разбегались чугунными кеглями громовые откаты.

Гремела сухая гроза без дождя. От сухих молний высох воздух, ночь стала душнее.

Громада спруженных куполов, чудовищные тени дворцов и строений, — словно вымерла темная Москва, отданная на потоки молний, на бег сухого грохота…

В проходе Богоявления, в приземистом доме о шести колоннах, что на Немецкой улице у Покровки, противу самого Немецкого рынка, порхает в темных окнах огонь.

В зальце шарахают отблески молний в круглое зеркало.

Босая, простоволосая девка с ошалелыми глазами, коса закорюкой, в холщовой исподнице, мягко топочет на антресоли с тазом и полотенцами. У образов, в столовой, сухонькая старушка, стоя на креслах, теплит тонкую свечу, неверно тычется старушечья горсть.

Окна дымно голубеют, дымно гаснут.

— Гаша, Гаша…

Простоволосая девка присела.

— Нянюшка?

— Образа?

— В спальню барыне понесла, дохтур не приказал… Тамо, нянюшка, в уголку, на припечке, уставила, по-над стенью…

— Комоды помоги отпирать, чтобы двери отворены…

— Да отворены все…

Ударил гром, точно близко в саду лопнуло пушечное ядро, дрогнули стекла.

Гаша с нянюшкой пали на корточки у комода. Прыгает жидкая косица, мышиный Гашин хвостик.

— Никола Чудотворец, Спасы-угодники, спаси-помилуй, — няня трясущейся рукой тянет неподатливый ящик.

Ящики скрипят, обдают домашним духом пересыпанных мехов, скатанных скатертей, мятными приправами, настоями, вишневками, яблоками, сушенными запрошлый год…

— Ахти, барыня завуяла.

Девка стрелой метнулась на антресоли. Нянюшка крестится.

— Куды барин сокрылся? Туточки в креслах сидел, а и нет… Куды побег?.. Сереженька… Батюшка… Сергей Львович.

В круглой зальце, у зеркала, няню выхватила молния из тьмы: морщинистая, бледная, в белой пелеринке, сухонькие пальцы согнуты на груди для креста…

Гаша пронеслась вниз стремглав.

— Нянюшка, дохтур, — передохнула, — дохтур младеньчика вынес… Мокрехонький.

— Слава те, слава те… Барин наш — куды… Батюшка, Сергей Львович…

А барин Сергей Львович стоит на дворе, на ступеньках крылец, без шляпы.

Пошумел внезапный ветер в сиренях, закачало тени деревь на бульварах — редкие капли застучали по заборам, по крышам — шумнее, шумнее… Точно отсырев, замигала молния, гром приглох, откатился, задребезжал далеко в дружном шуме вод.

Сбито кружевное жабо Сергея Львовича, расстегнут серый фрак.

По лысому лбу, по носу постукивают холодные капли. Не понимая, он слизывает их с губ.

— Батюшка, да куда убегли, ножки промочите, дождь полетел…

— Дождь? Точно… — озирается. — Надежда Осиповна, Надя… Кричит?

— А и нет вот, ни столички. Вовсе справная… Родила.

— Родила? — слизнул каплю с носа, ступил к дверям и вдруг, закрыв руками лицо, всхлипнул шумно.

Няня, легонько подталкивая в спину, ведет барина с крылец в горницы.

— Без шапки убег… Почивать ступай. Без шапки, пострел…

Стеклянная дверь зазвенела. Дождь смутным прохладным шумом ворвался в сенцы.

Будошник, тот самый, что спрятался в будку от сухих молний, теперь высунул голову и, сдвинув на затылок треух, подставил воде и ветру морщинистое лицо.

Ночь посерела, стала водянистой, мутной. Шумели дружные воды о мостовую, как мокрые шажки бесчисленных прохожих… А наутро Москва, умытая, светлая, играла на солнце, в тумане теплых рос, громадой влажных самоцветов дымно вспыхивала вишневыми, зелеными огнями.

Полыми шарами плавает к ранней звон. Над самым Кремлем, в зеленоватом нежном небе, дремлют белые стайки утренних облаков.

У гауптвахты, мимо полосатых столов, гремя барабанами, прошагали солдаты. Высоко подымают все ногу, у всех белые гамаши до колен. Сияют белые ремни на синих кафтанах, лица красные, как из бани, букли белые. Широко плещут солнцем медные гренадерки. Пронесли солдаты медный блеск орлов, гул барабанов…

Чиркая мокрыми колесами, кренясь во грязи, проплыла коричневая карета у Иверской. Гайдук верхом на пристяжной, треуголка поперек лба, машет бичом, а долгие ноги, как жерди, волочатся с коня, и жижей обрызганы чулки. В зеркальных стеклах кареты дрожь солнца, березняка, отражения голубых луж, бородатых мужиков, красных платков, гречевиков.

Над сияющими лужами дымит розовый пар.

От Иверской доплыла карета на Немецкую улицу. Барин в коричневом фраке, полный и круглый, проворно выпрыгнул на мокрые мостки.

Зальца залита солнцем. Дрожит свет на хрусталиках люстры, сечет косыми дорогами светлый воздух до красных спинок диванов.

Девка Гаша взвизгнула, шарахнулась дико.

— Василий Львович приехали…

Коричневый барин замахнулся на нее треуголкой.

— Что с девкой сталося?

Няня в белой пелеринке, светлая, чинная, приняла треуголку из барских рук:

— Батюшка, Василий Львович, да когда радость в доме: Бог мальчика дал.

— Махонький вовсе младеньчик. — Гашина косица трясется, показывает девка на пальцах младенца, не больше вершка. — И мокрехонькой…

Вошел в зало Сергей Львович, бледный, помятое лицо, рыжеватый клок на лбу спутан.

— Поздравляю, поздравляю, — улыбнулся коричневый барин. — Сказывал, будет благополучна.

Звучно поцеловались, жмурятся оба от солнца.

— Ах, намучился… Ночь без сна.

— Я тоже не спал: сочинительствовал… Надя благополучна, дозволено к ней?

— Прошу…

Братья идут мимо окон, пор руку.

— Славный день, веселый день, — говорит круглый коричневый барин. Подмигивает у него глаз. — По ночи сочинял, а утром ведомости пришли… Старик-то наш, Суворов… Ровно ветром сдунул с Италии мерзостный якубицкий колпак… Смотри, милый друг, вчерашние ведомости пишут: российскими войсками Милан взят… Да где оне у меня?

Порылся в заднем кармане, на спине наморщился коричневый фрак.

— Фельдмаршал пишет в реляции своей: при вступлении моем в столицу Пьемонта я с радостью зрел общий восторг жителей, освободившихся от бремени тяготевшего над ними притеснения. Ныне спокойствие, согласие и порядок в целом Пьемонте…

— Да, слава Богу, победа. — Сергей Львович быстро, косенько перекрестился. — А какое имя мальчишке-то дать?

— Я тебе про Италию, ты мне про святцы… Александром его назови, во славу побед российских…

В спальне, в полусвете опущенных штор, сквозит солнце, зеленый туман берез. В шелковом белом чепце лежит на высоких перинах барыня Надежда Осиповна. Смуглые щеки горят румянцем. Без сил пали по одеялу желтоватые руки.

— Устала, мой ангел?.. Брат поздравить пришел.

Надежда Осиповна повела бровью, пожевала горячими губами, улыбнулась едва.

— Благодарствую… Мне бы его посмотреть… Мальчика принесите, не видела еще.

На желтой подушке, в кружевах, несла его в барскую спальню нянюшка.

А за нянюшкой шла Гаша, за Гашей — Дарья и кучер Антон в плисовом камзоле, и дворецкий Кир, старец белоголовый и ветхий, в гродетуровом кафтане покроя старинного, и казачок Петька, и повар Андрон, тучный и грустный, во французском жилете, да еще девка Фенька, да кволая Нюша, да две старушки, Бог их имена веси, что с подворья, — барские дворовые московского дома.

Шли они по залу по самой солнечной дорожке, чинные, благолепные, и жмурились все от солнца. Петька подсмаргивал носом, покуда ветхий Кир не дал казачку щелчка. Петька от внезапности открыл рот, да так с открытым ртом и остался… Нянюшка вошла в спальню, а все другие, точно их качнуло волной, кинули руки до полу в низком поклоне, загудели недружно:

— На сыночке твоем поздравствование прими.

— Подите, подите, — едва подняла желтоватую кисть Надежда Осиповна.

— Мальчик мой где?

Нянюшка, поджав запалые губы, поднесла к постели желтую подушку. Там шевелилось, выказывало ручки и ножки нечто темное, сморщенное.

Надежду Осиповну приподняли под локотки. Корчится на желтом шелке маленькое смугло-темное тельце, темная коричневая головка, старческая гримаска — нос приплюснут, волос тусклый, курчавый, с рыжиной, как войлок, щелинки глаз…— Арапчонок! — вскрикнула Надежда Осиповна. — Фу, какой дурной арапчонок, — и отвернулась к стене, закусила губу, заплакала.

— Арапчонка родила… На всю Москву стыд.. Д-у-у-рной.

Сергей Львович, накручивая на палец рыжеватый кок, растерянно улыбался. Василий Львович утешал.

— У тебя первая материнская блажь… Изнемогла… Имажинируешь… Обожди, красавцем покажется… А хотя бы и прямой арапчонок. Стало быть, в деда пошел, в Аннибала.

В детском покое, где лепечет у окон березняк, за тафтяным сквозящим пологом, шевелится нечто. И ворчит старая барская нянюшка:

— Арапчонок… Кровинку свою да оскаредить этаким словом… Не арапчонок он, а дворянский сын Пушкин… Видано ли, чтобы у бар арапчата рождались.

И, чуть пошевелится за пологом, толкнет нянюшка зыбку тощей рукой и тоненько запоет:

Жил-был кот воркун.
Жил без лиха котом…

В Москве, 26 мая 1799 года, родился Пушкин — в ночь на весеннюю грозу. А от купели нарекли его Александром — во славу лавров российских. ❑

Публикация **Станислава НИКОНЕНКО.**

Светлана
БЕСТУЖЕВА-
ЛАДА

Святая из Пскова

— Благослови, матушка, в поход...

Широкоплечий, могучий воин, сняв шлем, преклонил колени перед ее ложем.

Княгиня устало опустила веки.

— Видишь — я больна... Куда хочешь уйти от меня? Когда похороните ь, отправляйся куда захочешь, благословляю тебя на подвиги ратные...

Князь Святослав не мог не исполнить последнюю волю умирающей. А она лежала в своей светлице, слушала звонкие голоса внуков, игравших во дворе, и вспоминала... Всю свою жизнь вспоминала, с того самого дня, как плыла на лодке по реке Великой и встретила на берегу своего суженого. Молодой князь Игорь охотился в тех местах и отбился от своей свиты...

— Кто ты? — ошеломленно спросил Игорь, глядя на «лодочника».

Еще не отошедший после многочасовой гонки за оленем, он сначала обрадовался тому, что так внезапно появилась на реке эта лодка, и теперь можно было переправиться на другой берег и продолжить охоту. Но потом глянул на того, кто держал весла, — и все забыл. Перед ним была девушка удивительной, неповторимой красоты. Светлоглазая, светловолосая, стройная — истинная богиня Лада.

— Кто ты? — повторил свой вопрос Игорь. — Как звать тебя?

— Зачем тебе имя мое? — Голос был негромкий, но звучный, точно журчание речных струй.

— Люба ты мне, — выдохнул Игорь. — Будешь моею! Вот только к берегу пристанем...

— К лицу ли тебе, князь, девицу силой к грезу склонять? Ведь мне после этого не жить...

Она произнесла это так просто, без малейшего страха или даже робости, что Игорь враз опамятовался.

— Тогда сватов пришлю. Скажи только, кто ты.

— Люди Ольгой зовут.

— А родичи твои кто?

— Изборские князья, — усмехнулась девушка.

Потрясенный Игорь так и не вымолвил больше ни слова, пока лодка не пристала к берегу.

— Ну, прощай, князь, — сказала Ольга, вновь берясь за весла. — Доброй тебе охоты.

Через месяц к родичам Ольги пожаловали сваты от самого князя киевского. Игорь сдержал слово: он не

мог забыть бесстрашную красавицу, «дивную в девицах и разумом светлую» Ольгу. Вскоре сыграли свадьбу, и юная псковитянка стала великой княгиней киевской.

Молодые зажили в любви и согласии, только вот детей у них долго не было. Ольга втихомолку и к ворожеям обращалась, и волхвов просила за нее перед богами заступиться — ничего не помогало. Время шло, а когда княгиня совсем уже потеряла надежду, появился в Киеве странный человек в черных одеждах. Назвался

Глянул Игорь на того, кто держал весла, — и все забыл. Перед ним была девушка удивительной, неповторимой красоты. Светлоглазая, светловолосая, стройная — истинная богиня Лада

Григорием, смиренным иноком. Говорил слова чудные о едином Боге, пострадавшем за грехи людские, и о том, что уверовавшие в него, обретут вечную жизнь и блаженство.

Ольга слушала — и не знала: верить тому или не верить. Но тем, кто поверил иноку и отринул прежних богов, приняв крещение, дозволила иметь в Киеве свой храм, и никаких притеснений им не чинили. А через какое-то время после возведения храма поняла, что зачревателa, наконец. Через двадцать с лишним лет после свадьбы! В такие-то годы внуков нянчат...

Она не сказала мужу: боялась сглазить нечаянную радость. Да и Игорь готовился к новому военному походу — на греков. Вернулся со славой и богатой добычей, а дома его ждала любимая жена и... новорожденный сын, которого отец нарек Святославом. Только шептались в Киеве, что слишком уж младенец похож не на князя-отца, а на ближнего боярина Игоря, воеводу Свенельда. Шептаться-то шептались, только свечку никто не держал. Игорь решил пресечь зловредные слухи и назначил Свенельда наместником в углических землях. С тех пор воевода бывал в Киеве только изредка.

Мирно протекли три года. Сын подрастал, Ольга успокоилась, только самые ближние ее боярыни видели иногда, как смотрит княгиня в окошко, словно поджидает кого-то, слышали, как вздыхает иногда ночью, ворочаясь без сна на пышной постели. Но на людях она всегда была приветлива, величава, ровна со всеми и мужу покорна.

Князь Игорь дома бывал наездами: то за данью отъедет, то в поход уйдет. Как-то отправился он за очередной данью к древлянам. Но уже на обратном пути его дружина начала роптать: мало-де взяли на сей раз, дружины других воевод в богатых доспехах щеголяют, кладовые у них от запасов ломятся, а княжьи воины — точно нищие среди них. На беду свою, Игорь послушал дружинников: большую часть с уже взятой добычей отправил в Киев, а с меньшей частью вернулся в Искоростень, чтобы потребовать у древлян еще дани. Те же рассудили по-своему:

— Повадился волк в овчарню, так и будет ходить, пока всех овец до единой не перережет. Так и этот: если не изведем его, сами погибнем.

Игоря и горстку его дружинников убили ночью в лесу, там же закопали и их тела. Только одного оставили в живых, чтобы сообщил киевлянам страшную новость. А сами стали думать, как избежать мести за содеянное, ибо понимали, что не простит Киев убийства своего князя, а со всей киевской дружиной воевать — это не десяток воинов во сне зарезать. Одна надежда была: Святослав, наследник и теперь князь Киевский еще мал, четырех годочков не исполнилось, а мать его, княгиня Ольга — всего лишь женщина, хоть и слывет мудрейшей государыней.

Древляне думали, как избежать мести за убийство Игоря, а Ольга оплакивала погибшего мужа. Без слез оплакивала, чувствуя, как печаль вытесняется из ее сердца жгучей, непереносимой ненавистью. Игоря убили — и зарыли в лесу, как разбойника, как тать, словно падаль какую. И прежде всего она должна отомстить убийцам: старинный обычай требовал крови за кровь. И Ольга отомстила...

— Княгиня-матушка, ладья пристала! Под самым Боричевым подъемом!

Ближняя боярыня запыхалась, поднимаясь по крутой лестнице в светлицу к княгине, в глазах у нее застыл ужас, смешанный с изумлением.

— Мало ли лодий пристает... — недоуменно приподняла брови Ольга.

— Так ведь древляне приплыли...

— Кто-о-о?!

Не веря ушам своим, Ольга оглянулась на сидевшего в светлице Асмуда, пестуна юного князя Святослава, и Свенельда, который после гибели Игоря вернулся в Киев и стал правой рукой княгини. Но и на их лицах было лишь непомерное изумление: такой наглости от убийц Игоря никто не ожидал.

— Прикажи, государыня, они и трех шагов по земле не пройдут, — опомнился, наконец, Асмуд.

— Сначала в темницу посадим, — хмуро подал голос Свенельд, — а там уж...

Но Ольга уже взяла себя в руки, и на ее лице даже появилось некое подобие улыбки.

— Не нужно, — спокойно сказала она. — Дорогим гостям всегда рада, даже если незваными являются. Пусть приходят ко мне на двор. Наверное, не просто так приехали, может быть, расскажут что-нибудь диковинное.

Древлянским послам позволили проехать по киевским улицам, а в главном покое терема их поджидала прекрасная, величавая женщина, сидевшая на резном деревянном кресле искусной работы. Даже вдовьи одежды не могли затмить прославленной красоты княгини Ольги.

— С чем пожаловали? — приветствовала она онемевших послов.

— Приехали сватать тебя, госпожа, — промолвил, наконец, старший из послов. — Мужа твоего не вернешь, а нашему князю Малу такая супруга, как ты, под стать будет.

Мгновенно сверкнувшую молнию ярости в глазах княгини послы не заметили, так быстро опустила она глаза свои.

— Мужа твоего мы убили, — продолжал осмелевший посол, полагавший, что княгиня ошеломлена неожиданной честью, — ибо муж твой, будто волк, расхищал и грабил. А наш

Игорь готовился к новому военному походу — на греков. Вернулся он со славой и богатой добычей, а дома его ждала любимая жена и... новорожденный сын, которого отец нарек Святославом

князь — хороший, пойди замуж за князя нашего, за Мала.

— Любезна мне речь ваша, — произнесла, наконец, княгиня. — И то правда, что мужа мне не воскресить, так не век же вдовою безутешной слезы проливать... Только вы меня почтили, и я вам честь оказать хочу, чтобы видели все мои люди, как я отношусь к древлянам и к их лучшим людям. Завтра утром пришлю за вами особых посланцев, станут они звать вас ко мне на пир, а вы не идите, упирайтесь, говорите так: «Не поедем на конях, и пеши не пойдем, понесите нас в ладье нашей на княгинин двор». Вас и принесут, а сейчас идите...

Древляне вернулись на ладью — ждать завтрашнего утра. Ольга долго смотрела им вслед, а потом обратилась к советникам своим:

— Велите копать на теремном дворе яму. Да поглубже. И чтобы никто об этом не знал, кроме нас с вами.

Игоря и горстку его дружинников убили ночью в лесу, там же закопали и их тела. Только одного оставили в живых, чтобы сообщил киевлянам страшную новость

— Что ты задумала, матушка? — изумился Асмуд, который не отличался стремительностью и изворотливостью ума. — То древлян в ладье на двор нести, то яму там копать...

Лицо же Свенельда вдруг просветлело, и он хитро ухмыльнулся в усы:

— Для того, боярин, и яму копать станем, чтобы сватов особо почтить.

Всю ночь рыли на теремном дворе огромную яму, а наутро Ольгины посланцы с нижайшими поклонами явились на берег, к ладье древлян:

— Зовет вас княгиня к себе для чести великой.

Древлянские послы, раздувшись от гордости и спеси, ответили, как им велела Ольга:

— Не едем ни на конях, ни на возах, ни пеши не идем! Несите нас в ладье к будущей жене князя нашего Мала!

И «поплыли» они навстречу своей судьбе, не поняв даже, что несут их не к парадному крыльцу терема, а куда-то в сторону. Опомниться не успели, как полетели вместе с ладьей в глубочайшую яму, переломав себе при падении все, что можно.

Тут на краю ямы появилась Ольга во вдовьем платье и, чуть склонившись, спросила:

— Довольны ли вы честью?

— Ох, — донесся стон из ямы, — пуще нам Игоревой смерти.

— Закапывайте, — велела княгиня и сама бросила вниз первую горсть земли.

Так и зарыли неудачливых сватов живьем.

— Довольна ли ты, матушка? — хмуро осведомился Асмуд, которому поединок с врагом в чистом поле был куда больше по душе, чем такая изощренная месть.

— Нет, — отрезала княгиня. — Это только начало. А теперь посылайте гонцов в Искоростень, к князю Малу. Пусть сообщат ему, что киевский народ мало чести увидел для своей княгини в столь малом посольстве сватов. Пусть присылают самых именитых, самых богатых, самых отважных — лучших. Тогда и сватовство заладится.

И снова красная горница в княжеском тереме. И снова улыбчивая и приветливая Ольга предлагает дорогим гостям... обмыться в бане, дабы чистыми явиться на великий пир. Сваты согласились, начисто забыв о том, что у всех народов издревле существовал обычай обмываться перед решающей битвой и, если придется, чистому встретить смерть…

В бане их и заперли надежно, а потом подожгли с четырех углов. Заживо сгорели новоявленные сваты, цвет земли Древлянской, славный погребальный костер получился в память князя Игоря. Только... и этого Ольге было мало. Уже ни с кем не советуясь, отправила она гонца к самому князю Малу, чтобы возвестить ему:

— Вот иду сама к тебе, дабы стать твоей супругой. Но повели справить у стен города погребальную тризну по мужу моему покойному. Пусть это будет знаком примирения между нами.

И не обманула: выехала вслед за гонцом с небольшой дружиной в Искоростень. Возглавлял дружину Свенельд, который и ответил древлянам на вопрос, где же два посольства сватов?

— А следом идут, — спокойно молвил он. — Вместе с Игоревой дружиной.

Древлянцам бы сообразить, что дружина Игоря давно ими же и перебита, но нет, не поняли. Явились на поминальную тризну неподалеку от Искоростеня. Только князь Мал не вышел: решил, что много чести будет оплакивать убитого врага.

Над могилой Игоря под стенами Искоростеня Ольга повелела насыпать высокий бугор — доныне видимый, как уверяют, близ сего места — оросила его слезами и... началось веселое пиршество. Меды древляне наварили отменно-крепкие, а дружинники княгини лишь подливали его в чарки хозяев. Наконец, Ольга подала Свенельду знак, ей привели коня, и она с малой частью отряда отъехала прочь от города. Оставшиеся же воины выхватили мечи и истребили всех пришедших на тризну древлян — едва ли не пять тысяч человек полегло на месте.

Но и этого княгине было мало, чтобы утолить жажду мести. Вернувшись в Киев, она собрала многочисленное войско и вновь выступила походом на Искоростень против жестоко наказанных, но еще не покоренных древлян. Только тут понял князь Мал всю опасность положения. Но, помня, как легко одержал верх над князем Игорем и его дружиной, вывел свое войско против киевлян. И тут окончательно успокоился, даже развеселился: во главе киевской дружины находился... четырехлетний князь Святослав. Он сидел на коне в полном воинском облачении с крохотным копьем в руках.

Когда же Святослав метнул это копье, и оно вонзилось в землю у самых ног его коня, хохотало уже все древлянское войско. Тут поднялся на стременах Свенельд и гаркнул:

— Князь уже начал, последуем, дружина, за князем!

Не прошло и часа, как большая часть древлян оказалась либо убитой, либо тяжело раненой, а оставшиеся спаслись бегством в Искоростень и укрылись за его высокими стенами.

Все лето киевская дружина осаждала Искоростень. Наконец, Ольга послала к осажденным гонца с грамотой, в которой говорилось:

«Все города и поселения ваши уже покорились Киеву и платят ему дань исправно. Одни вы упорствуете, хотя припасы ваши заканчиваются и силы на исходе. Сдавайтесь, заплатите мне малую дань, и я уйду с миром».

Древляне и рады были бы поверить в такую удачу, только дань им платить уже было нечем. Но киевская княгиня, столь жестокая в своей мести, оказалась вдруг очень милосердной:

— Дайте мне с каждого двора по три голубя и по три воробья. Я не желаю возлагать на вас тяжкой дани, как муж мой, потому и прошу мало. Дайте мне мало — и я уйду.

Только изощренный ум мог бы понять: княгиня требует только... князя Мала, больше ей от древлян уже ничего не нужно. Но такого умника среди осажденных не нашлось. Они собрали требуемое Ольгой и послали ей с поклоном. Она ответила:

— Вот и покорились вы мне, и дань принесли. Ступайте же в свой город, а я завтра вернусь в Киев.

Древляне с радостью исполнили ее требование и, возвратясь в город, ждали с нетерпением, чтобы киевское войско удалилось. Но с наступлением темноты город запылал, охваченный огнем, который загорался, казалось, повсюду. Это Ольга повелела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам и пустить их на волю: они возвратились с огнем в

Ольга оплакивала погибшего мужа. Оплакивала без слез, чувствуя, как печаль вытесняется из ее сердца жгучей, непереносимой ненавистью

гнезда свои и произвели общий пожар в городе.

Те жители, которые хотели спастись бегством из горящего города, попали в плен, а княгиня, приговорив некоторых старейшин к смерти, велела продать остальных в рабство, а немногих оставшихся в городе обложила новой тяжкою данью. Только тогда княгиня, наконец, пресытилась местью.

Несмотря на страшное начало своего владычества над древлянами, впоследствии Ольга прославилась среди них благодеяниями мудрого правления

Вернувшись в Киев, Ольга собрала многочисленное войско и вновь выступила походом на Искоростень против жестоко наказанных, но еще непокоренных древлян

Несмотря на страшное начало своего владычества над древлянами, Ольга впоследствии прославилась среди них благодеяниями мудрого правления. По крайней мере, все ее ночлеги и места, где она, следуя тогдашним обычаям, забавлялась ловлею зверей, долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства.

Князь Святослав рос и мужал. Когда же пришла пора подыскивать ему невесту, Ольга выбрала княжну из далекого западного племени угров (нынешняя территория Венгрии), а сама удалилась из Киева в Вышегород, находившийся в семи верстах от стольного града. Что, впрочем, не мешало ей активно вмешиваться как в государственные дела, так и в личную жизнь своего сына.

Летопись так повествует о тех временах:

«И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов. И была она для последних страшна. Своими же людьми любима как правительница милостивая и благочестивая, как судия праведный и никого не обидящий, налагающий наказание с милосердием, и награждающий добрых; она внушала всем злым страх, воздавая каждому соразмерно достоинству его поступков, во всех делах управления она обнаруживала дальновидность и мудрость. При этом Ольга, милосердная по душе, была щедродательна нищим, убогим и малоимущим; до ее сердца скоро доходили справедливые просьбы, и она быстро их исполняла ... Со всем этим Ольга соединяла воздержанную и целомудренную жизнь, она не хотела выходить вторично замуж, но пребывала в чистом вдовстве, соблюдая сыну своему до дней возраста его княжескую власть».

С некоторых пор Ольга действительно пребывала в «чистом вдовстве»: любимый Свенельд утонул, переправляясь через реку во время одной из поездок по княжеству. Ольга оплакивала его тайно, а к себе все чаще призывала того самого инока Григория, которому в свое время дозволила построить первый в Киеве православный храм. И размышляла о чем-то — часами, сутками, иной раз до зари просиживая над непонятными, толстыми фолиантами...

Угрская княжна, христианка Мария, родила Святославу двух сыновей — Ярополка и Олега. Святослав не позволил крестить своих сыновей, хотя Ольга уже колебалась. Ходили слухи, что она и сама тайно приняла христианство. Пока только слухи. Княгиня жила тихо, пестовала внуков, ладила со снохой и... почти не видела сына: окончательно возмужав, Святослав все больше времени проводил в военных походах, бывая в Киеве лишь наездами. Так что, бразды правления все равно оставались фактически в руках его матери: молодая княгиня в государственных делах ничего не смыслила, да и крепким здоровьем не отличалась.

Была у Ольги еще одна забота: до заключения законного брака Святослав взял в наложницы рабыню-ключницу Малушу, девицу редкой красоты. Малуша и родила первого внука Ольге — Владимира. Печальная ирония судьбы заключалась в том, что Малуша была дочерью того самого древлянского князя Мала, который безуспешно сватался к Ольге. Жениться на Малуше Святослав не мог, но впоследствии сделал своего внебрачного сына новгородским князем. А еще позже Владимир стал киевским князем, а затем — тем самым человеком, который крестил Русь. И пока Ольга была жива, оставался ее любимым внуком, которого следовало защищать и от сводных братьев — законных наследников Киевского стола, и от бояр, презиравших «сына робичи», то есть дитя рабыни. За детские обиды Владимир потом расквитался с боярами. Но это — совсем другая история.

Ольга и император Византии

Ольга старела, хотя старела красиво. И к пятидесяти с лишним годам поняла: нужно ехать за истинной верой к ее первоисточникам — в Константинополь (по-русски Царьград).

Сделав свой выбор и поручив на время Киев сыну, она отправилась с большим флотом в Константинополь.

С большой пышностью прибыла туда Ольга, и была с великим почетом принята императором, двором и патриархом, который и крестил русскую княгиню, сопроводив это таинство пророческими словами:

«Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Прославлять тебя будут сыны русские до последнего рода!»

При крещении русская княгиня удостоилась имени святой равноапостольной Елены. Подобно своей небесной покровительнице, Ольга стала равноапостольной проповедницей христианства на необъятных просторах земли Русской.

В Киев Ольга вернулась с иконами, богослужебными книгами — началось ее апостольское служение. Она воздвигла храм во имя святителя Николая над могилой Аскольда — первого Киевского князя-христианина и многих киевлян обратила ко Христу. С проповедью веры отправилась княгиня на север. В Киевских и Псковских землях, в отдаленных весях, на перекрестках дорог воздвигала кресты, уничтожая языческих идолов.

Ольга старела, но старела красиво. А к пятидесяти годам она поняла: нужно ехать за истинной верой к ее первоисточникам — в Константинополь

Святая Ольга положила начало особенного почитания на Руси Пресвятой Троицы. Из века в век передавалось повествование о видении, бывшем ей около реки Великой, неподалеку от родного села. Она увидела, что с востока сходят с неба «три пресветлых луча». Обращаясь к своим спутникам, бывшим свидетелями видения, Ольга сказала пророчески:

— Да будет вам ведомо, что изволением Божиим на этом месте будет церковь во имя Пресвятой и Животворящей Троицы и будет здесь великий и славный град, изобилующий всем.

На этом месте Ольга воздвигла крест и основала храм во имя Святой Троицы. Он стал главным собором Пскова — славного града русского, именовавшегося с тех пор «Домом Святой Троицы».

Апостольские труды княгини встречали тайное и открытое сопротивление язычников. Среди бояр и дружинников в Киеве нашлось немало людей, которые, по словам летописцев, «возненавидели Премудрость»,

При крещении русская княгиня удостоилась имени святой Елены и стала равноапостольной проповедницей христианства на необъятных просторах земли русской

как и святую Ольгу, строившую храмы. Ревнители языческой старины все смелее поднимали голову, с надеждой взирая на подрастающего Святослава, решительно отклонившего уговоры матери принять христианство.

Прошло время, и Святослав окончательно переселился в Переяславец на Дунае. Пребывая в Киеве, Ольга учила своих внуков христианской вере, но не решалась крестить их, опасаясь гнева сына. Кроме того, он препятствовал ее попыткам утверждения христианства на Руси.

В 968 г. Киев осадили печенеги. Святая княгиня с внуками, среди которых был и князь Владимир, оказались в смертельной опасности. Супруга Святослава к тому времени уже скончалась. Когда весть об осаде достигла Святослава, он поспешил на помощь, и печенеги были обращены в бегство.

Но едва лишь опасность миновала, Святослав снова собрался в очередной поход. Ольга, будучи уже тяжело больной, просила сына не уезжать до ее кончины и на смертном одре не прекращала проповеди:

— Зачем оставляешь меня, сын мой, и куда ты идешь? Ища чужого, кому поручаешь свое? Ведь дети твои еще малы, а я уже стара, да и больна, — я ожидаю скорой кончины — отшествия к возлюбленному Христу, в которого я верую; я теперь ни о чем не беспокоюсь, как только о тебе: сожалею о том, что, хотя я и много учила и убеждала оставить идольское нечестие, уверовать в истинного Бога, познанного мною, а ты пренебрегаешь этим, и знаю я, что за твое непослушание ко мне тебя ждет на земле худой конец, и по смерти — вечная мука, уготованная язычникам.

— Мечта любого воина — умереть в бою, матушка. Благослови же в поход.

Ольга тяжело вздохнула и положила руку на грудь.

— Сын мой, заклинаю тебя! Исполни хоть эту мою последнюю просьбу: не уходи никуда, пока я не преставлюсь и не буду погребена; тогда иди, куда хочешь. По моей кончине не делай ничего, что требует в таких случаях языческий обычай; но пусть меня погребут по обычаю христианскому. Не сжигайте тело мое, не смейте насыпать надо мною могильного холма и делать тризны.

— Но, матушка...

— ... пошли в Царьград золото к святейшему патриарху, чтобы он совершил молитву и приношение Богу за мою душу и раздал нищим милостыню.

На глазах Святослава едва ли не впервые в жизни появились слезы. Жену хоронил — не плакал, сколько соратников проводил в последний путь — только губы закусывал, да злее в битвах становился. А тут... И Ольга это почувствовала.

— Если бы ты принял истинную веру... — прошептала она.

Слезы мигом высохли на глазах Святослава, и он выпрямился во весь рост:

— Не проси о невозможном, матушка.

— Сердцем чую, быть беде... Берегись не врагов, а тех, кто друзьями прикидывается. Поклянись мне всякую зиму проводить в Киеве...

— Перуном клянусь, матушка!

Святослав не сдержал своей клятвы. И немудрено: прежде всего он был воином. Вот и сбылось пророчество Ольги. Из своего последнего похода князь вместе с дружиной отправился на Русь по рекам в ладьях. Один из воевод предупредил его:

— Обойди, князь, Днепровские пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги.

Но князь не послушал его. А византийцы известили печенегов:

«Пойдут мимо вас русы, Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа».

И когда Святослав подошел к порогам, оказалось, что пройти невозможно. Тогда русский князь решил переждать и остался зимовать. Тут и напал на него вероломно печенежский князь Курей, убил и князя, и большую часть его дружины. Из черепа Святослава печенеги сделали окованную серебром чашу и пили из него на пирах.

Случилось это в 972 году, спустя три года после кончины княгини. А она почувствовала приближение смертного часа за много дней до того, как он наступил. Впала в крайнее изнеможение, причастилась, непрестанно молилась о просвещении по ее смерти земли Русской.

— Вижу, — шептала она иногда, — просветит Бог людей земли Русской, и многие из них будут великие святые...

И это ее пророчество исполнилось. Святая равноапостольная Ольга стала духовной матерью русского народа, через нее началось его просвещение светом Христовой веры. Христианское имя святой Ольги — Елена (в переводе с древнегреческого «Факел»), стало выражением горения ее духа. Святая Ольга (Елена) приняла духовный огонь, который не угас во всей тысячелетней истории Христианской России.

После смерти матери князь Святослав разделил Русскую землю между своими сыновьями: Ярополка посадил княжить в Киеве, Олега послал в Древлянскую землю, а Владимира — в Новгород. Сам же поспешил в свои владения на Дунае.

Так закончилась жизнь одной из удивительнейших дочерей народа русского, первой настоящей Правительницы, первой истиной христианки, которая родилась язычницей, была жрицей языческого культа, вышла замуж за язычника и жила в языческом окружении. От свирепой воительницы — мстительницы за убитого супруга, она прошла долгий и трудный путь к смирению и долготерпению, разожгла огонек, вспыхнувший ярким светом при ее старшем и любимом внуке Владимире. ❑

От свирепой воительницы Ольга прошла долгий и трудный путь к смирению и долготерпению, разожгла огонек, ярким светом вспыхнувший при ее старшем и любимом внуке Владимире

Иллюстрация Ивана КАМЕНЩИКА

Владимир БОЧАРОВ

РОКОВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Город медленно погружался в сумерки. Стараясь не поскользнуться на покрытом льдом и слегка припорошенном мелким снегом тротуаре, Александр не спеша подошел к сияющей витрине магазина. Свет уличного фонаря тут же высветил черные погоны прапорщика и алый бант, смешно топорщившийся на шинели.

— Ничего себе, март, настоящая зима, — подумал он, зябко поежившись.

Мартовский мороз расписал узорами большое стекло витрины, скрывая за причудливым рисунком таинственный внутренний мирок магазина.

Сняв очки и подойдя к витрине почти вплотную, Александр дыхнул несколько раз на стекло, стараясь растопить витиеватую канву снежного рисунка. Ему удалось отогреть небольшое пространство размером с монетку. Слегка наклонившись и снова надев очки, он попытался рассмотреть стоявшие на витрине предметы.

— Да, это то, что я искал, — прошептал Александр, закрывая воротником шинели лицо.

Ветер усиливался и весело гонял снежные завихрения по улицам Гельсингфорса. Наконец, Александр оторвал свой взгляд от витрины и направился к почтамту. Случайные прохожие, пугливо посматривая на него, шарахались в сторону, недоумевая, как может молодой прапорщик, с погонами и нашивками, так смело и открыто ходить по городу, не опасаясь красных солдат и матросов.

В городе царил революционный террор, вносящий смятение и страх в души людей. Отмена погон и нелепые приказы Временного правительства привели к анархии на флоте и в армии. А убийство командующего Балтийским флотом Непенина, как и отречение императора, обернулось для всего офицерства Гельсингфорса кровавой бойней. Корабли Балтфлота под командованием большевиков покидали город и уходили в Кронштадт, несмотря на артиллерийские обстрелы белофиннов, угрозу германской эскадры и суровые погодные условия.

В Финляндии оставались лишь те, кто не хотел признавать новую власть. Но и они, будучи, в основном, офицерами царского флота, вынуждены были скрываться, а кто мог, тайком уезжал из города. Александр был одним из таких офицеров, не признавшим революционные перемены.

Здание почтамта было почти пустым. Войдя в теплое помещение, прапорщик снял фуражку, потер ладонью замерзшие уши, вынул из кармана платок и тщательно вытер запотевшие стекла очков. Затем уверенно про-

шел к знакомому окошку, за которым сидела светловолосая, чуть полноватая, но очень красивая девушка.

Тулла. Он увлекся ею с первого дня, как только снял комнату у ее родителей, почти два года назад. На эту всегда веселую и добрую девушку невозможно было не обратить внимание. Через несколько дней Александр пригласил Туллу погулять по набережной и покататься в парке на каруселях. Она с радостью согласилась, и они провели незабываемый вечер, сразу же найдя общие темы для разговора.

Постепенно такие встречи вошли в привычку, они назначали друг другу свидания, встречались в самых разных уголках парка и рассказывали друг другу о своей прошлой жизни, о своих родных и друзьях. Родители Туллы не поощряли ухаживания русского офицера, но и не вмешивались в отношения молодых людей, полагая, что жизнь сама все расставит по своим местам.

— Где ты пропадал? Я жду тебя целый день, а тебя все нет и нет, — старательно выговаривая русские слова, спросила Тулла, с тревогой глядя на Александра.

— Почта была? Хоть какие-нибудь письма приходили? — быстро затараторил Александр, оставив ее вопрос без ответа.

— Нет, ничего не было, почта из России не приходила. А что это у тебя? — Тулла протянула руку к алому банту, приколотому к шинели.

— А, это подарок. Я случайно попал на тральщик к своему земляку, старшему матросу Крылову, он теперь — командир охранной команды. Помнишь, я тебе о нем рассказывал?

Тулла задумчиво кивнула в ответ.

— Так вот, когда началась заварушка на причале, я у него спрятался. Пирсы сейчас никто не охраняет, все разбежались, а нас, офицеров, сама знаешь, не больно-то жалуют, — старался объяснить Александр.

— Но ведь тебя могут убить. Сколько раз я просила надеть гражданское платье, ты же мне обещал, — с тревогой в голосе перебила его Тулла.

— В общем, мы с Крыловым сидели, пили чай, вспоминали, как он учил меня морские узлы завязывать. Вдруг в каюту ворвались пьяные матросы и набросились на него — мол, что это он сидит со мной, недобитым офицером, и чаи распивает. Грозились даже расстрелять на месте.

Тулла с испуганным видом высунулась из окошка и крепко схватила Александра за руку.

— Не бойся, глупенькая, я же здесь, живой и невредимый, — произнес он, целуя девушку.

— А что дальше было? — с интересом спросила Тулла.

— Дальше Крылов объяснил им, что я — бывший студент. Когда в 1914 году началась война, окончил курсы и стал прапорщиком, чтобы бороться с проклятой немчурой. Матросы успокоились, один, здоровый такой, рыжий, даже налил мне полстакана спирта. Как его выпил, сам не знаю, со страху, должно быть. Немного поговорили про революцию и мирно разошлись. На прощание этот рыжий мне бант прицепил, и я сразу побежал к тебе, — чуть заикаясь, сказал Александр. Было видно, что алкоголь начинал постепенно действовать на него.

— Я тут чуть с ума не сошла от переживаний. Сколько раз предлагала уехать в деревню к родным, переждать лихое время, а потом служи себе, работай в порту, если хочешь. За тебя отец поручится, он мне не откажет, — настойчиво проговорила девушка.

— Не переживай, и в гражданское оденусь, и в деревню мы с тобой уедем, обещаю. Дай только кое-какие дела закончить, — браво отчеканил Александр.

— Какие такие дела? — недовольно спросила Тулла.

— Да вот, телеграмму надо родным отправить, — таинственно улыбнулся прапорщик и направился к телеграфному окошку, за которым сидел пьяный телеграфист — на тонкой шее висел шерстяной вязаный шарф, а форменная фуражка была так сдвинута набекрень, что в любую минуту могла упасть с него.

— Всякому офицерью телеграммы отбивать не собираюсь, не обязан, — смачно плюнув на пол, произнес телеграфист.

— Это еще кто? — вполголоса спросил Александр, повернувшись к Тулле.

— Да красные финны его сегодня с утра вместо Мерьи посадили, да толку от него никакого, — покачав головой, проговорила Тулла.

— Ты что, не видишь, я — сочувствующий, — обратился Александр к телеграфисту, показывая на свой алый бант.

Но телеграфист молча и тупо смотрел на него, никак не реагируя.

— А если тебе этого мало, то у меня есть еще наган с семью патронами, — жестко продолжал Александр.

— Да ладно, мне-то что, отстучу, чего хочешь, — испугавшись, пробурчал телеграфист.

Отправив телеграмму, Александр снова подошел к окошку Туллы и, прощаясь, попросил ее не задерживаться на работе. Девушка проводила прапорщика тревожным взглядом.

По пустынному обледеневшему причалу ветер гнал мусор и какие-то листки бумаги. Один такой листок попал прямо в лицо Александра. Внимательно вглядевшись в него, он понял, что это сброшенная с самолета немецкая листовка, в которой предлагалось за большое вознаграждение сдать корабли и вспомогательные суда российского флота германскому командованию.

— Вот сволочи! — выругался Александр и отбросил скомканный листок в сторону.

— Андрюшенков! — вдруг раздался за его спиной чей-то удивленный голос.

Александр обернулся и увидел мичмана Протасова. Одетый в штатское, в меховой шапке, с баулом под мышкой, мичман мало походил на бравого морского офицера.

— Какими судьбами? Я был уверен, что вы давно уже в России, — удивленно спросил Александр.

— В России?! Забудьте, мой друг, это слово, проморгали мы Россию и русский флот, большевики уводят его в Кронштадт. Мы, конечно, пытаемся помешать им. Слава Богу, «Волынец» и «Тармо» — в наших руках, но этого мало. Не сегодня-завтра нам удастся с помощью финнов захватить еще несколько кораблей. Тогда они не смогут покинуть акваторию порта, и через недельку-другую их можно будет сдать немцам, — злобно усмехнулся мичман.

— Вы хотите сдать русский флот немцам? — возмущенно переспросил Александр и болезненно поморщился.

— А что прикажете делать? Позволить красным все забрать и повернуть орудия против себя же? По-моему, стоит воспользоваться моментом, пока на кораблях — малочисленные команды, — объяснил Протасов. — Кстати, если вы испытываете нужду в деньгах, могу одолжить. Не стесняйтесь, я располагаю достаточными средствами.

— Вот как? И откуда, простите, они у вас? — холодно поинтересовался Александр.

— С нашего миноносца. А что? Еще и деньги революционерам оставлять? — так же холодно ответил мичман. — Знаете, Александр, я живу в доме напротив коммерческого института, приходите, если в чем нужда будет. И снимите вы эту форму, что за мальчишество, ей-богу! Пристрелят вас красные, доиграетесь!

Они сухо попрощались и разошлись в разные стороны: мичман пошел в город, а Александр — к своему катеру.

В его обязанности входила охрана четырех небольших судов, экипажи которых, продав три катера, разбежались, а старое вспомогательное судно и казенное имущество оставили на Александра. Он каждый день ходил на службу, внимательно осматривал суденышко, открывал ржавым ключом металлическую дверь и с удовольствием выкуривал папиросу, представляя себя командиром этой посудины. Вот и сейчас, подойдя к катеру, Александр внимательно осмотрел его со всех сторон. Сжав в кармане шинели рукоятку нагана, он быстро прошел по узкому трапу на корму. Открыв дверь и войдя в небольшую каюту, присел на лавку и задумался. Было темно и холодно, тут же на столе лежал огарок свечи. Неожиданно где-то вдалеке послышалась беспорядочная стрельба, усиливавшаяся с каждой минутой, затем, так же неожиданно, она стихла.

Оставаться на катере не было никакого смысла. Александр закрыл дверь на ключ, убрал трап и лихо спрыгнул на берег, решив по дороге навестить своего земляка. Подойдя к тральщику, он поднялся на борт и зашел в слабо освещенную рубку, где и застал Крылова.

— А, это снова ты. Ну, проходи. Вот ведь, сволочи, оставили корабли без прикрытия, даже на вахту поставить некого, пьяные матросы бузят на берегу. Им, видишь ли, Кронштадт подавай! Какой тут, к дьяволу, Кронштадт, когда на кораблях никого почти не осталось, да еще артиллерия белофиннов стреляет, как проклятая, — недовольно пробурчал он.

— Что же ты теперь делать будешь? — спросил Александр.

— Я тут узнал, что местные банкиры интересуются нашими судами, и кое-кто уже собрался продать корабли, — загадочно произнес Крылов.

— Да за такое расстреливать надо! — сорвался на крик Александр.

— Ну, ты не кипятись и держи язык за зубами, а то в дураках остаться можем. Пока суть да дело, надо продать твой вспомогательный катер, а потом и тральщик. Большой куш можно урвать. Ты у нас — интеллигент, может, поговоришь с кем надо, а прибыль пополам разделим. Ну, что, по рукам? — произнес Крылов, заискивающе взглянув на Александра.

— Ладно, я подумаю, — выдавил из себя тот и быстро распрощался с земляком.

Александр шел по заснеженной улице, ощущая, как ветер со стороны моря толкает его в спину и будто гонит прочь от причала. На Эспланде мимо него пронеслась группка ребят, со смехом лопочущих что-то по-фински, и вид веселой детворы отвлек его от тяжелых мыслей. Он и не заметил, как очутился у витрины, которую разглядывал утром. К счастью, магазин работал, и Александр быстро нырнул в его уютное тепло.

А через полчаса он уже стоял перед Туллой в запорошенной снегом шинели и держал в руках большую, красиво упакованную коробку.

— А где родители? Почему ты одна? — удивился он.

— Они на пару дней в деревню уехали, хозяйство надо проведать. Вот закончится война, и мы с тобой тоже поедем в деревню, там так красиво! — мечтательно произнесла Тулла. — А что ты принес? Какая красивая коробка!

— Это тебе, — улыбнулся Александр и протянул коробку девушке.

Она медленно развязала зеленый атласный бант, приподняла крышку, и ее глаза тут же загорелись восторгом.

— Господи! У меня такой никогда не было, — прошептала Тулла и осторожно вынула из коробки фарфоровую куклу в розовом кружевном платье.

Прижав ее к груди, девушка медленно закружилась в вальсе. Александр подошел к граммофону, вытащил из небольшой горки пластинок «На сопках Маньчжурии», повернул несколько раз ручку заводного механизма, и из граммофонной трубы полились плавные звуки вальса. В эту минуту Тулла, с зардевшимися щеками и аккуратно заколотыми волосами, сама походила на живую куклу. Покружившись еще несколько раз, девушка остановилась перед Александром и посмотрела на него сияющими голубыми глазами.

Александр не выдержал, нежно привлек Туллу к себе и поцеловал.

— Давай ужинать, — слегка отстраняясь, предложила Тулла.

Они долго сидели за столом, говорили о будущей совместной жизни, строили планы и спать легли далеко за полночь. Тулла заснула сразу, прижимая к себе куклу, а Александр никак не мог успокоиться, самые разные мысли будоражили его воображение, он курил одну папиросу за другой и лишь под утро забылся коротким сном.

И все-таки Александр проснулся раньше Туллы, тихо встал с постели, осторожно, чтобы не разбудить ее, поцеловал девушку, быстро оделся и, даже не позавтракав, вышел на улицу и поспешил к коммерческому институту.

План давно уже созрел в его голове, он все тщательно продумал и рассчитал. Самым сложным было достать термитные бомбы, но с этим, как ни странно, сумел помочь мичман Протасов. Он не только не задал Александру никаких вопросов, но сам отвел его в какой-то мрачный дом, где хозяин, неопрятного вида толстяк, после долгого перешептывания с мичманом, предложил Александру на выбор гранаты, германские «колотушки» и даже английские авиабомбы «бэби». Но тот остановил свой выбор на русских термитных бомбах. Когда хозяин удалился в потайную комнату, Александр торопливо обратился к Протасову:

— Слушайте, Протасов, вы мне в прошлый раз предлагали деньги. Сейчас у меня нет возможности расплатиться с этим господином. Окажите любезность, выручите. К сожалению, не могу даже обещать вернуть вам долг. Война — никто не знает, где мы завтра будем.

— Бросьте чепуху молоть, забудем, все и так летит к черту! — отмахнулся мичман.

Аккуратно сложив в мешок бомбы и бикфордов шнур, Александр искренне поблагодарил Протасова, попрощался с ним и быстрым шагом направился к пирсу. А вот и его катер. По-мальчишески лихо он запрыгнул на борт и подошел к каюте. Примерзший замок долго не открывался, но, наконец, «собачка» поддалась, и прапорщик открыл железную дверь. Он попытался вытащить ключ из замка, но его заклинило в стальном механизме. Время поджимало, и, махнув, в конце концов, рукой на ключ, Александр вошел в каюту. Присев на лавку, осмотрелся, положил мешок рядом, достал из кармана шинели спички и зажег огарок свечи, затем развязал мешок и вытащил бомбы. Аккуратно связав их между собой бечевкой, он прикрепил бикфордов шнур, специально оставляя конец длинным, и закурил, обуреваемый самыми разнообразными чувствами, которые трудно было понять и проанализировать. Что это — долг, страх, любовь или чувство вины?..

Докурив папиросу, Александр решительно встал, поджег «бычком» шнур и понес самодельную бомбу в глубь каюты. Прислонившись спиной к железной переборке, он посмотрел в иллюминатор — еще оставалось время окончательно просчитать ситуацию.

Неожиданный скрип замерзшего металла заставил его резко повернуться к двери. На пороге каюты стояла улыбающаяся Тулла и крепко прижимала к груди куклу.

— Александр! Я не выдержала и пришла, теперь мы вместе — полный экипаж корабля, — довольно засмеялась она.

От сильного порыва ветра дверь вдруг с шумом захлопнулась. Александр бросился к ней, в надежде выбить ее плечом, но металлическая дверь закрылась намертво. Глядя на Туллу обезумевшими глазами, он бросился к ней с протянутыми руками, затем резко повернулся и побежал к догорающему шнуру, но… не успел. В ту же секунду раздался оглушительный взрыв, и огненный шар мгновенно поглотил все живое. Образовавшаяся на месте взрыва темная воронка быстро всасывала в себя обломки… Лишь розовая кукла, выброшенная взрывной волной наверх, еще какое-то время покачивалась на волнах, а затем тоже исчезла в мутных водах Балтики… ❑

Ричард
ДЕМИНГ

ВАШЕ здоровье

Домой я вернулся только в одиннадцать. Надеялся, что домовладелица ляжет спать. Однако моим надеждам не суждено было сбыться — она ждала меня, и, когда я попытался прошмыгнуть мимо ее открытой двери, остановила грозным окликом:

— Мистер Виллард!

Я вздрогнул и робко ответил:

— Да, миссис Эмори?

— Сегодня — семнадцатое! — угрожающим тоном напомнила домовладелица.

— Да, мэм. Я помню, что обещал сегодня заплатить за комнату, но бой, который мы организовали, отложили на несколько дней...

— Бой!— презрительно фыркнула миссис Эмори.— Боюсь, у вас больше не будет никаких боев. Или вы с мистером Джоунсом заплатите сегодня же, или ищите себе новое жилье!

— В такой поздний час? Будьте благоразумны, миссис Эмори. Клянусь, завтра к обеду я обязательно...

Тут меня вновь прервали. Только на этот раз не домовладелица. Громко хлопнула входная дверь, и я узнал по длинным худым ногам своего сожителя и менеджера. Видны были только его ноги, потому что выше талии он был закрыт горой свертков и бумажных пакетов.

Я бросился ему на помощь.

Эмброуз Джоунс выглянул из-за пакетов и свертков и дружелюбно поздоровался с домовладелицей.

— Добрый вечер, миссис Эмори. Сегодня вы выглядите особенно отвратительно.

Пакеты и дерзкое поведение говорили о том, что мой товарищ в этот вечер был при деньгах. Он всегда оскорблял домовладелицу, когда в его

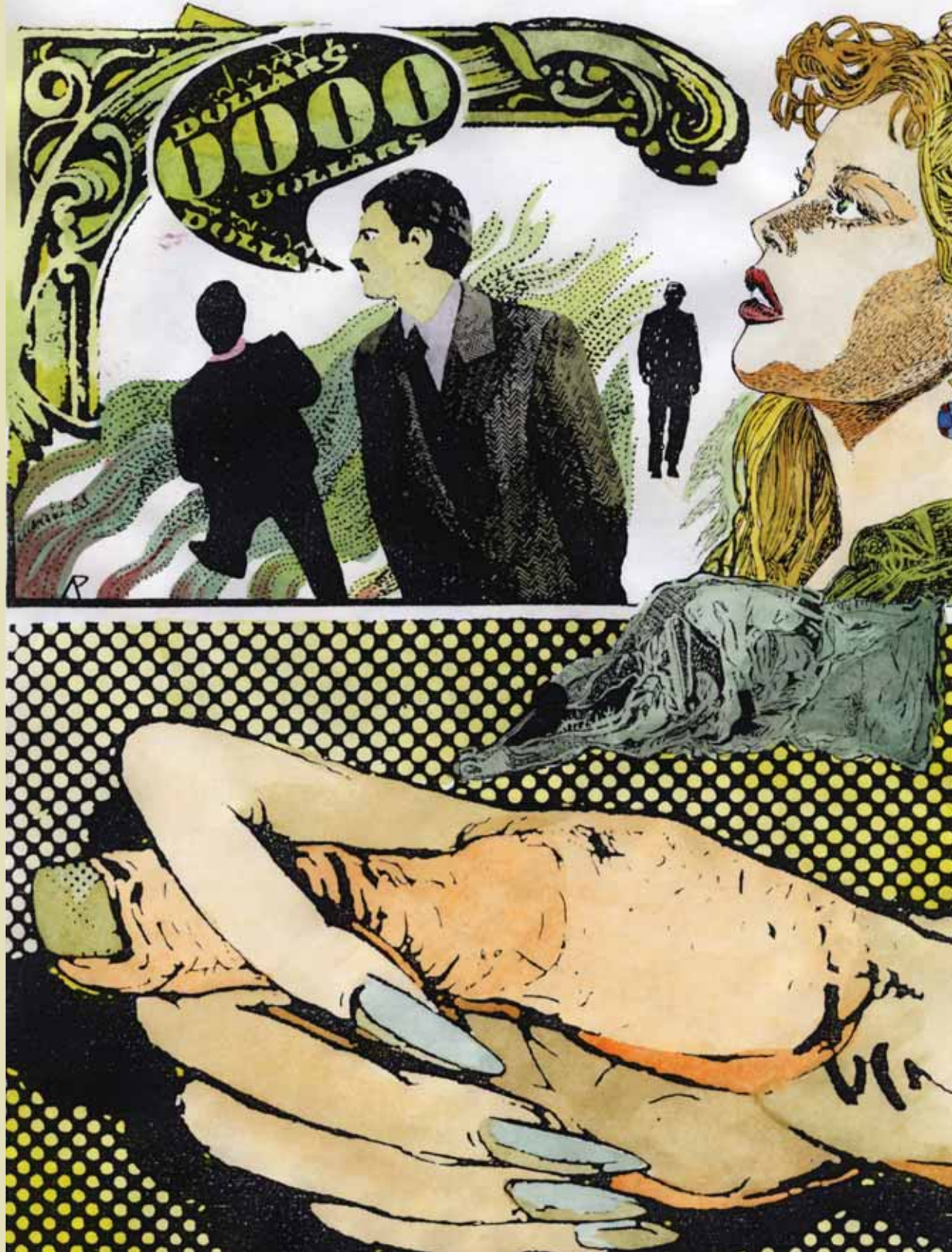


Иллюстрация Льва РЯБИНИНА

карманах хрустели доллары. А издевательски учтивое «Добрый вечер, миссис Эмори» свидетельствовало о том, что Эмброуз, к тому же, еще и здорово навеселе.

Миссис Эмори тоже была знакома с этими признаками и поэтому пропустила оскорбление мимо ушей. Она проводила нас до дверей нашей комнаты и открыла ее своим ключом. После того, как мы свалили пакеты и свертки на ближайшую кровать, Эмброуз элегантно достал из кармана толстую пачку долларов.

— Держите, моя милая уродина. — С этими ласковыми словами он отсчитал четыре двадцатки и положил в руку домовладелицы. — Это плата за две последние недели и за две недели вперед.

Миссис Эмори сердито фыркнула и вышла из комнаты. Эмброуз запер за ней дверь и веером развернул пачку долларов, показывая, что двадцатки были самыми маленькими купюрами.

— Когда нам ждать фараонов? — со вздохом поинтересовался я.

— Сэм, — с легким упреком покачал головой мой менеджер, — это задаток за одно дельце. Тысяча баксов минус сотня с небольшим на покупки и квартплату. А после его завершения получим еще четыре штуки.

Я задумался. Единственный ответ, пришедший мне в голову, — что Эмброуз пообещал моему противнику, будто я лягу в нужном раунде, — казался маловероятным. Нет, этого не может быть. Зачем чемпиону такая победа? За последние два года я и так ни разу не продержался полный раунд, а последние шесть месяцев вообще не дрался.

Пока я размышлял над этим, Эмброуз Джоунс разворачивал свертки и опустошал пакеты. Кроме еды, он купил новые костюмы. Меню нашего вечернего пиршества состояло из буженины, сыра, румяного хлеба, разных маринадов, икры и копченых устриц. Все эти деликатесы нам предстояло запивать шампанским, настоящим шотландским виски и отличным бурбоном.

Эмброуз свалил съестные припасы на кухонный стол. Пока он разбирал одежду, я сделал себе толстый сэндвич.

— Кого мы должны убить? — спросил я с набитым ртом.

— Некого Эверетта Доббса, — с улыбкой ответил мой менеджер, разливая шампанское в стаканы.

— Шутки в сторону, — строго велел я. — Что за дело?

Он поднял брови, сунул в рот пару копченых устриц, проглотил их и только после этого соизволил ответить:

— Я не шучу. Нашей клиентке — миссис Корнелии Доббс, красивой, начавшей увядать нимфе средних лет, надоел муж. Я познакомился с ней в баре. После того, как миссис Доббс угостила меня, мы разговорились, и она поведала об убийстве. Сдается мне, у нее сложилось впечатление, будто я — уголовник. Понимаешь, встретились-то мы в «Монти».

Вся ясно. Бар «Монти» был излюбленным местом встреч уголовников и бандитов разных мастей.

— Значит, ты нагрел ее на штуку, — усмехнулся я.

— Нагрел? — возмутился Джоунс. — Это задаток. Ты что, хочешь обвинить меня в нечестности?

Я достал из верхнего ящика комода маленькие стаканчики и разлил бурбон. Мы пили этот божественный напиток, закусывая сочной бужениной, сыром, икрой, копчеными устрицами и маринадом. А пока пировали, Эмбруоз посвящал меня в детали предстоящей операции.

Эверетт Доббс, ушедший на покой торговец недвижимостью, был самым богатым человеком в округе. Он и его будущая вдова жили в огромной вилле в Глен Ридже. Большую часть времени Эверетт проводил в клубе «Глен Ридж». Там-то, по замыслу Корнелии Доббс, мы и должны были его «убрать».

Каждый день ровно в одиннадцать Доббс уезжал из клуба и возвращался домой всегда один. Миссис Доббс подробно описала машину супруга и назвала номер. Мы должны были подстеречь его на парковочной стоянке клуба, оглушить и устроить «несчастный случай». Один из нас повезет Доббса на его машине, второй поедет на нашей колымаге. В подходящем месте организуем аварию. У Корнелии Доббс, конечно, будет железное алиби.

Я не сомневался, что Эмброуз Джоунс говорит на полном серьезе. Не сомневался и в существовании миссис Корнелии Доббс, и в том, что мой менеджер согласился убить ее мужа за пять тысяч долларов. Немного успокаивало, что Эмброуз, когда был навеселе, терял чувство меры, и я надеялся, проснувшись утром с раскалывающейся головой, он сам не поверит, что говорил о каком-то убийстве.

Пожалуй, подумал я, даже придется уговаривать его оставить аванс. Находящаяся в щекотливом положении Корнелия едва ли станет требовать деньги обратно. Однако у моего менеджера были немного странные представления о чести. Он мог организовать договорной бой, но данное слово держал всегда.

Я оказался прав — утром у Эмброуза раскалывалась голова. Он с большим трудом приоткрыл глаза, слабо улыбнулся и приподнялся на локте.

— По-моему, копченые устрицы нельзя запивать шампанским, — глубокомысленно заметил мой менеджер, которого с похмелья часто тянуло пофилософствовать.

— Это точно, — согласился я.

Джоунс встал, облачил свое тощее долговязое тело в халат и отправился в расположенную в коридоре ванную принимать душ и бриться. После его возвращения я проделал то же самое.

Эмброуз обладал поразительными способностями к восстановлению. К тому времени, когда я вернулся из ванной, он был уже одет и смотрел на меня ясными глазами.

— Не обязательно возвращать деньги, — опередил я его. — Она ничего не сможет нам сделать.

— Возвращать деньги? С какой стати я должен их возвращать?

— Она не пойдет в полицию.

— Зачем миссис Доббс идти в полицию? — нахмурился Эмброуз.

— Затем, что мы надули ее. Взяли деньги, а мужа не тронули. Ты ведь шутил вчера, когда говорил об убийстве, — терпеливо объяснил я.

— А пять тысяч долларов? Какие могут быть шутки, когда речь идет о таких деньгах! Вчера вечером я тебе все объяснил.

— Вчера вечером ты был в стельку пьян! Мы — не убийцы!

— Мы — вообще никто,— буркнул Эмброуз Джоунс.— Ты, к примеру, не боксер, а бывший боксер. Следовательно, я — тоже пустое место. Я — менеджер бывшего боксера, и этим все сказано. Это наш шанс, Сэм. Когда у нас будут деньги, мы найдем какого-нибудь многообещающего молодого парня. Я буду менеджером, а ты станешь его тренировать...

— Но убийство, Эмброуз! — воскликнул я.

— Да брось, Сэм. Забыл, как однажды убил человека на ринге?

— То был несчастный случай,— возразил я,— а не хладнокровное убийство. Это разные вещи. За преднамеренное убийство сажают в газовую камеру.

— Если ловят. Знаешь, почему попадается большая часть убийц?

— Конечно. Потому что они — глупее фараонов.

— Отчасти, да, — согласился Джоунс. — Если верить статистике, то восемьдесят процентов убийств в этой стране совершаются знакомыми или родственниками жертв. Раскрыть такое дело проще простого. Нужно толь-

ко проверять всех знакомых и родственников до тех пор, пока не выйдешь на человека, спустившего курок, проломившего голову топором или подсыпавшего яд в кофе.

— Точно так же они найдут и нас, — пожал я плечами.

Эмброуз медленно покачал головой и довольно улыбнулся.

— Как? — спросил он. — Ни мы его, ни он нас никогда не видели. Фараонам не за что будет зацепиться.

— В таких делах фараоны первым делом всегда проверяют жену,— упорствовал я. — Допустим, твоя Корнелия расколется и заложит нас.

— Не расколется. С какой стати, если у нее — железное алиби? К тому же его смерть будет выглядеть как несчастный случай.

— А если он выйдет из клуба не один? — задумался я.

— Тогда придется все перенести на следующий вечер. Корнелия будет вынуждена состряпать себе новое алиби.

— А как мы получим оставшиеся четыре тысячи? — поинтересовался я.

— Миссис Доббс принесет их завтра вечером в «Монти».

— Все равно ты не убедил меня, — упрямо покачал я головой. — Пошли завтракать. За едой постарайся найти доводы повесомей.

Эмброуз постарался и преуспел.

Весь день прошел в приготовлениях к убийству. Мы отправились в клуб «Глен Ридж» и внимательно осмотрели парковочную стоянку. Потом медленно прокатились по дороге, по которой Эверетт Доббс возвращался домой, и нашли подходящее место для аварии.

В этом месте дорога делала крутой поворот, огибая невысокий холм Глен Ридж. От пятидесятифутового обрыва, под которым проходила дорога, ее отделяла хрупкая деревянная ограда.

— Фараоны подумают, что, возвращаясь домой, мистер Доббс не справился с управлением и сорвался вниз, — пояснил Эмброуз. — Корнелия сказала, что он здорово закладывает. Так что, беспокоиться не о чем, комар носа не подточит.

В девять часов мы были готовы. Эмброуз заехал на парковочную стоянку, на которой стояло с полсотни машин. Несмотря на темноту, мы без особого труда нашли автомобиль Доббса и, устроившись поудобнее, принялись ждать хозяина.

В десять вечера из клуба вышел высокий худощавый мужчина в темном костюме и нетвердой походкой двинулся в сторону стоянки.

— Если это Доббс, — пожал плечами Эмброуз, — то он — на час раньше.

— Судя по походке, бармен, кажется, перестал его обслуживать, — пошутил я. — Едва ли он продержался бы в таком состоянии до одиннадцати.

Когда мужчина подошел к машине, за которой мы следили, я кивнул.

— Это Доббс. Я сам с ним разберусь. Оставайся на месте.

Я подошел к Доббсу, увидел, что он возится с ключом, и участливо полюбопытствовал:

— Не получается?

— Замочная скважина не стоит на месте, старина, — пожаловался он. — Может, попробуете? Вдруг у вас получится... — С этими словами Доббс протянул мне ключи. Я вставил ключ и распахнул дверцу машины.

— Браво! — похвалил меня Эверетт Доббс. — Вы позволите угостить вас выпивкой?

— Конечно, — согласился я, — только не здесь. Я знаю место получше.

— Замечательно! — пьяно улыбнулся Доббс. — Любой бар, который нравится моим друзьям, понравится и мне. — Он протянул руку и представился: — Меня зовут Доббс, старина.

— А я — Виллард, — ответил я, пожимая его руку. — Сэм Виллард.

— Очень рад, старина... А сейчас ключи, пожалуйста.

— Может, лучше мне сесть за руль? — предложил я. — Ведь я знаю дорогу.

— Как вам будет угодно. — Доббс отвесил мне маленький поклон, едва при этом не упав.

Я подхватил его, помог забраться в машину и сел за руль.

В отличие от нашей колымаги, у Доббса машина была что надо! До крутого поворота мы добрались без происшествий. Я остановился на самой вершине Глен Риджа, Эмброуз припарковался в нескольких ярдах. Убедившись, что вокруг нет ни одной живой души, я вышел из машины.

Эверетт Доббс спал. Сначала я боялся, что он проснется, если попробовать пересадить его за руль, но потом подумал, что после пятидесятифутового падения никто не догадается, где он сидел: за рулем или на месте пассажира.

Я снял ручной тормоз и легонько нажал на акселератор, после чего захлопнул дверцу.

Ограждение находилось от нас футах в сорока. Машина набрала скорость, легко проломила деревянную ограду и упала на проходившую внизу дорогу. За треском вырываемых с корнями кустов последовал страшный грохот.

Мы бросились к нашей колымаге.

— Может, лучше поехать в другую сторону, — встревожился Эмброуз, когда мы добрались до следующего поворота. — Вдруг его машина перегородила дорогу?

— Не бойся, — успокоил его я. — Скорее всего она проскочила дорогу и покатилась дальше. Там есть еще один небольшой обрыв.

Мы сделали очередной поворот и выехали на участок дороги, находящийся под тем местом, откуда сорвалась машина Доббса. На усыпанном битым стеклом асфальте валялись бампер и колесо. Я был прав. Машина перелетела через дорогу и покатилась дальше. Если бы не темнота, мы бы, наверное, увидели внизу ее обломки.

Когда из-за кустов неожиданно выполз высокий человек, мой менеджер резко затормозил.

Конечно, это был Эверетт Доббс. Он встал, отряхнул брюки и, шатаясь, подошел к нашей колымаге с моей стороны. Одежда на нем была изорвана в клочья, но других повреждений я не заметил.

Сунув голову в салон, Доббс спокойно сообщил:

— Джентльмены, у меня — авария. Наверное, я заснул за рулем и не заметил, как съехал с дороги. — Он смотрел прямо на меня, но по его глазам я понял, что он меня не узнал.

— Где я? — удивленно спросил Доббс. — Вы, случайно, не знаете, где мы находимся?

— В Глен Ридже, — ответил я.

— Точно, сейчас и я узнаю, — кивнул Эверетт, оглядываясь по сторонам. — Это, наверное, от моей машины? — Он показал на бампер и колесо.

— От вашей, — невесело подтвердил я. — То, что от нее осталось, можно уже не искать. Сомневаюсь, что на ней можно будет ездить. — Немного помолчав, я предложил: — Садитесь.

— Очень мило с вашей стороны, джентльмены, — вежливо поблагодарил Доббс, забираясь на заднее сиденье. — Вы позволите угостить вас выпивкой?

— У нас есть, — покачал я головой и протянул бутылку бурбона.

Когда Эмброуз тронулся с места, Эверетт Доббс отхлебнул бурбон и довольно вздохнул.

— Наверное, я направлялся в свой клуб, — задумчиво пробормотал он, — но я не могу показаться там в таком виде... Джентльмены, не откажите в маленькой любезности. Забросьте меня, пожалуйста, на яхту.

— Какую еще яхту? — испуганно вздрогнул Джоунс.

— На «Щедрый». Она стоит в «Лейкшор Яхт Клабе». — Неожиданно его лицо просветлело, и он поинтересовался с широкой улыбкой: — Джентльмены, а как вы относитесь к ночной рыбалке?

Несмотря на темноту, я заметил, что Эмброуз явно заинтересовался яхтой.

— А какая у вас яхта? — спросил он.

— Небольшая. Всего двадцать пять футов длиной.

Мы с Эмброузом обменялись многозначительными взглядами, подумав об одном и том же.

— Вы предлагаете нам отправиться на ночную рыбалку? — уточнил Джоунс.

— Если вы не торопитесь и согласны быть моими гостями.

— Мы не торопимся, — кивнул Эмброуз.

У ярко освещенного причала «Лейкшор Яхт Клаба» стояли порядка пятидесяти судов, начиная от яликов с подвесными моторами и кончая настоящими яхтами, на которых можно было выходить в открытое море.

Похоже, никто не разделяет любви Доббса к ночной рыбалке, подумал я, когда мы въехали на пустую стоянку яхтклуба.

Эверетт Доббс подвел нас к красивой яхте. На носу красовались регистрационный номер и название — «Щедрый».

Эмброуз Джоунс захватил с собой бутылку скотча, а мы с Доббсом по очереди то и дело прикладывались к бурбону. Владелец яхты был уже настолько пьян, что нам пришлось буквально занести его на борт.

Доббс открыл люк, ступил на лестницу и с грохотом покатился вниз. Держась за металлический поручень, я осторожно спустился, щелкнул зажигалкой и нашел выключатель. Когда вниз спустился Эмброуз, я уже поставил Доббса на ноги.

— Большое спасибо, старина, — поблагодарил он меня. — Эти ступеньки совсем расшатались... Нужно будет их как-нибудь укрепить.

В каюте были четыре койки и два шкафа. Доббс достал из одного шкафа две удочки и, не удержавшись на ногах, упал на колени. Мне снова пришлось поднимать его. Тем временем Эмброуз взял удочки и отнес на палубу. Когда я вытащил хозяина наверх, он рухнул в парусиновый шезлонг и тут же захрапел.

— Знаешь, как с ней обращаться? — поинтересовался Джоунс.

— Знаю, — уверенно кивнул я. — Правда, это было на море, но большой разницы между морем и озером, по-моему, нет. Пойду, посмотрю, что к чему.

Я поднялся в рулевую рубку и с помощью зажигалки быстро разобрался в назначении ручек и кнопок на приборной панели. Через минуту я уже завел двигатель и, поставив его на малые обороты, включил ходовые огни.

— А с гаванью знаком? — спросил поднявшийся наверх Эмброуз Джоунс.

— Нет, — покачал я головой, — но проход должен быть отмечен буйками.

— Кажется, там волнолом. Смотри, не врежься.

Я с трудом разглядел в темноте длинный бетонный волнолом. У самого конца футах в пятидесяти друг от друга на волнах покачивались два мигающих красных огонька.

— Я умею управлять яхтой, — проворчал я. — Иди, отдай швартовы.

Эмброуз с трудом отвязал канат, и мы медленно отошли от причала. Я развернул яхту и направился к освещенным буйкам, обозначающим выход из гавани.

— Отойди от берега на пару миль, — попросил Джоунс.

Я никак не мог разобраться в показаниях компаса и боялся, что в двух милях потеряю огни на берегу. Поэтому, пройдя с полмили, заглушил двигатель и спустился на палубу. В таком состоянии, в каком находился Доббс, никто, даже чемпион по плаванию, не сумеет проплыть полмили.

Эверетт Доббс продолжал храпеть. Эмброуз с мертвенно-бледным лицом глубоко дышал, вцепившись обеими руками в поручень.

— Далеко мы от берега? — прошептал он.

— Вполне достаточно, — буркнул я, поднял Доббса, который положил голову мне на плечо, как ребенок, подтащил его к поручню и легко сбросил в воду.

— Спасите! — раздался из темноты его крик.

Мы с Эмброузом поднялись в рубку, и я развернул яхту. Когда «Щедрый» приблизился ко входу в гавань, меня осенило.

— А фараонам не покажется странным, что Доббс заплыл так далеко? — высказал я свое опасение. — Может, не стоит отгонять яхту к причалу?

— Тебе повезло, что у тебя менеджер — с головой на плечах, мой мускулистый, но безмозглый друг, — улыбнулся Джоунс и похлопал меня по плечу. — После того, как мы высадимся на причале, яхту направим из гавани. Через несколько часов у нее кончится топливо, и ее найдут дрейфующей. А когда тело Доббса вынесет на берег, и вскрытие покажет, что он был в стельку пьян, все подумают, что он просто упал за борт.

Может, он и на самом деле был умнее меня, но и я тоже не настолько глуп, чтобы не увидеть в его плане слабое место. Поэтому молча сбросил скорость и направил яхту к концу волнореза.

— Что ты делаешь? — набросился на меня Джоунс.

— Если мы останемся на причале, то мне ни за что не вывести «Щедрого» из гавани. Яхта — не пистолет, ее не направишь, — терпеливо объяснил я. — Как бы я ни старался, она обязательно врежется в волнорез, причем со стороны берега, и фараоны сразу заподозрят неладное. Так что, придется добраться до волнолома и оттуда уже пускать яхту дрейфовать. К берегу вернемся по волнорезу пешком.

Когда борт «Щедрого» со скрежетом задел бетонный волнолом, в воздух с громкими криками и хлопаньем крыльев поднялись чайки.

Эмброуз спрыгнул на волнорез и держал яхту за поручень, пока я закреплял штурвал так, чтобы она смогла отплыть. Потом мы двинулись к берегу. При нашем приближении чайки взлетали в воздух и, немного покружившись, садились в других местах. Неожиданно я увидел впереди мигающие огоньки и резко остановился.

— В чем дело? — спросил Эмброуз, наткнувшись на меня.

— Надеюсь, это не то, о чем я думаю, — мрачно вздохнул я.

Пройдя несколько десятков ярдов, мы увидели, что мигающие красные огоньки на буйках обозначали не тот канал, по которому мы вышли из гавани. От берега нас отделяли семьдесят пять футов воды.

— И зачем только я позволил тебе думать? — горько посетовал Эмброуз Джоунс.

— Ничего страшного, в два счета доплывем, — успокоил его я.

— Я не умею плавать, — угрюмо сообщил мой менеджер.

После непродолжительной, но довольно оживленной дискуссии мы пришли к компромиссу. Эмброуз держался за меня, пока я плыл эти семьдесят пять футов, и мы, наконец, выбрались на общественный причал, к которому были привязаны несколько рыбачьих лодок.

Шли к парковочной стоянке молча. Хотя ночь была довольно теплой, мы продрогли насквозь в мокрой одежде. Лишь время от времени ночную тишину прерывал стук зубов моего менеджера.

Когда мы добрались до причала «Лейкшор Яхт Клаба», я увидел ходовые огни какой-то яхты, входящей в гавань. Это был «Щедрый». Он элегантно пришвартовался, и огни погасли. Высокий долговязый человек спрыгнул на причал и привязал канат к кнехту.

— Привет, ребята! — поздоровался Эверетт Доббс, с интересом разглядывая нашу мокрую одежду. — Тоже пришлось искупаться?

— Пришлось, — буркнул Эмброуз.

— Потеряли яхту?

— Ага, — ответил я, догадавшись, что он опять ничего не помнит.

— Сочувствую, — пожалел нас Эверетт Доббс. — Мне повезло больше. Я слегка выпил и поэтому не помню, как очутился за бортом. Но как только попал в холодную воду, сразу протрезвел. Я уже думал, что мне конец, как вдруг вижу — прямо на меня медленно плывет моя яхта.

— Да, повезло, — кисло согласился Эмброуз Джоунс и выразительно посмотрел на меня.

— Я бы предложил вам переодеться, но у меня на борту сухая одежда только на одного, — извиняющимся тоном произнес Доббс. — Где вы живете, джентльмены?

— В городе, — пожал плечами Эмброуз.

— Если хотите, я отвезу вас в одно место... здесь совсем рядом... где можно обсохнуть. Я там не живу, но в нем есть сушилка и кое-какая выпивка. Только переоденусь, и поедем. — С этими словами Эверетт Доббс скрылся внизу, но через десять минут снова поднялся на палубу, уже в спортивных туфлях, белых брюках и свитере.

Увидев на парковочной стоянке только нашу машину, Доббс удивленно спросил:

— Как, черт побери, я сюда попал? Ведь моя машина — в ремонте...

Значит, он ничего не помнит и об аварии, подумал я. Мы с Эмброузом не стали напоминать ему, что его машина не в гараже, а разбросана по Глен Риджу.

— Наверное, приехал на такси, — пожал Эверетт плечами и протянул мне руку. — Меня зовут Доббс.

— Виллард, — представился я.

Потом он протянул руку Эмброузу, и тот сказал:

— Джоунс.

— Очень рад, — улыбнулся Доббс. — А как вы очутились в воде?

— Перевернулись, — ответил Эмброуз. — Только мы были не на яхте, а в простом ялике. Слава Богу, это произошло в гавани, а не за волноломом.

Мы усадили Доббса на заднее сиденье, чтобы он не намок. Следуя его указаниям, Джоунс проехал три квартала по Мейн Стрит, потом повернул на запад и проехал еще два квартала.

— Сюда. — Эверетт показал на подъездную дорогу, по обеим сторонам которой стояли два каменных столба. На одном из них висела табличка «Похоронное бюро Доббса».

Пока наш хозяин возился с замком, я прошептал Эмброузу на ухо:

— А я думал, что он занимается недвижимостью.

— Наверное, после ухода на покой, — шепотом ответил мой менеджер, — ему стало скучно, и он сменил род занятий.

Доббс открыл дверь и ввел нас в маленький холл. Затем включил свет, и мы в его сопровождении спустились в подвал.

Пройдя просторное помещение, заставленное пустыми гробами, мы попали в комнату с раковиной, двумя металлическими столами на колесиках и стойкой, протянувшейся вдоль стены, на которой лежали разные инструменты. Это оказалась комната для бальзамирования.

Доббс достал из шкафа два белых, похожих на простыни балахона из плотного материала. Один протянул мне, второй — Эмброузу Джоунсу.

— Извините, но пока будет сушиться одежда, вам придется посидеть в этих балахонах, — сообщил нам владелец похоронного бюро.

Мы вывалили содержимое наших карманов на один из металлических столов, разделись и завернулись в простыни, как древние римляне. Эверетт Доббс взял нашу одежду и туфли и унес в соседнюю комнату. Через минуту оттуда донесся шум прачечной сушилки.

— Что вы нам дали? — поинтересовался мой менеджер у Доббса, когда тот вернулся.

— Саваны, — равнодушно пожал плечами Эверетт.

Я не задрожал от страха, но мне почему-то вдруг захотелось, чтобы он включил сушилку на полную мощность.

Из другого шкафа Доббс достал три стакана и бутылку шотландского виски. Я заметил в шкафу еще несколько бутылок. Наш хозяин поставил стаканы на бальзамировочный стол, налил каждый почти до верха и взял бутылку.

— Пошли в другую комнату, там удобнее, — предложил он и повел нас в уютный маленький кабинет.

Удобно устроившись в креслах, мы выжидательно посмотрели на Доббса.

— Ваше здоровье! — Он с улыбкой поднял стакан и осушил его одним махом. Мы с Эмброузом тоже сделали по глотку.

В течение следующего получаса, к концу которого бутылка опустела, эта процедура повторилась несколько раз. И, когда Эверетт попытался встать из кресла, у него ничего не получилось.

— Послушайте, старина, — обратился он к Джоунсу, — не сходите за новой бутылкой?

Эмброуз встал и, элегантно запахнувшись в саван, твердым шагом вышел в бальзамировочную. От меня не укрылось, что он прихватил с собой пустую бутылку.

— Сколько времени займет сушка? — спросил я у Доббса.

— Сушка? — Он непонимающе уставился на меня.

— Вы положили нашу одежду в сушилку? Сколько она будет сохнуть?

— Ах, ваша одежда... — вспомнил Эверетт. — Да, старина. Вы правы, она в сушилке.

— Сколько она будет сушиться? — терпеливо повторил я.

— Около сорока пяти минут... С нами минуту назад случайно не было еще одного джентльмена?

— Он пошел за виски, — сообщил я.

— Вот как? В этом не было необходимости. В бальзамировочной полно выпивки. — Доббс долго пялился на часы, пытаясь определить, который час, потом махнул рукой и спросил меня: — Который час, старина?

Я с удивлением увидел, что мои часы показывают только половину двенадцатого. До меня не сразу дошло, что они остановились.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Где-то около половины первого.

Эмброуз вернулся с двумя бутылками. Одну протянул Доббсу, а из второй налил мне и себе. Эверетт осушил стакан одним глотком и удивленно посмотрел на нас.

— Это виски? — Голос Доббса неожиданно стал скрипучим, как несмазанная дверь. Он взял свою бутылку и уставился на этикетку.

Я увидел, что он не может разобрать, что там написано, и пришел к нему на помощь.

— Шотландское виски, — подтвердил я, прочитав этикетку.

Доббс облегченно вздохнул и вновь налил себе полный стакан. Я вернулся на диван, сел и посмотрел на Эмброуза Джоунса. Мой менеджер не сводил пристального взгляда с Эверетта Доббса.

— Ваше здоровье! — сказал Эмброуз, поднимая стакан.

Наш хозяин выпил одним махом и опять удивленно уставился на бутылку.

— Странно,— пробормотал он и перевел взгляд на стакан.

Эмброуз встал, запахнул на себе саван и налил Доббсу третий стакан. Владелец похоронного бюро задумчиво посмотрел на него. Следующие десять минут прошли в молчании. Мы с Джоунсом выпили, а Доббс к своему стакану почему-то даже не притронулся.

— Ваше здоровье! — Эмброуз быстро налил себе и поднял стакан.

Эверетт очень медленно поднес стакан к губам и не меньше минуты цедил виски, пока не выпил все до последней капли. Потом его рука так же медленно опустилась и легла на подлокотник кресла.

— Сколько продлится сушка? — спросил Джоунс.

Не дождавшись ответа от Доббса, я сказал:

— Сорок пять минут.

— Тогда она уже должна быть готова, — обрадовался мой менеджер.

Сушилка остановилась. Одежда высохла, но костюмы сильно измялись, а туфли стали жесткими. Одевшись, Эмброуз аккуратно сложил саваны и положил в шкаф. Мы взяли личные вещи с бальзамировочного стола и рассовали по карманам.

— А что с ним будем делать? — Я показал большим пальцем в сторону кабинета.

— Он тоже должен быть готов.

Эмброуз нетвердой походкой пошел в кабинет. Я поплелся за ним. Доббс сидел с застывшей на лице улыбкой. Мой менеджер подошел к креслу и сильно потряс его за плечо, но тот даже не шелохнулся.

Тогда Эмброуз попытался забрать у него стакан, но и здесь его ждала неудача. Разжать пальцы Доббса не удалось.

— Что с ним стряслось? — удивился я.

— Выпил пол-литра жидкости для бальзамирования.

Я испуганно уставился на мужчину, неподвижно сидящего в кресле.

— Ты хочешь сказать, что он, наконец-то, мертв? — уточнил я.

— Мертвее не бывает... Нужно унести его отсюда.

— Зачем? — не понял я.

Эмброуз с минуту обдумывал мой вопрос, слегка покачиваясь.

— Наверное, лучше не ждать завтрашнего вечера, забрать деньги сейчас и уехать из города. Лучшего доказательства сделанного дела не найти!

Тут наступила моя очередь призадуматься. Что-то в его идее мне не понравилось. Если оставить Доббса здесь, то фараоны могут подумать, что он допился до полуобморочного состояния и перепутал виски с бальзамирующей жидкостью. Кстати, в некотором роде так оно и было. Возить труп в машине крайне рискованно. С другой стороны, Эмброуз вполне по делу заметил, что лучшего доказательства, чем труп, не найти.

— Забери у него стакан, — велел Джоунс, но мне тоже не удалось разжать пальцы мертвеца. — Ну и черт с ним! — махнул рукой Эмброуз. — Тащи его в машину со стаканом.

Он взял бутылки с шотландским виски и бальзамирующей жидкостью и отнес в соседнюю комнату. Бутылку с виски поставил на стол, а жидкость вылил в раковину. Я стоял с трупом на руках и ждал, пока он не вымоет бутылку и не выбросит ее в мусорную корзину. Потом мы перешли в комнату с гробами. Закрывая за собой дверь, Джоунс выключил свет.

Я посадил улыбающегося Доббса со стаканом в руке на заднее сиденье, а сам сел рядом с Эмброузом впереди. Когда мы проезжали место аварии, я обратил внимание, что кто-то оттащил бампер и колесо на обочину. Сейчас на дороге блестело только битое стекло.

До кирпичного двухэтажного дома Доббсов мы добрались к двум часам ночи. Бассейн освещался подводными огнями. Поскольку в нем никто не купался, значит, свет оставили на всю ночь, чтобы никто в темноте не упал в воду.

Эмброуз остановился у крыльца. Через стеклянную дверь в прихожей виднелся горящий ночник.

— А если она не одна? — спросил я после того, как Джоунс нажал кнопку звонка.

— Одна. Миссис Доббс посвятила меня в свой план. Вечером она пригласила к себе на бридж подруг. Они должны были играть до полуночи. Значит, до полуночи у нее уже есть алиби. Корнелия собиралась попросить женщину, которая развозила по домам остальных, позвонить ей и сообщить, все ли в порядке. Это еще полчаса. После этого она хотела лечь в постель и ждать, когда ее разбудит полиция, чтобы сообщить об аварии мужа.

Через несколько минут дверь открыла крашеная блондинка лет тридцати пяти.

— Доброй ночи, миссис Доббс, — вежливо поздоровался Эмброуз и склонился в поклоне, с трудом устояв на ногах. — Это мой партнер, Сэм Виллард.

— Какого черта вы здесь делаете? — приветливо встретила нас Корнелия, едва удостоив меня взглядом.

— Приехали доложить, что ваше задание выполнено. Доказательство — в машине.

— Какое доказательство! — Она вышла на крыльцо. — Это невозможно.

— Взгляните на заднее сиденье нашей машины, — невозмутимо предложил Эмброуз и сделал приглашающий жест рукой.

— Что вы несете? — не на шутку рассердилась женщина. — Два часа назад Эверетт звонил из клуба. Он сказал, что одолжил машину Герману и решил переночевать там.

Когда Корнелия Доббс спустилась с крыльца и посмотрела на заднее сиденье нашей колымаги, ее глаза стали огромными, как блюдца.

— Герман! — пробормотала она. — Что с ним случилось?

Мы спустились следом за ней.

— Герман? — растерялся Эмброуз.

— Это младший брат Эверетта, идиот! — заламывая руки, объяснила блондинка. — Именно за него я собиралась выйти замуж, став вдовой... Что вы с ним сделали?

Я забыл упомянуть, что у Эмброуза есть еще одна примечательная черта: даже пьяный в стельку он не теряет способность думать.

— Ничего страшного, мадам, — успокоил он испуганную Корнелию. — Он просто пьян. Мы доставим его домой в целости и сохранности... Приношу извинения за ошибку. Он сел в машину вашего мужа и сказал, что его зовут Доббс. Поэтому мы и подумали, что он ваш муж.

— А зачем вы его сюда привезли? — возмутилась Корнелия.

— Мы хотели раздеть его, надеть плавки и утопить в бассейне, — быстро нашелся мой менеджер.

— Заткнитесь! — прошипела крашеная блондинка. — Герман ничего не знает о моих планах!

— Мистер Доббс ничего не слышит, — улыбнулся Эмброуз Джоунс. — Он полностью отключился.

Эмброуз еще раз учтиво поклонился и сел за руль. Когда я сел рядом, он сдал немного назад, развернулся и выехал на подъездную дорогу. Я оглянулся и увидел разъяренную Корнелию, смотрящую нам вслед.

Как только мы выехали на улицу, Эмброуз остановился на обочине, выключил фары и заглушил мотор.

— Ну, что теперь, гений? — поинтересовался я.

— Будем ждать, когда в ее доме не погаснет свет.

Через несколько минут в доме стало темно.

— Хорошо, — кивнул Джоунс. — Вытаскивай его.

Я вышел из машины и вытащил Доббса. Эмброуз пошел впереди, держа путь к плавательному бассейну. Рядом с бассейном стояли два парусиновых шезлонга. Когда я посадил Германа Доббса в один из них, он принес бутылку скотча. Несколько секунд задумчиво смотрел на замершую на губах Доббса улыбку, потом наполнил протянутый стакан.

— Ваше здоровье! — угрюмо пробормотал Эмброуз Джоунс. — А теперь пора уносить ноги. Соберем вещички и махнем на юг. ❑

Перевод с английского **Сергея МАНУКОВА.**

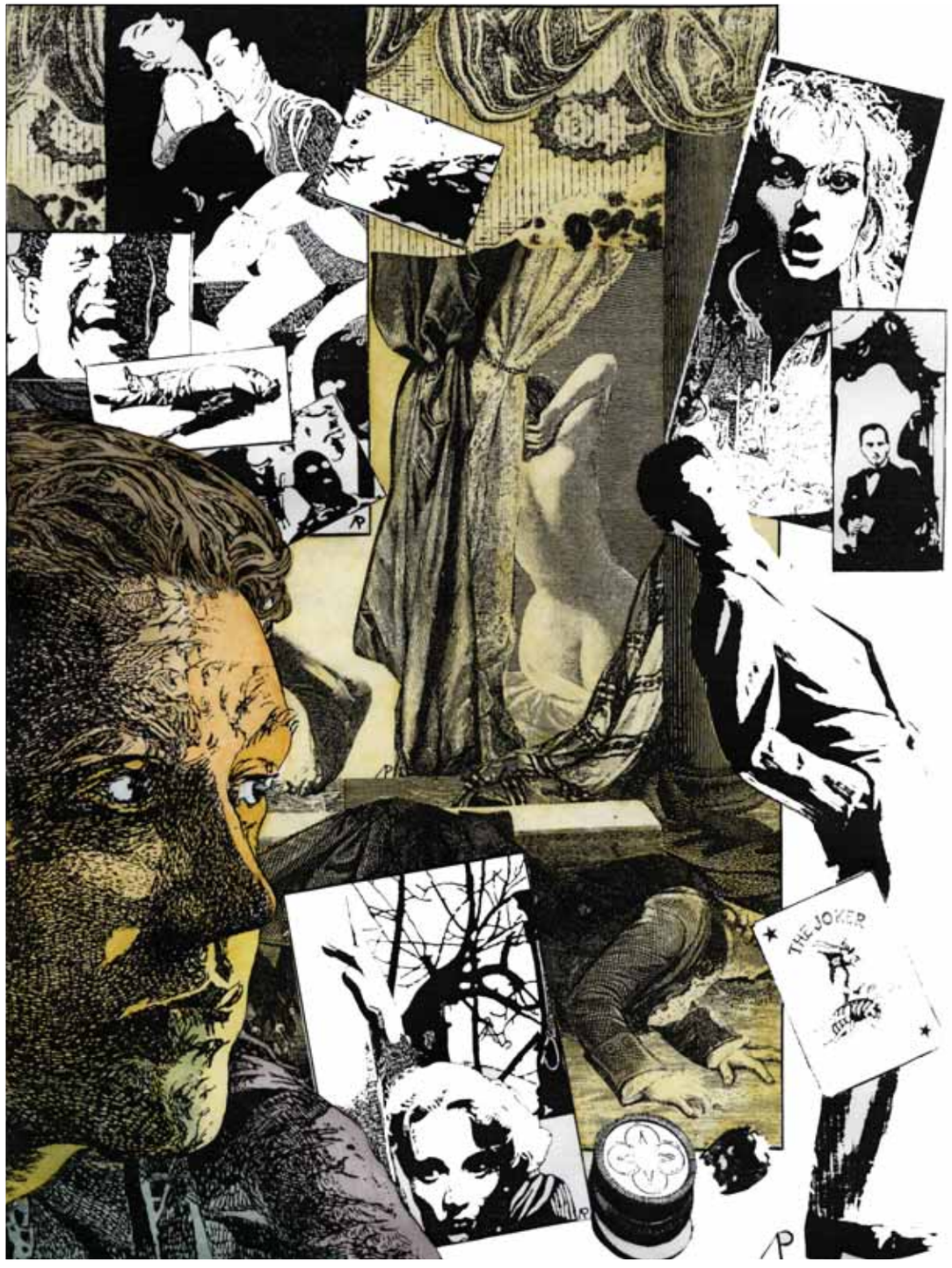


Иллюстрация Льва РЯБИНИНА

Олег СУВОРОВ

Месть актера

Пролог

Две иномарки — бежевый «ситроен» и темно-синий «фольксваген» — разделяла лишь небольшая полянка, огороженная чахлыми кустами и устланная неглубоким покровом свежего белого снега. Яркий январский день, опушка подмосковного леса и относительная тишина, прерываемая только гулом проходящей невдалеке автострады, да разноголосым пением птиц. Распахнулись дверцы, и пронзительно заскрипел снег под зимними сапогами шестерых вылезших из автомобилей мужчин.

Двое — кожаные куртки нараспашку, глаза внимательные, настороженные, остались стоять у «ситроена»; двое замерли у «фольксвагена», а между ними стали медленно сходиться еще двое — один — в белой дубленке, но без шапки, другой — в широкополой шляпе и длинном кожаном пальто. Сошлись, окинули друг друга волчьими взглядами, обменялись несколькими короткими фразами, и вдруг тот, что в дубленке, ничком бросился в снег, закрывая обнаженную голову руками.

В то же мгновение, выплевывая из своих коротких стволов ненависть, смерть и огонь, заговорили автоматы и пистолеты. Горячие гильзы с шипением посыпались в снег, стекла обеих машин мгновенно покрылись паутиной трещин, а из леса испуганно взметнулась в небо стая потревоженных грачей.

Человек в кожаном пальто молча упал навзничь, за ним неловко повалились в снег рядом со своим «ситроеном» и двое других. Дождавшись, когда выстрелы затихнут, мужчина в дубленке быстро поднялся с земли, отряхнулся и поспешил к «фольксвагену». Один из его напарников уже заводил мотор, другой услужливо распахивал дверцу.

«Фольксваген» плавно тронулся с места, выехал на проселочную дорогу и устремился к шоссе. Навстречу ему медленно ползло обшарпанное желтое такси. Машины с трудом разминулись, причем посторониться пришлось именно такси, после чего иномарка взобралась на обочину и вырулила на автостраду.

А такси застряло в сугробе и остановилось. Ободранная дверца со следами свежей вмятины распахнулась, и из салона проворно выбралась высокая красивая девушка с черными распущенными волосами, одетая в длинную «леопардовую» шубу и элегантные желтые сапожки.

Увязая в снегу, взметая снег полами длинной шубы и едва не падая, она побежала к одиноко стоящему «ситроену» с распахнутыми дверцами. Опустилась на колени, закусила губу от напряжения, перевернула его на спину и охнула: «Сережа!» Огромные глаза стремительно наполнились слезами. Девушка привстала и бессильно оперлась локтями о капот машины. «Сережа... О, Господи, ну, за что? Ну, почему все так страшно, почему?» Она всхлипнула и элегантным движением руки откинула волосы в сторону, открыв затуманенные глаза, смотревшие на лежащего у ее ног возлюбленного...

— Снято! Финал! Всем спасибо! — Уверенный мужской голос, усиленный мегафоном, разнес эти слова по округе, и вся съемочная группа мгновенно зашевелилась. Пиротехники бросились подбирать гильзы, оператор остановил камеру, рабочие начали сматывать кабель, ассистенты, окружавшие режиссера, дружно заговорили, а замерзшие актеры начали подниматься с земли.

Девушка лениво полезла в карман шубы, достала сигарету и медленно щелкнула зажигалкой.

— Поднимайся, а то простудишься, — процедила она партнеру, продолжавшему лежать у ее ног. Второй «мафиози» уже встал и теперь энергично отряхивал джинсы от снега. Однако первый по-прежнему не открывал глаз и даже не пошевелился.

— Ну, ты чего, уснул, что ли? Смотри, Николаша, как заигрался, никак из роли выйти не может... — и девушка игриво потыкала его в бок носком элегантного сапожка.

Толстый актер подошел к лежавшему партнеру, заглянул в его лицо и вдруг резко наклонился.

— Эй, Серж, ты чего? — Он быстро ощупал ладонью его грудь, затем поднес к губам запачканную чем-то липким ладонь и лизнул. — Кровь!

— Ой, не прикидывайся, — захихикала девушка, — меня такими шутками не проведешь...

— Заткнись, дура, он же мертв! Эй, на помощь! — Поднявшись на ноги, толстяк отчаянно замахал руками.

Услышав его вопли, со всех сторон побежали люди, а девушка, побледнев и выронив сигарету, стала испуганно отодвигаться в сторону.

Глава 1.

Художественная выпивка

В отличие от того, что происходило на улице, в буфете Центрального Дома работников искусств было тихо и скучно. В почти пустом зале сидели лишь два бородатых молодых человека, оба немилосердно курили, стряхивая пепел в небольшое блюдце.

— Ну, и почему ты позвал меня сюда, а не в Дом кино? — поинтересовался один из них — невысокий, черноволосый, с мрачными, немного навыкате, глазами.

— Да потому, что здесь нам никто не помешает поговорить спокойно, — хмуро отозвался второй, гася окурок. У него были длинные русые волосы, черные усы и жидкая рыжеватая бородка. Лицо бледное, осунувшееся, глаза карие, задумчивые, голос чуть глуховатый. — Если бы мы пошли туда, к нам обязательно подсел бы какой-нибудь знакомый хмырь, и началось бы: «Как дела? Кого подозревают? Что показал ход следствия?»

— А что показал ход следствия?

— Да ни чего он пока не показал.

— Но этот актер еще жив?

— Жив, хотя врачи ни за что не ручаются... состояние тяжелое, — неохотно ответил русоволосый.

— А сам ты кого-нибудь подозреваешь? Кому могла быть нужна его смерть?

— Ну, о чем ты говоришь? Кому может быть нужна смерть этой смазливой бездарности, кумира прыщавых девчонок? Все это было направлено именно против меня... или против моего фильма. Я потому тебе и позвонил, чтобы ты написал статью с изложением самой правдоподобной версии.

— А не опасно?

— Для тебя или для меня? — криво усмехнулся русоволосый, и приятели несколько секунд пристально смотрели в глаза друг другу.

Русоволосого звали Альберт Ливанский, и он был сыном кинорежиссера и известной театральной актрисы. Его жизненный путь являлся столбовой дорогой представителя богемы — спецшкола, ВГИК, диплом режиссера, первый фильм и женитьба на богатой невесте. Критики приняли первый фильм «на ура», и, окрыленный удачным дебютом, Ливанский охотно согласился эмигрировать вместе с женой в Америку. Впрочем, пошатавшись по Бродвею, съездив в Голливуд и лично убедившись в том, о чем следовало бы писать самыми крупными буквами в любой памятке для отъезжающих — В АМЕРИКЕ ВЫ НИКОМУ НЕ НУЖНЫ! — Ливанский вернулся на Родину, оставив там жену. Вскоре она ухитрилась, даже не разведясь с ним в Москве, второй раз выйти замуж в Нью-Йорке, чем поставила своего первого мужа в довольно нелепое положение. Виноват был, конечно, Ливанский, который равнодушно подписал какую-то бумагу, даже не позаботившись аннулировать штамп в собственном паспорте. Теперь, если бы он вздумал жениться, пришлось бы затевать развод с женщиной, которая на данный момент уже являлась женой американца, что было весьма затруднительным и скандальным делом.

Впрочем, сам Ливанский второй раз жениться не собирался, а потому отнесся к своему странному положению достаточно философски. Благодаря своим прежним связям он получил заказ на съемку российского боевика по сценарию одного из самых известных детективных писателей, успешно снял этот фильм всего за полгода, после чего тут же взялся за второй. И вот, в момент снятия финальной сцены фильма, в кинематографической перестрелке, которая, естественно же, велась холостыми патронами, каким-то образом был тяжело ранен исполнитель главной роли!

В отличие от Ливанского, его приятель, журналист Михаил Ястребов, всегда и всего добивался в этой жизни самостоятельно. Он родился в семье инженера и учительницы, и, закончив школу с золотой медалью, поступил на факультет журналистики МГУ. Через пять лет получил красный диплом, стал репортером самой популярной молодежной газеты и начал разъезжать по стране, делая острые и весьма желчные репортажи из самых горячих точек.

С Ливанским они познакомились на презентации какого-то банка и, несмотря на различие характеров, сразу почувствовали друг к другу искреннюю симпатию. Вялое равнодушие Ливанского словно бы нейтрализовало энергичную желчность Ястребова.

— Ну, хорошо, — сказал Михаил, после минутной паузы. — Я, пожалуй, возьмусь за эту статью, но прежде ты должен ответить на несколько вопросов.

— Валяй, задавай...

— Ты абсолютно уверен в том, что это не было покушением на исполнителя главной роли?

— Абсолютно.

— Но тогда вот что интересно — если ты назвал его никому не нужной бездарью, зачем же брал на роль?

— Затем, что он хорошо подходил, как типаж... да и денег не было на то, чтобы приглашать настоящих, уже раскрученных звезд.

— Хорошо, а в каком направлении работает милиция?

— Милиция шерстит всех участников перестрелки и пиротехников, пытаясь выяснить, кто из чего стрелял и кто готовил то или иное оружие.

— А ты сам кого подозреваешь?

В ответ режиссер красноречиво пожал плечами и развел руками.

— Понятно... Так о чем же я, по-твоему, должен писать?

Ливанский снова повторил свой жест.

— Что же получается — бездарный исполнитель самого обычного боевика, ни за что ни про что, получает пулю в грудь, а у режиссера даже нет никаких подозрений?

Ливанский отрицательно покачал головой.

— И что ты собираешься делать дальше? Снимать новый боевик?

— Нет уж, — с неожиданной злостью заявил Ливанский. — Надоело мне снимать фильмы обо всей этой сволочи... боевики, мафиози, рэкетиры, продажные чиновники и менты... Сколько можно! Хочется чего-то романтичного, любовного, а еще лучше костюмированного, с историческим фоном, чтобы можно было отдохнуть душой…

— Так в чем же дело? Снимай романтику...

— В сценарии! Найди мне хоть одного приличного сценариста, который бы согласился написать исторический сценарий о романтичной любви и об идеальном человеке!

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, как тебе это объяснить... — Ливанский призадумался, а затем усмехнулся. — Смешно! Что такое сволочь, никому объяснять не надо, а что такое идеальный человек — приходится объяснять даже журналисту. Добрый, умный, великодушный, порядочный... Да, конечно, красивый, ну, и еще прогрессивный, что ли... Ты случайно не знаешь такого?

— Знаю, — с неожиданной твердостью произнес Ястребов, и Ливанский изумленно вскинул на него глаза. — Есть такой человек и, скорее всего, у него имеется нужный тебе сценарий. Это мой университетский преподаватель истории. Зовут Георгий Алексеевич Давыдов, доктор наук и писатель. Красивый, статный и породистый мужик лет пятидесяти с изумительными манерами и великолепным бархатным баритоном. Он защитил докторскую по французской революции, а потом начал писать исторические романы. Один из них уже издан, сейчас пишет второй, и, если ты с ним договоришься, сделать из него сценарий не составит особого труда.

— Так что же ты до сих пор молчал! — возмутился Ливанский, приподнимаясь и делая негодующий жест. — Немедленно едем к нему!

— Немедленно не получится. Сейчас мы уже оба хороши, да и мне надо предварительно с ним договориться. Кстати, чуть не забыл... кто ведет следствие по твоему делу?

— Там целая бригада, но возглавляет их какой-то Прижогин... Вот, держи его визитную карточку.

Ястребов взял ее в руки, мельком взглянул: «Прижогин Леонид Иванович, старший оперуполномоченный Московского уголовного розыска», и положил в карман. Подхватив захмелевшего режиссера, он потащил его к выходу.

Глава 2.

Допрос и донос

Леонид Иванович Прижогин до недавнего времени работал следователем двадцать четвертого отделения милиции, находящегося неподалеку от станции метро «Щукинская». Свое нынешнее повышение и, одновременно, предложение перейти на работу в Московский уголовный розыск, он получил после удачно проведенного расследования загадочной смерти молодой девушки, случившейся в его районе.

Прижогину было сорок два года. Среднего роста, широкое бледное лицо, бледно-голубые глаза, кустистые брови. Неизменный костюм с галстуком самой невзрачной расцветки, тонкая папка в руках и сухой, слегка дребезжащий голос, делали его похожим не столько на сыщика, сколько на бухгалтера ЖЭКа. Тем не менее именно ему поручили расследование еще одного загадочного происшествия — на этот раз на съемочной площадке. Преступление или несчастный случай? — именно этой дилеммой теперь и предстояло заняться.

И Леонид Иванович полностью включился в работу, проводя целые дни за допросами всех участников съемки финального эпизода.

Для начала он вызвал к себе Виталия Заславского — молодого и тщеславного красавца, исполнявшего роль самого крутого боевика. Именно в его руках находился тот самый автомат, из которого, как установила экспертиза, была выпущена пуля, тяжело ранившая главного героя.

— В каких отношениях вы находились с пострадавшим? — сухо спросил Прижогин, стараясь сдержать неприязнь при виде этого здоровенного детины, вальяжно развалившегося на стуле.

— В каких отношениях? — небрежно переспросил Заславский и полез за сигаретами. — Да ни в каких. Пить вместе не пили, дружить не дружили, встречались только на съемочной площадке... Вот, собственно, и все.

— Ну, а, скажем, общие знакомые у вас с ним были?

— Да вся съемочная группа!

— Нет-нет, я имел в виду особ женского пола. Не было такого, чтобы вы оба, одновременно, ухаживали за какой-то одной женщиной?

Заславский насторожился.

— Вы имеете в виду Ольгу Котенко?

— А почему вы сразу подумали именно о ней?

— Ну, как... — он пожал плечами, — все-таки главная героиня.

— Хорошо, согласен. Ну, так что насчет Ольги Котенко?

— А что Ольга? Телка, конечно, классная, но у меня с ней ничего не было... А за Серегу не ручаюсь.

— Помимо Ольги Котенко, были у вас еще общие знакомые женского пола? — терпеливо повторил Прижогин.

— Нет, кажется, не было.

— А от кого вы получили автомат перед съемкой?

— Да от Михалыча, пиротехника нашего.

— Он всегда готовит для вас оружие?

— Он для всех готовит, не только для меня.

— Понятно... Кстати, а почему главную роль в этом фильме получил потерпевший, а не вы?

— А вот это вы у режиссера спросите. — Заславский произнес эту фразу достаточно равнодушным тоном, но на мгновение отвел глаза в сторону.

— Спрошу, — согласился Прижогин. — Ну, а все-таки? Вы с ним одного возраста, оба — весьма представительные молодые люди... Оба, насколько я знаю, заканчивали ВГИК. Так почему же он, а не вы?

— Вообще-то, это сначала была моя роль, — раздраженно заговорил Заславский, — но после нескольких проб Алик вдруг передумал.

— Алик — это Альберт Ливанский, режиссер?

— Он самый.

— Ну, что ж, подведем небольшой итог, — неожиданно заключил следователь. — Ваш партнер по съемочной площадке получил главную роль, на которую поначалу планировали взять вас. Вы были этим так сильно раздражены, что до сих пор злитесь на режиссера. В одном из эпизодов кар-

тины в ваших руках оказывается автомат, в обойму которого было заложено несколько боевых патронов. В результате этого исполнитель главной роли получает почти смертельное ранение. Логика понятна?

— Вы хотите сказать, что я мог стрелять в Серегу из зависти? — мгновенно меняясь в лице, переспросил Заславский.

— Логика понятна, — с удовлетворением заметил Прижогин и протянул ему ручку. — Распишитесь, что ознакомлены с протоколом допроса.

— Да подождите вы со своим протоколом! — зло отмахнулся Заславский. — Если вы уж так упираете на логику, то подумайте сами — зачем бы я стал тянуть до последней сцены? У нас с Серегой еще в середине фильма были отсняты две перестрелки, я мог бы уложить его еще тогда.

— Ага! Значит, вы еще до разговора со мной прекрасно понимали, что являетесь главным подозреваемым, и уже заранее начали подыскивать себе оправдание?

— А как же! Неужели я такой дурак, чтобы не понимать очевидных вещей?

— Это хорошо, что вы все понимаете... — загадочно протянул Прижогин. — В таком случае, я бы хотел услышать вашу собственную версию произошедшего.

— У меня нет никакой версии, — буркнул актер, пожимая плечами. — Случайность, мало ли их бывает...

— Но когда вы стреляли, вы же в кого-то целились?

— Ничего подобного. Держал автомат в направлении троих, это да, но целиться... зачем?

— Значит, пуля могла достаться кому угодно?

— Получается, что так.

— Ну, хорошо, — кивнул Прижогин. — На сегодня допрос окончен. Распишитесь в протоколе и пригласите ко мне вашего пиротехника Михалыча, как вы его называете.

Михалыч оказался крупным, коренастым мужиком лет пятидесяти с длинными руками и грушевидным носом. Цвет этого носа был воспет еще Игорем Губерманом, однако глаза были абсолютно трезвыми и смотрели настороженно.

— Пьете? — тут же спросил Прижогин, едва пиротехник разместился на стуле.

— А что еще делать?

— И много зарабатываете?

— С гулькин нос!

— А на что пьете?

Пиротехник запнулся, внимательно посмотрел на следователя и начал отрицательно качать головой.

— Что это значит? — не дождавшись словесных комментариев, не выдержал Прижогин.

— Не пойдет.

— Что — не пойдет?

— А вот то самое, гражданин следователь. Вы уж, небось, и версию состряпали — подкупили алкаша-пиротехника, вот он и вложил пару боевых в обойму с холостыми... Не пойдет! Ничего я не вкладывал и ничего не знаю.

— Спокойнее, спокойнее, — оборвал разгорячившегося пиротехника Прижогин. — Вы так и не ответили на мой вопрос — на что пьете?

— На свои!

— Но вы же сами сказали, что зарабатываете немного.

— Да мало ли вокруг халтуры?

— Например?

И вот здесь Михалыч запнулся. Ну, как можно рассказывать о том, что, пренебрегая строжайшими инструкциями, он несколько раз одалживал — разумеется, небесплатно — оружие знакомым актерам и режиссерам — «пострелять». А сколько холостых патронов было продано под видом боевых! Сам Михалыч очень гордился тем, что этим «невинным» обманом, возможно, предотвратил несколько убийств, но следователю этим не похвалишься.

— Коммерческая тайна! — наконец, выдохнул он в ответ на вопросительный взгляд Прижогина.

— Ага, — пробормотал Прижогин. — Ну, ладно, вы пока свободны, но мы еще обязательно вернемся к нашему разговору.

Он проводил пиротехника до двери и, выглянув в коридор, увидел невысокого, щуплого мужичка, нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу.

— Заходите.

Тот поспешно, едва не столкнувшись с пиротехником, протиснулся в кабинет и, дойдя до стула, вопросительно замер.

— Садитесь.

Следователь вернулся на свое место и лишь после этого посмотрел в бесцветные глаза нового посетителя.

— Кто вы, и что хотите мне сказать?

— Балашов Константин Иванович, актер. Альберт Никандрович Ливанский, режиссер, состоит во внебрачной половой связи с актрисой Ольгой Котенко.

Прижогин даже крякнул от столь откровенного стукачества, но ничего не сказал. Однако Балашов, видимо, ожидал от него иной реакции и потому замолчал.

— Ну, и что дальше? — наконец, спросил следователь.

— По моим сведениям, в точно такой же половой связи с вышеупомянутой Ольгой Котенко состоял и Сергей Федорович Краснецов.

— А откуда у вас такие сведения? — поинтересовался Прижогин.

— Неважно, — пробормотал Балашов, но тут же добавил: — Однако сведения — абсолютно достоверные.

— Ну, допустим, и что дальше?

— Как — что? — искренне изумился актер. — Мне кажется, выводы напрашиваются сами. Ливанский руководствовался чувством, именуемым ревностью, и умело инсценировал покушение на Краснецова, сделав это чужими руками.

— А вы-то сами принимали участие в этом фильме? — с неожиданной резкостью спросил Прижогин.

— Да, принимал.

— И что у вас была за роль?

Балашов слегка замялся.

— Роль небольшая... заднего плана.

— А точнее?

— Дворник, ставший невольным свидетелем убийства.

— Интересно... — задумчиво пробормотал Прижогин, смотря не на Балашова, а куда-то в сторону.

— Что вас еще интересует? — с готовностью откликнулся тот.

— А каким чувством руководствовались вы сами, когда шли сюда, чтобы мне все это рассказать? Как, по-вашему, называется это чувство, а?

Глава 3.

Портрет

«Пожалуй, именно доброжелательность и спокойствие — это те внешние признаки, которые позволяют распознать благородного человека, — решил про себя Альберт Ливанский при первом знакомстве с Георгием

Алексеевичем Давыдовым. — Откровенные мерзавцы злятся и суетятся, скрытные — подозревают и лукавят, а вот настоящие люди смотрят именно так — спокойно и доброжелательно».

Квартира доктора исторических наук Давыдова соответствовала самым традиционным представлениям о квартире ученого, то есть вмещала огромное количество книг, среди которых было немало английских и французских изданий. Кроме них, Ливанского заинтересовали и две небольших картины в старинных резных рамках. Одной из них была копия знаменитой «Свободы на баррикадах» Эжена Делакруа, знакомой по школьным учебникам истории, другой — портрет яркой, красивой женщины с энергичным выражением лица, в большой шляпе с перьями и красном платье, оставлявшем обнаженной левую.

— Моя домработница только что ушла, оставив нам кофе еще горячим. — Давыдов вкатил в комнату небольшой столик на колесах. — Прошу. А если хотите коньячку, то...

Ястребов и Ливанский с комичной синхронностью замотали головами и, взяв чашки, сели на диван. Хозяин квартиры устроился в кресле напротив.

— Михаил уже сообщил мне о вашем замысле, — продолжал он, обращаясь к режиссеру. — Общая идея мне очень понравилась, тем более, что я и сам давно размышляю на эту тему. Более того, уже заканчиваю роман, среди главных персонажей которого можно выделить не одного, а сразу двух идеальных людей.

— Прекрасно! — воскликнул Ливанский. — А сюжет? Из него может получиться сценарий?

— О сценарии я, признаться, не думал, — улыбнулся Давыдов, — но сюжет взял классический — любовный треугольник. В моем романе два идеальных человека будут увлечены одной и той же женщиной — знаменитой революционной куртизанкой Теруань де Мерикур. Кстати, ее подлинный портрет, писанный с натуры неизвестным художником, висит над вашими головами. В свое время мне завещал его один французский коллега, с которым мы познакомились на конференции в Париже, посвященной двухсотлетию французской революции.

— Идеальные люди — и куртизанка? — усмехнулся Ястребов.

— Не вижу противоречия, — спокойно произнес Давыдов. — Во-первых, история дает нам немало примеров выдающихся женщин, которые были куртизанками, вспомните хотя бы Марию Магдалину. А, во-вторых, в моем представлении идеальный человек — это не ангел без крыльев, не монах или аскет, а тот, кто отличается ото всех остальных своим умом, красотой и душевными качествами, главным из которых является благородство. Он может увлекаться, совершать ошибки и даже проявить слабость, но никогда не переступит через одну запретную черту — не совершит подлости.

— Согласен, — кивнул Ливанский. — А вы расскажете нам сюжет своего романа? Кто эти идеальные люди?

— Русский граф Павел Александрович Строганов и французский маркиз Мари Жан-Антуан Никола Кондорсэ. Но, прежде чем рассказывать сюжет, наверное, есть смысл хотя бы вкратце рассказать биографии главных действующих лиц, тем более, что все они были подлинными историческими персонажами.

— Конечно, — первым откликнулся Ястребов. — И давайте начнем с куртизанки.

— Хорошо, — улыбнулся Давыдов. — Итак, в одна тысяча семьсот шестьдесят втором году, в семье зажиточного крестьянина из деревни Мерикур родилась девочка, которую нарекли Анной Теруань. Ее биография чем-то напоминает биографию знаменитой миледи из «Трех мушкетеров». Родители отдали ее на воспитание в монастырь, но она успешно отвергла все усилия своих воспитателей. Едва Теруань исполнилось семнадцать лет, как она бежала из родительского дома вместе с соблазнившим ее дворянином. Через какое-то время он ее бросил, и Анне пришлось завести себе нового любовника, а потом — еще и еще. Благодаря своей красоте и природному темпераменту она завоевывает большую популярность, которая помогла ей разбогатеть. Когда в начале революции Теруань появилась в Париже, то смогла открыть собственный салон, среди посетителей которого был и знаменитый Жорж Дантон. Вообще, в революции ей больше всего нравилась ее театральная сторона — например, в своем наряде Теруань подражала амазонкам и, по свидетельствам современников, ездила верхом на огромной лошади, вооруженная двумя пистолетами и саблей. Она была добра, хотя и весьма неуравновешенна, и, зачастую, действовала по первому побуждению. При всех ее недостатках, можно сказать, что Теруань сгубила именно доброта, неуместная, как вы сами понимаете при всякой революции.

— И каков был ее конец? — спросил Ливанский.

— Ну, чтобы на это ответить, надо пересказать сюжет моего романа, а я еще не познакомил вас с двумя другими героями. Во-первых, это философ Кондорсэ, которого я решил сделать одним из любовников Теруань. Исторических подтверждений этой связи не существует, но я надеюсь, что мой вымысел не слишком опорочит светлую память этого замечательного маркиза…

— А какое отношение имеет русский граф к французской революции? — вежливо перебил рассказчика Ливанский.

— Достаточно случайное, но давайте обо всем по порядку. Итак, Павел Александрович Строганов родился в Париже, где и проживал вплоть до 1779 года, пока не вернулся в Россию. Родители, Александр Сергеевич Строганов и Екатерина Петровна Трубецкая, разошлись, когда ему было всего пять лет, причем разошлись по весьма любопытной причине — Екатерина Трубецкая отбила любовника у самой Екатерины Второй.

Когда они еще жили во Франции, отец нанял ему воспитателя — некоего Жильбера Ромма. Этот персонаж, кстати, весьма любопытен многими своими качествами.

Вы должны помнить, что тогда младенцев с момента рождения записывали в какой-нибудь полк, так что, к моменту совершеннолетия они уже достигали офицерских чинов, а генералами становились годам к тридцати, а то и раньше. Так же и Строганов — в момент рождения он был зачислен в Конную гвардию, стал корнетом, а через какое-то время был переведен поручиком в Преображенский полк и назначен адъютантом Потемкина. Именно это обстоятельство и позволило ему в возрасте пятнадцати лет уехать учиться за границу.

Сначала они отправились на родину Ромма в Овернь, затем перебрались в Швейцарию. И вот наступает знаменитый 1789 год, когда в воздухе уже буквально носится тревожный аромат революции. В начале этого года Ромм привозит своего воспитанника в Париж. И вот представьте себе состояние семнадцатилетнего юноши в революционном Париже, готовящемся взять Бастилию.

— Он знакомится здесь с Теруань де Мерикур? — увлеченно воскликнул Ливанский.

— Совершенно верно. Именно здесь, под стенами этой гигантской крепости, окруженной со всех сторон беснующейся толпой, среди рокота барабанов, одиночных выстрелов и неистовых воплей, Строганов впервые увидел эту женщину.

Высокая, энергичная и прекрасная, она стояла на лафете, поставив стройную ногу в высоком, шнурованном башмаке, на ствол пушки, и размахивала обнаженной саблей, чтобы привлечь внимание окружающих...

Глава 4.

ФАС!

— Тебе нужны деньги на съемки исторического фильма? — поинтересовался Ястребов, стоя между режиссером Ливанским и Ольгой Котенко.

— Еще как! — горячо откликнулся тот, окидывая взглядом толпу присутствующих гостей, роившихся вокруг длинного, обильно сервированного стола. Дело происходило в банкетном зале новой, только что открытой пятизвездочной гостиницы, на праздновании годовщины одной крупной, хотя и весьма загадочной компании — Финансовой ассоциации Сибири (ФАС). Всего в зале собралось не менее трехсот человек, и автостоянка перед центральным подъездом была забита роскошными иномарками. — Неужели среди этих тузов не найдется ни одного человека, который бы согласился дать деньги на наш фильм?

— Обижаешь, Феллини, — усмехнулся Ястребов. — Спонсора я тебе нашел, и он обещал подойти к нам, как только освободится.

— И кто же это?

— О, это сюрприз, который многого стоит! Ты даже не представляешь себе, кого я нашел!

— Мне-то хоть можешь сказать? — капризно произнесла Ольга.

— Тебе? О, мадемуазель, кто сможет устоять перед вашей просьбой! — И Ястребов ехидно поклонился, окинув нахальным взором эту роскошную брюнетку с оголенными плечами. — Посмотри на гостей и скажи: кто из них, по-твоему, самый элегантный?

Ольга поднесла бокал к губам и медленно, делая вид, что пьет, осмотрела весь зал.

— Вон тот мужчина, — сказала она, — в светло-сером костюме, светло-голубой рубашке и галстуке, жемчужного оттенка с расписными узорами. Ты его знаешь, котик?

Ливанский пожал плечами и отрицательно покачал головой.

— Ой, да он, кажется, заметил меня и теперь идет к нам, — радостно выдохнула девушка.

— Ну, значит, главная роль в этом фильме теперь тебе обеспечена, — тут же заявил неумолимый Ястребов. — И наш дорогой режиссер уже не сможет против этого ничего возразить.

— А что это за роль — королевы Франции?

— О нет, парижской куртизанки!

— Фи! — И Ольга недовольно скривила губы.

Мужчина в сером костюме заметил ее гримасу и удивленно улыбнулся.

— Вам неприятно мое общество?

— Ой, нет, что вы, что вы! — тут же затараторила девушка. — Просто этот репортеришка, — и она небрежно кивнула на Ястребова, — наговорил тут столько разных гадостей, что мне захотелось сплюнуть.

— Именно так поступила бы и настоящая королева! — Ястребов пребывал в хорошем настроении, а потому был неудержим. — Однако, друзья мои, позвольте представить вам председателя Московской ассоциации товаропроизводителей Павла Сергеевича Строганова.

— Ой, как интересно! — кокетливо пропела Ольга.

— Очень приятно, Альберт Ливанский. — Режиссер первым протянул руку. — Неужели вы — потомок того самого Строганова?..

— Да, это мой прадед. А разве Михаил вам этого не рассказывал?

— Не успел, — смиренно покаялся Ястребов. — Ну, что, вам, наверное, интересно поговорить наедине, а мы с Ольгой пока полюбезничаем?

Строганов дружески кивнул Ольге и вместе с Ливанским отошел в сторону.

— Я уже знаю, что вы нашли какую-то красивую и романтичную историю, связанную с одним из моих предков, и теперь хотите сделать из нее фильм, — первым заговорил Строганов. — Не буду вас томить и сразу признаюсь, что я очень заинтересован в рекламе, а потому готов выступить спонсором, но только после того, как увижу сценарий.

— Для наибольшего рекламного эффекта вам нужен не просто фильм, а телесериал. Если ограничиться тремя-четырьмя сериями, это будет стоить ненамного дороже, зато окажется в сто раз эффективнее. Фильм посмотрят и тут же забудут, а вот сериал запомнится обязательно. А перед показом последней серии можно будет организовать интервью, в котором вы расскажете о том, что являетесь прямым потомком главного героя.

— А ваш главный герой — фигура положительная?

— Не просто положительная, а идеальная!

— Ну, вот, пока мы беседовали, официальная часть закончилась, начинается неофициальная, — заметил Строганов, — и я вынужден с вами проститься. Жду вашего звонка и сценария. Был очень рад нашему знакомству.

— Я тоже.

— И передавайте привет вашей очаровательной спутнице. Надеюсь, вы подберете для нее подходящую роль.

Ливанский кивнул, они обменялись рукопожатием, и Строганов направился к выходу.

— А где же твой спонсор? — обратилась к подошедшему Ливанскому Ольга.

— Поехал домой. Кстати, может, и нам пора, а то скоро здесь начнется откровенное свинство? — И он кивнул на изрядно подвыпившего джентльмена, который, под общий смех присутствующих, вдруг начал кормить с ложечки лежащую в торте девушку.

Ольга состроила гримасу.

— Как прикажете, мой господин.

— Ты едешь с нами? — Теперь уже Ливанский обращался к Ястребову, но тот отрицательно покачал головой.

— Мне нужен материал для рубрики «Светская хроника», — усмехаясь, пояснил он. — А здесь его более чем достаточно.

— Ну, тогда счастливо!

Вдохновленный радужными перспективами, Ливанский пребывал в столь хорошем настроении, что ни на что не обращал внимания, и уж, конечно, не обратил внимания на неприметные «Жигули», которые тут же тронулись следом за его «БМВ». Через полчаса они подъехали к его дому. Ольга вышла из машины и, пока Ливанский возился с ключами, первой заметила, как из притормозивших неподалеку «Жигулей» проворно вылез какой-то человек.

— Алик! — испуганно вскрикнула она, и режиссер мгновенно вскинул голову.

Увидев приближающийся силуэт, он вздрогнул и автоматически метнулся к подъезду.

— Альберт Никандрович!

— Ох, это вы! — услышав знакомый голос, Ливанский остановился и вздохнул с облегчением. — Здравствуйте, Леонид Иванович. Однако вы меня напугали...

— Киллеров боитесь? Интересно было бы узнать, почему? — спокойно поинтересовался следователь Прижогин, подходя ближе.

— У вас есть какие-то вопросы? — сухо спросил Ливанский, стыдясь своего бегства, да еще на глазах у Ольги.

— Есть.

— Ну, тогда поднимемся ко мне?

— Давайте поднимемся, — невозмутимо согласился следователь.

Они молча зашли в подъезд, вызвали лифт и также молча поднялись на

пятнадцатый этаж. Прижогин был спокоен, Ливанский нервно суетился, а Ольга делала равнодушный вид — «меня это все не касается».

— Что-нибудь выпьете? — предложил Ливанский, когда они вошли в квартиру и разделись.

— Нет, спасибо. — Прижогин быстрым и цепким взглядом окинул гостиную. — А вот если бы вы дали мне на время кассету с вашим последним фильмом, я бы не отказался. — И он кивнул на полку с видеокассетами.

— Но фильм еще не готов, — несколько удивился Ливанский.

— Ничего, — успокоил его Прижогин. — Я понимаю, что отснятый материал еще не смонтирован и не озвучен...

— Дело даже не в этом.

— А в чем?

— Фильм отснят процентов на семьдесят.

— Как? Ведь тот… гм... несчастный случай произошел во время съемок финала? А, понимаю... вы снимаете эпизоды в самой различной последовательности, а потому финал может быть уже снят, а начало еще нет. Так?

— Совершенно верно.

— Интересно, — пробормотал Прижогин. — И что теперь? Когда думаете снимать дальше?

— Это у вас надо спросить, — вдруг разозлилсяЛиванский. — Пока ведется следствие, актеры нервничают, и я просто не могу заставлять их работать. Тем более, что дирекция студии заморозила дальнейшее финансирование — не по вашей ли просьбе?

— Нет, не по моей. Но все это становится весьма любопытно...

Ольга села в кресло, закинула ногу за ногу и закурила, а мужчины продолжали стоять.

— Кстати, а что вы думаете по поводу одного из актеров, который был занят в вашем фильме? Я имею в виду Константина Ивановича Балашова.

— Фу, ничтожество! — выдохнула Ольга.

— Помолчи, — оборвал ее Ливанский. — А что именно вас интересует? Самый заурядный актер второго плана, которого всегда можно заменить на другого...

— А у него есть какие-нибудь причины... ну, скажем помягче, быть вами недовольным?

— Вот уж этого я не знаю. В принципе, у любого актера может иметься тысяча претензий к режиссеру... А почему вы спросили?

— Знаете, я хочу открыть вам один маленький профессиональный секрет. — Прижогин пристально посмотрел на режиссера. — Следователи ужасно не любят, когда вместо ответов на свои вопросы они вынуждены отвечать на чужие... и при этом зачастую совершенно не относящиеся к делу.

— Я понял. Извините.

— Ничего страшного. Вернемся к самому главному. Значит, работа над фильмом приостановлена, и когда вы вернетесь к съемкам, неизвестно... А вам не приходила в голову самая простая мысль... о конкурентах, например? Кто мог быть заинтересован в том, чтобы ваш фильм так и не вышел в прокат, или, если и вышел, то с большим опозданием?

— Ну, не знаю, — неуверенно произнес Ливанский. — Сейчас, в принципе, снимается столько однотипных боевиков, что за конкурентами просто не уследишь. Тем более, что многие любят снимать за границей. Впрочем... А, кстати. — И он посмотрел на Ольгу. — Помнишь ту киностудию, куда тебя приглашали на главную роль? Кажется, у них в плане тоже стоял какой-то боевик?

Ольга небрежно пожала плечами и отвернулась, гася окурок в пепельнице. Если бы Ливанский был чуть более внимателен, он непременно обратил бы внимание на ее странно блеснувший взгляд. Впрочем, то, что ускользнуло от внимания режиссера, машинально подметил про себя следователь.

Глава 5.

Первая репетиция

Ястребов закончил набирать на домашнем компьютере статью, которую ему заказал один московский еженедельник, после чего вздохнул и с облегчением откинулся на спинку стула. И тут он вспомнил о том, что сегодня собирался заехать к Ливанскому на киностудию и посмотреть, как проходит первая репетиция их будущего телесериала. Поскольку именно Михаил нашел спонсора, он имел полное право говорить о сериале «наш».

Все роли были уже распределены и, что самое интересное, на роль философа Кондорсэ Ливанский пригласил Георгия Алексеевича Давыдова. После некоторых колебаний тот согласился, но поставил одно условие — поскольку у него уже созрел замысел следующего романа, за который он намеревался засесть в самое ближайшее время, эпизоды с участием его героя должны отснять в первую очередь.

Через сорок минут Михаил был у киностудии. Припарковав свой скромный, заляпанный грязью «жигуленок», он миновал проходную, где для него был заказан пропуск, и направился к павильону, в котором должна была проходить репетиция. Но чем ближе подходил, тем больше удивлялся царившей вокруг тишине. Киношники по природе своей — суетливые и шумные люди, и работать тихо просто не умеют. Наверное, он опоздал, и Ливанский уже отпустил актеров. Ястребов готов был повернуть назад, но тут услышал негромкий голос своего приятеля.

Зайдя в павильон, декорированный под внутренний зал здания конца восемнадцатого века, Михаил застал там удивительную картину.

И рабочие студии, и осветители, и ассистенты, и актеры, среди которых была Ольга, — все стояли группками, шепотом переговариваясь между собой, в то время как Ливанский, в позе Наполеона, готовящегося к генеральному сражению, опирался рукой о край стола и задумчиво листал рукопись, беседуя с Давыдовым, одетым в синий камзол, короткие панталоны, белые чулки и башмаки со шнурками.

— Я понимаю, что у вас здесь идет первая встреча Жильбера Ромма с Никола Кондорсэ, — говорил Ливанский. — Но меня кое-что смущает. Кто такой Робеспьер, все знают, но вот кто такой Ромм... Понимаете, Георгий Алексеевич, наш фильм будут смотреть самые разные люди, и большинство из них понятия не имеют о Строганове, не говоря уже о его воспитателе Ромме. Вот вы пишете, что Ромм чем-то напоминал Робеспьера — и внешне на него походил, и тоже был якобинцем-экстремистом. Так, может, и не надо увеличивать количество похожих персонажей? Давайте сделаем эту сцену как встречу Робеспьера и Кондорсэ?

— Ну, во-первых, Ромм не так уж неизвестен — именно он создал знаменитый республиканский календарь со всеми его жерминалями, брюмерами и термидорами, — спокойно возразил Давыдов. — Во-вторых, Робеспьер не может быть воспитателем Строганова, поэтому без этого персонажа никак не обойтись. Ну, и наконец, если избавиться от Ромма, то слишком много придется переделывать…

— Ну, и Бог с ним! В конце концов, мы будем снимать не историческую хронику, а любовную мелодраму. Давайте начнем с чего-нибудь поэффектнее. Где тут у вас сцена, когда Робеспьера чуть было раньше времени не отправили на эшафот?

— Вот, пожалуйста. — Давыдов быстро указал нужную страницу, но не успел Ливанский взять сценарий в руки, как из массовки вдруг донесся дребезжащий мужской голос:

— Я не согласен!

— Что? — Ливанский с изумлением воззрился на Балашова. Это именно он, раскрасневшись от внезапной отваги, посмел перечить режиссеру, который впервые в жизни предложил ему сразу две весьма значительные роли — Ромма и Робеспьера. — Вы что-то сказали, Константин Иванович?

— Да, сказал, — расхрабрился Балашов, выходя вперед. — Я не хочу «зеленеть и отодвигаться на самый край трибуны», как это написано в сценарии. При всем моем уважении к Георгию Алексеевичу, я не могу себе представить Максимилиана Робеспьера в столь жалком виде.

— С ума сойти! Это что — бунт? Вы, Константин Иванович, сегодня хорошо себя чувствуете?

— Прекрасно! И я готов хоть сейчас репетировать, но только без этого опошления великого революционера...

Несколько мгновений Ливанский молча раздумывал, потом полез за сигаретами, и лишь закурив, вопросительно посмотрел на Давыдова.

Тот улыбнулся и пожал плечами, как бы говоря, что данный вопрос находится вне его компетенции.

— Ладно, Константин Иванович, — наконец, сквозь зубы проговорил Ливанский. — Если уж вы такой поклонник Робеспьера, то... Впрочем, все свободны, на сегодня все кончено! — вдруг воскликнул он и яростно хлопнул в ладоши.

После легкого оцепенения присутствующие громко зашевелились и начали расходиться. Ольга убежала одной из первых. Давыдов приветливо пожал руку Ястребову, простился с Ливанским и пошел переодеваться.

— Наверное, он просто пьян, — рассеянно пробормотал Ливанский, когда они с Ястребовым остались одни.

— Кто — Балашов?

— Ну...

— И это тебя так расстроило?

— Не это. Понимаешь, я уже распределил роли, а сегодня увидел всех будущих персонажей в костюмах и пригляделся к ним повнимательнее. И увидел... как бы тебе это объяснить... точнее, понял, что вместо настоящего фильма могут получиться так... отдельные исторические картинки. Ну, не могут наши современники изображать людей той эпохи! Менталитет другой, привычки другие, манера поведения... Ну, какая из Ольги Теруань? Ольга умеет кокетничать, но никогда не сможет повести за собой толпу женщин... А Строганов? Ну, какой из этого павлина — я имею в виду Заславского — Строганов? Оба красавцы — вот и все, что между ними общего.

— А Давыдов?

— О, вот твоим Давыдовым я, пожалуй, доволен. Сегодня он впервые надел камзол восемнадцатого века, выглядел в нем так, будто всю жизнь носил такие вещи. Но, знаешь, в глубине души у меня все-таки остаются сомнения — например, смог бы современный доктор наук добровольно принять яд, чтобы избежать тюрьмы и позора?

Ястребов усмехнулся.

— Ну, старик, ты сам себе противоречишь. Требуешь от своих актеров мужества и глубины характеров их персонажей, а стоит одному из них высказать тебе свою точку зрения, как ты мгновенно встаешь на дыбы.

— А, Балашов... Да какая у него точка зрения! — презрительно отмахнулся Ливанский. — Кстати, ты на колесах?

— Да.

— Тогда поехали на станцию техобслуживания за моей тачкой.

— А как идет следствие? — поинтересовался Ястребов, когда они миновали проходную.

— Да никак. Прижогин вертится на студии, но что он здесь делает — непонятно. После того вечера, о котором я тебе рассказывал, мы с ним только здороваемся... Ага! Нет, ты посмотри на эту милую сцену!

Они вышли на стоянку и остановились у «жигуленка» Ястребова. Метрах в пятидесяти от них, немного заехав на пешеходную дорожку, стоял темно-бордовый «вольво». В него садилась девушка, в которой оба приятеля мгновенно узнали Ольгу. Впрочем, узнать ее спутника, державшего перед ней распахнутую дверцу машины, тоже не составило труда — это был Строганов.

— А что, все прямо по сценарию — в нем взыграли гены предка и он тоже увлекся своей Теруань, — прокомментировал Ястребов.

Кроме Ливанского и Ястребова, вышеописанную сцену наблюдали еще двое, вышедшие из проходной и остановившиеся неподалеку — высокий стройный красавец в длинном белом шарфе и невзрачный немолодой человечек в черной болоньевой куртке.

— Вот тварь! — гневно выдохнул молодой, с ненавистью провожая взглядом темно-бордовый «вольво». — Опять укатила с другим!

— По сценарию, — уточнил Балашов.

— Ну, и что? — возразил Заславский. Но продолжить не успел — к ним торопливым шагом приближался следователь Прижогин.

— Эй, мужики, а где ваша актриса Ольга Котенко?

— Только что уехала, — ответил Балашов, а Заславский сумрачно промолчал.

— Куда?

— Этого мы не знаем. Можем только сказать, с кем.

— Так с кем?

— Со спонсором, — неожиданно вмешался Заславский. — Строганова знаете?

— Слышал, — спокойно произнес Прижогин, внимательно всматриваясь в молодого актера. — Так он спонсор всего сериала или только одной актрисы?

— И того, и другого.

— Я вижу, что вас это огорчает.

— Нет, мне на это глубоко плевать! Мы можем идти?

Прижогин кивнул головой и, задержавшись на месте, проводил взглядом странную пару. Какие, интересно, отношения могли связывать любимца женщин Заславского и старого неудачника Балашова?

Глава 6.

Приятнее всего — запутаться в женщинах

— Куда бы вы хотели поехать? — вежливо обратился Строганов к Ольге.

— Я... — начала было Ольга, но вдруг остановила взгляд на зеркале заднего вида и испуганно вскрикнула: — Смотрите, нас преследуют!

Строганов искоса взглянул на ехавший сзади «форд», а потом с любопытством посмотрел на девушку.

— Интересно, а чего вы боитесь? Кстати, это машина моих телохранителей.

— Да? А почему же они не ездят вместе с вами?

— Обычно так и бывает, но не в тех случаях, когда я еду с дамой. Так вы не ответили — чего боитесь?

— Следователя! — нахмурилась девушка. — Этот дурацкий Прижогин гоняется за мной по всей студии. А недавно даже пригрозил вызвать повесткой в отделение, если я не прекращу от него убегать.

— А зачем же вы убегаете?

— Да затем, что он задает всякие идиотские вопросы!

— Причина — достаточно убедительная, ничего не скажешь, — засмеялся Строганов. — Ну, так все-таки, куда мы направимся?

— Мне кажется, джентльмен должен предлагать, а дама — выбирать, — кокетливо заметила Ольга.

— Вы правы, извините.

— Хотя, знаете, — перебила его Ольга, — мне никуда особенно не хочется.

— Жаль, — огорчился Строганов. — Ну, тогда отвезти вас домой?

— Да, но только... — Она вдруг смутилась, поманила к себе Строганова и, когда он наклонился, придвинулась, обдав теплым ароматом духов и шепча: — Давайте поедем к вам.

— Хорошо, — просто и без малейшего лукавства тут же согласился Строганов и плавно выжал сцепление.

Минут через десять, когда они уже доехали до Садового кольца и затормозили у светофора, он впервые оглянулся на Ольгу. Она задумчиво курила и смотрела прямо перед собой, но, почувствовав его взгляд, тут же повернула голову.

— Вы мне расскажете о том, что вас тревожит, и какие идиотские вопросы задает вам следователь?

Ольга откинула голову немного назад, придав своему взгляду самое кокетливое выражение, а потом протянула руку и нежно коснулась руки Строганова.

— Я вам доверяю и поэтому расскажу все, что вы захотите услышать.

«Странная фраза, — отметил он про себя. — А что я могу захотеть услышать? Или во ВГИКе плохо учат родному языку?»

Обычно Строганов настороженно относился к слишком откровенным и напористым женщинам, но на этот раз просто не успел совладать с собой. Стоило ему помочь Ольге снять шубу, как она вздохнула, словно только этого и ждала, и упоенно приникла к нему, слегка приоткрыв губы. В такие минуты большинство мужчин действуют автоматически, и Строганов не стал исключением... Но эту пикантную ситуацию нарушил громкий телефонный звонок.

Строганов вздрогнул от неожиданности и отстранился от Ольги. Извинившись перед ней, он бросился к аппарату. Звонки были явно междугородними, вероятно, звонила его невеста и по работе его переводчица Марина, которая в данный момент находилась в Париже.

— Приветствую вас, господин граф. Вы еще не успели забыть свою скромную возлюбленную из города Парижа?

— Здравствуй, Маришка, как же я рад тебя слышать! — весело ответил Строганов. — Я думаю о тебе днями и ночами, вздыхаю и томлюсь.

— Неужели? Вот это что-то новенькое. Крутой бизнесмен, и вдруг — лирика?

— Не веришь?

— Верю, верю, только почему ты так тяжело дышишь?

— Только что вернулся домой...

— Один?

— Один. Ты себе не представляешь, как же я по тебе соскучился, а ведь до нашей свадьбы еще столько времени...

— Это не просто время. Это столетие, целая эпоха. Неужели она когда-нибудь кончится?

— Я люблю тебя, Маришка. Возвращайся скорее.

— Я вешаю трубку, иначе сейчас расплачусь. Целую тебя.

Несколько секунд Строганов зачем-то слушал гудки, а затем тяжело вздохнул. Черт, как же неприятно врать женщине, которая тебя любит! А не выставить ли эту актрису, пока еще не согрешил по-настоящему? Ну, что ему даст это очередное приключение? Несколько приятных мгновений, но гораздо больше проблем...

Однако Ольга обладала замечательной интуицией. Появившись из ванной в белом махровом халате, сквозь распахнутые полы которого соблазнительно проглядывали ее стройные ноги, она мгновенно уловила перемену настроения Строганова и повела себя совсем иначе. Теперь это была красивая грустная женщина, трогательная, пикантная и беззащитная. Она потупила взор, позволив своим длинным черным волосам свеситься вниз и прикрыть ее печальное лицо, после чего глубоко вздохнула.

— Что с вами? — спросил Строганов, присаживаясь рядом с ней.

— Наверное, мне не стоило сюда приезжать...

— Почему?

— Я могу навлечь на вас множество неприятностей. Вы — такой добрый и милый, а я... — И она снова вздохнула.

Ох, каким же теплым и душистым ароматом от нее веяло, какой же пленительно-сокровенной тайной манили неплотно сдвинутые колени.

Строганов дрогнул и взял ее за руку. А дальше последовали легкий шорох, вздох и …забвение. В какой-то момент Ольга вдруг нагнулась и, целуя его лицо, назвала его… Аликом. Когда они оба успокоились и закурили, Строганов невозмутимо поинтересовался:

— Ты не могла называть меня не Аликом, а, к примеру, котиком?

— Как скажешь, котик, — ехидно ответила она, нисколько не смутившись. — Хотя мужчины обычно предпочитают слышать собственные имена.

— Ты имеешь в виду Ливанского? И давно ты с ним живешь?

— К сожалению, давно, почти год. Но теперь, надеюсь, с этим покончено...

Под этим «теперь» предполагалось «теперь, когда мы вместе».

— А почему «к сожалению»? Чем же он тебе не угодил?

— О! — По одному этому восклицанию стало понятно, как она ждала такого вопроса. — Тому много причин. Во-первых, он любит корчить из себя гения. Знаешь, что он мне сказал однажды, когда увидел, что я кокетничаю с другим режиссером? «Со мной ты войдешь в историю, а с ним — влипнешь!»

— Неплохо сказано, да и режиссер он, кстати, очень неплохой. Я видел его второй фильм с твоим участием.

— И тебе понравилось?

Строганов задумался.

— Понравилось... в том смысле, что хорошо смотрится и сделано профессионально. Но, на мой дилетантский взлгляд, на произведение высокого искусства все-таки не тянет. Я стараюсь следить за новинками литературы и кино, и у меня складывается такое впечатление, что сейчас настало время дилетантов. Домохозяйки пишут романы для домохозяек, неуемные болтуны и фантазеры — для любителей фантастики, а отставные милиционеры и раскаявшиеся рэкетиры — для любителей самых примитивных детективов. Впрочем, это только мое мнение... — Тут он резко сменил тему разговора. — Ты мне, наконец, расскажешь, что же тебя беспокоит? — Строганову нужно было застать Ольгу врасплох и заставить ее проговориться. — Насколько я знаю, твой партнер по съемочной площадке, раненный в последний день съемок, сейчас уже вне опасности и его перевели из реанимации в общую палату.

— Ну, и слава Богу! — резко выдохнула она. — Если бы Серега умер, я бы никогда себе этого не простила.

— Почему?

— Да потому, что это именно я подложила три боевых патрона...

Глава 7.

Новый Робеспьер

— Стоп, стоп, а вот это уже не годится. — Ливанский возбужденно прошелся по павильону. Ощущая на себе множество глаз, — а здесь присутствовала большая часть съемочной группы, — он с упоением играл свою роль. Это была роль диктатора, творца, гения, почуствовавшего прибли-

жение озарения и начавшего свою вдохновенную импровизацию, которая непременно выльется во что-то «нетленное».

Давыдова немало забавляли эти творческие потуги молодого режиссера, поэтому он относился к ним вполне терпимо и всегда был готов внимательно выслушать любое замечание во время съемок очередного эпизода. Вот и сейчас он вопросительно посмотрел на Ливанского.

— Что именно вас не устраивает?

— То, что у вас написано в сценарии. Строганов становится любовником Теруань, но затем, по требованию Екатерины Второй, возвращается в Россию, там женится и снова попадает во Францию лишь в конце жизни.

— Да, именно так все и было на самом деле.

— Прекрасно, но пусть истории следует ваш роман, а в сценарии мы будем придерживаться логики любви. Нельзя разлучать главных героев, когда впереди может быть столько эффектных эпизодов. Да, в конце концов, должен же быть и любовный треугольник! Нет, Строганову ни в коем случае нельзя возвращаться в Россию!

— Может быть, вы и правы, — согласился Давыдов. Как и все присутствующие актеры, он уже был одет и загримирован. — Но чего именно вы хотите?

— Должна быть какая-то любовная интрига... Да вот, пожалуйста, пусть Теруань изменит Строганову с Кондорсэ! Ведь благодаря ему она стала жирондисткой, за что, в конечном счете, и поплатилась. Любовь философа и куртизанки, да еще в смутное время, да еще с политической подоплекой... Что у нас сегодня по плану?

— Продолжение эпизода Робеспьер — Кондорсэ, обсуждение проекта конституции, сцена в Конвенте, — услужливо подсказала хорошенькая ассистентка с хлопушкой в руках, аккуратно затянутая в голубые джинсы.

— К черту Робеспьера и конституцию, довольно политики! Хватит с нас уже отснятого материала. В конце концов, мы снимаем историю любви, а не политический триллер.

— Но позвольте!

Все присутствующие дружно обернулись на этот отчаянный вопль протеста, принадлежавший Балашову, загримированному «под Робеспьера».

— Вы что-то хотели сказать, Константин Иванович? — зловеще прищурился Ливанский.

— Да, хотел!

— Брось, Костя, не нарывайся, — потянул приятеля за рукав «Строганов»-Заславский.

Но Балашов резко выдернул руку, сделал несколько шагов вперед и, споткнувшись об осветительный кабель, едва не упал. В толпе послышались смешки, но актер, яростно поправив съехавший парик, негодующе уставился на режиссера.

— Это же важнейшая сцена, Альберт Никандрович! Как можно заменять ее пошлой любовной интрижкой?

— Кого?!

Разъяренный вид Лиыванского заставил Балашова смешаться и отступить.

— Я просто хотел сказать, что... декорации, — он обвел павильон рукой, — они же приготовлены для другой сцены.

— Это пусть вас не заботит, — холодно заключил Ливанский и повернулся к Давыдову.

— Константин Иванович прав, — спокойно заметил Давыдов. — Какая может быть любовная сцена, если мы находимся в зале Конвента?

Ливанский призадумался и в наступившей тишине — кто со злорадством, а кто с любопытством ждал его решения — обвел помещение взглядом. Как дать обратный ход и при этом не потерять авторитет?

— Так, все по местам! Снимаем сцену выступления Кондорсэ на заседании Конвента. Теруань сидит в первых рядах на одной из привилегированных трибун и не спускает с него влюбленных глаз. Ольга, поправь волосы, да нет же, не надо причесываться, наоборот... Робеспьер занимает место председателя. Колокольчик на столе? Прекрасно... Когда Кондорсэ поднимается по крутым ступеням трибуны, следует обмен репликами... Константин Иванович, не забыли?

— Нет, — хмуро буркнул Балашов, но тут же, не скрывая радости, направился на председательское место.

— Включить прожекторы. Оператор, приготовиться. Дубль первый...

— Минуту, — изумленный этим неожиданным всплеском активности, перебил его Давыдов. — На какую тему я должен выступать?

— Не знаю, сымпровизируйте что-нибудь. В конце концов, сейчас это не столь важно. Если понадобится, мы всегда сможем изменить текст при озвучке. Если же ничего не идет в голову, прочитайте отрывок из любой своей лекции. Сможете?

— Попробую... Ничего, если я буду говорить о событиях 1792 года?

— Прекрасно. Элен, давай хлопушку, начинаем. Итак, Кондорсэ направляется к трибуне, публика с нетерпением ждет его выступления и, сразу после его обмена репликами с Робеспьером, взрывается смехом и бурными аплодисментами. Все готовы? Георгий Алексеевич, пошли!

Заработала камера, и Давыдов направился к трибуне оратора, на которую вели девять крутых ступенек. Он стал медленно взбираться наверх, остановился на полдороге и, тяжело вздохнув, произнес:

— Да это же ступени на эшафот!

— Что ж, попрактикуйся заранее! — со злобной радостью откликнулся со своего председательского места Балашов-«Робеспьер», и массовка шумно изобразила восторг, продолжая рукоплескать до тех пор, пока Балашов не зазвонил в колокольчик.

— Сограждане! — воскликнул Давыдов-«Кондорсэ», оказавшись на трибуне и требовательно вскинув руку. — Двадцатого апреля сего года наше правительство объявило войну австрийскому императору. И это было правильно — я сам голосовал за войну, как за скорейший способ насадить по всей Европе республиканские идеи! Однако события приняли не тот оборот, на который мы рассчитывали, и одиннадцатого июля Законодательное собрание было вынуждено бросить свой памятный клич — «Отечество в опасности»! Какой изумительный взрыв патриотизма потряс тогда всю Францию! Но сегодня, спустя два месяца, я хотел бы сказать не об этом, а о тех чудовищных событиях, которые кровавыми пятнами осквернили сияющие ризы нашей революции...

Давыдов говорил так увлеченно, а его хорошо поставленный лекторский голос и умелые манеры опытного университетского преподавателя так захватили внимание массовки, что теперь все слушали его речь с искренним интересом.

— ... Да, сограждане, я хотел бы сказать о том чудовищном избиении заключенных, в результате которого погибло не менее полутора тысяч человек. Не было пощады ни храбрым мужчинам, ни прекрасным женщинам.

А какому чудовищному испытанию подвергли юную дочь старика де Сомбрея, когда она принялась уверять судей, что они с отцом ненавидят аристократов? Убийцы протянули ей бокал с кровью только что убитого дворянина, и бедная девушка вынуждена была сделать несколько глотков, чтобы спасти и себя, и своего отца!

Давыдов сделал эффектную паузу — и теперь все, даже осветители и операторы вытянули шеи, пытаясь услышать продолжение. В тишине раздался голос Ливанского.

— Продолжайте, Георгий Алексеевич, все прекрасно, я и сам вас заслушался. Мы обязательно включим в окончательный вариант фильма ваше выступление. Но сейчас у вас есть еще буквально одна минута, после чего Теруань, по моему сигналу, первой вскакивает с места и начинает аплоди-

ровать. Ольга, будь внимательна и не пропусти мой знак! Готовы? Продолжаем. Элен, давай второй дубль.

— Сограждане! — вновь заговорил Давыдов, услышав, как заработала камера. — Мы находимся накануне принятия нового летосчисления. 1789 год был первым годом нашей свободы, и именно с этого года мы начнем отсчет новой эры...

Тут Ливанский подал знак, и Ольга, порывисто вскочив со своего места и сделав восторженное лицо, бурно зааплодировала.

— Браво!

Статисты, изображавшие зрителей и членов Конвента, разразились аплодисментами, а Давыдов-«Кондорсэ», элегантно поклонился и вопросительно посмотрел на режиссера — стоит ли ему спускаться с трибуны или нет?

— Все, снято, массовка свободна! — скомандовал в мегафон Ливанский. — А остальным — оставаться на своих местах, съемка еще не закончена. Ольга и вы, Георгий Алексеич, подойдите ко мне.

— А я? — воскликнул Балашов, но Ливанский сделал вид, что не услышал его обиженного вопля.

— Сейчас мы снимем еще одну сцену, — заговорил Ливанский, обращаясь к Ольге и Давыдову. — Теруань, влюбленная в Кондорсэ, соблазняет его ночью, прямо в зале Конвента.

— Но я даже не знаю своего текста! — вытаращила глаза актриса.

— Ничего, зато у тебя — богатый опыт соблазнения, — не удержался от язвительности Ливанский. — Кроме того, по ходу дела я сам буду подсказывать слова. У нас — сжатые сроки и мало денег, поэтому приходится работать в таком бешеном ритме, не дожидаясь, пока вы переделаете сценарий, — пояснил он Давыдову, который вежливо пожал плечами, как бы говоря, что это дело режиссера. — Итак, ночь. Осветители, притушите свет! Вы стоите рядом у подножия трибуны и, прислушиваясь к шуму пьяных солдат, чьи караульные помещения находятся на первом этаже, начинаете разговор. Займите свои места.

Ольга и Давыдов вернулись к трибуне и стали друг напротив друга. На актрисе было красное платье с белыми кружевами, на «Кондорсэ» — синий камзол и белая рубашка со стоячим воротником.

— Для начала порепетируем, — закричал Ливанский. — Ольга, ты начинаешь. Говори так: «Я потрясена вашим выступлением. И вы абсолютно правы, все произошедшее — просто ужасно».

— Я потрясена вашим выступлением, — пылко выдохнула актриса и придвинулась к «Кондорсэ» так, что едва не коснулась его полуобнаженной грудью. — Вы абсолютно правы, все это было так ужасно...

— Георгий Алексеевич, надеюсь, вам не надо подсказывать, сами сориентируетесь?

— Попробую, — кивнул Давыдов и с легкой улыбкой обратился к «Теруань». — Кстати, а как поживает ваш юный друг, русский якобинец?

— О, для него наша революция — всего лишь спектакль, который хочется досмотреть до конца, прежде чем отправиться назад, в свою рабскую Россию, — повторила Ольга вслед за Ливанским.

— Но он же влюблен в вас, так воспользуйтесь этим, чтобы обратить его в свою веру. Я знаю, что вы сочувствуете Жиронде, вот и попробуйте сделать его жирондистом. Уж, наверное, ваши чары окажутся сильнее демагогической болтовни Робеспьера.

Кто-то из присутствующих в павильоне громко кашлянул, и Ливанский, не оборачиваясь, негодующе махнул рукой:

— Тише вы там! Давайте дальше. Ольга, теперь ты придаешь себе максимально соблазнительный вид, приближаешься к партнеру и спрашиваешь прерывающимся от страсти голосом: «А вас мои чары волнуют?»

Актриса закатила взор, томно облизнула губы и придвинулась к Давыдову.

— А вас, месье, волнуют мои чары?

— Мадемуазель хочет меня соблазнить? — галантно осведомился «Кондорсэ».

— Почему бы и нет?

— Но вам не кажется, что для этого выбрано не самое удачное место и не самое подходящее время...

— О, мой философ, зачем же терять время, если завтра нас может ждать гильотина? — мгновенно отреагировал Ливанский и, прежде, чем актриса повторила его текст, пояснил: — Произнося эту фразу, ты быстро расшнуровываешь корсет, вы целуетесь, а потом Кондорсэ, теряя голову, начинает покрывать поцелуями обнаженную грудь Теруань. Георгий Алексеевич, вы сумеете сыграть эту сцену без дублера?

Ольга фыркнула, и все присутствующие на съемочной площадке, включая и Давыдова, расхохотались. Именно поэтому никто поначалу не обратил внимания на Прижогина, незаметно появившегося в павильоне, в сопровождении милицейского сержанта. Какое-то время следователь наблюдал за веселящимися киношниками, затем, когда смех начал стихать, приблизился к режиссеру и протянул ему руку.

— А, Леонид Иванович, — приветливо кивнул Ливанский. — Давненько не заходили... А что это вы не один? Что-нибудь случилось?

— Увы, Альберт Никандрович, случилось. Я вижу, у вас хорошее настроение, и мне не хотелось бы его портить, но куда деваться...

— А что такое? — насторожился Ливанский. — Вы что, арестовать меня пришли?

— Не вас, — успокоил Прижогин.

— А кого?

— Ольгу Александровну Котенко.

Все замерли, а Ливанский судорожно потер лоб.

— Что это значит? Бред какой-то... Почему? За что?

— По обвинению в покушении на убийство, — пояснил следователь безразличным тоном. — В ящике для холостых патронов, который мы изъяли у вашего пиротехника, был обнаружен один боевой патрон.

— Ну, и что?

— Найденные на нем отпечатки пальцев идентифицированы с отпечатками пальцев гражданки Котенко.

— О, Боже! Какой кошмар! А как же съемки? — простонал Ливанский. — Вы меня убиваете... Ольга, ну, что ты молчишь, что это за бред? Зачем тебе надо было подкладывать эти проклятые патроны?

Бледная и дрожащая актриса быстро приблизилась к ассистентке.

— Куда ты положила мою сумку?

— Да вот она, за спиной висит.

— Минутку! — Прижогин, мгновенно утратив свое наигранное безразличие, бросился вперед. — Дайте-ка, я осмотрю.

— Вы что, спятили? — бешено вскинулась на него Ольга. — Я же не за пистолетом лезу, я курить хочу!

— Сейчас покурите, — успокоил ее следователь, с мягкой силой выдергивая черную дамскую сумочку из рук актрисы.

Все взоры были устремлены на следователя, и только Ливанский глухо стонал, держась за голову и раскачиваясь в кресле.

— Ага, — пробормотал Прижогин, доставая небольшой прозрачный флакон, заполненный какой-то желтоватой жидкостью ровно наполовину. — Это что — духи?

Ольга растерянно пожала плечами.

— Дайте взглянуть.

— Терпение. Следователь отвинтил крышку, понюхал и изумленно присвистнул.

— Что вы свистите? Это не мой флакон, — раздраженно заметила Ольга. — Я понятия не имею, откуда он там взялся.

— Так я и думал...
— Что, ну, что там еще такое?
— Яд, моя красавица, — холодно улыбнулся Прижогин. — И, судя по запаху, весьма сильнодействующий. Хотел бы я знать, на что вы использовали первую его половину...

Глава 8.

Убийство

... Выжженная пустыня яростно сияла раскаленным солнцем, нестерпимо слепившим глаза. Все было пусто и однообразно, невыносимо, подавляюще обнажено. Он брел по скрипящему песку, с трудом высвобождая вязнувшие ноги и вытирая пот со лба. Перед глазами плыли красные круги, солнце в небе двоилось и троилось, своей обманчивостью утяжеляя плотное, сверкающее марево. Идти было убийственно тяжело, но он шел до тех пор, пока на горизонте не показался город. Тогда он остановился, закричал и сделал было шаг вперед, но тут же упал на колени, обжигаясь о горячий песок. Город был полон жителей, оживленно перемещавшихся во всех направлениях, но, странное дело, все городское движение производило гнетущее впечатление чего-то зацикленного, безнадежно вечного и однообразного. В городе словно бы остановилось время, и все его жители, подобно марионеткам в сломанном балагане, снова и снова повторяли одни и те же движения…

Строганов проснулся в горячем поту, чувствуя себя совершенно разбитым. Сердце бешено колотилось, во рту пересохло, голова была невыносимо тяжелой.

«Что за странный сон? — подумал он, садясь на постели и вытирая вспотевший лоб. — Пустыня, заколдованный город, застывшее время... Похоже на фильм, который смотришь снова и снова, не замечая при этом, как стареешь. Черт, с каких это пор я стал видеть такие многозначительные сны? Наверное, не стоило читать на ночь фантастику...»

Он поднялся с постели и, продолжая размышлять над своим странным сном, сделал короткую, но энергичную зарядку, после чего направился в ванну. Оттуда он вышел освеженным, гладко выбритым, бодрым и сел завтракать. После завтрака он с удовольствием затянулся сигаретой и вдруг, неожиданно для самого себя, решил позвонить на киностудию. Надо же время от времени узнавать, как там дела. Наверняка, это входит в обязанности спонсора, да и самому интересно.

Сверившись со своим электронным блокнотом, Строганов быстро набрал телефон студии. Съемки «его» фильма уже шли полным ходом и, хотя он еще не видел отснятого материала, Ливанский уверял, что «этот сериал станет событием»!

— Альберт Никандрович сейчас находится на Петровке тридцать восемь! — удивленным тоном произнесла секретарша студии, словно не знать местонахождение великого режиссера — несомненный признак глубочайшего невежества.

— О, Господи! — вздохнул Строганов. — За что же его туда посадили?

— Какие странные вещи вы говорите, мужчина! Альберта Никандровича никто не сажал, он сам отправился на беседу со следователем.

— Вообще-то, беседу со следователем принято называть допросом. — Строганов пришел в хорошее настроение и теперь уже не мог сдержать веселого лукавства. — Впрочем, это не столь важно. А нельзя ли подозвать к телефону мадемуазель Котенко?

— Ольгу Котенко? — Странно, но теперь голос его собеседницы мгновенно стал суровым и отчужденным. — Да вы соображаете, что говорите?

— Да, соображаю. Так в чем дело? Передайте ей, что звонит Строганов.
— Послушайте, товарищ Строганов...
— Вот только не товарищ!
— Ну, хорошо, господин Строганов, если вы так хотите, — язвительно поправилась суровая дама, которой, судя по всему, его знаменитая фамилия ничего не говорила. — Ваша знакомая Котенко — это объявленная преступница, которая сейчас сидит там, где ей и надлежит быть.
— Что? Что вы несете?
— Я ничего не несу, я — не курица! — оскорбилась собеседница. — А человеческим языком объясняю — вчера ее арестовали прямо на студии, а сегодня Альберт Никандрович поехал разговаривать со следователем.
— А вы знаете, кто и за что ее арестовал? — «Неужели Прижогин уже успел докопаться до истины в истории с боевыми патронами?»
— Да, знаю. — Она была явно горда своей исключительной осведомленностью. — Следователь Прижогин Леонид Иванович. Арестовал за покушение на убийство, я сама это слышала. И теперь эта преступница сидит там же, на Петровке. Еще вопросы будут?
— Нет, благодарю вас.

Какая странная ситуация! О черт, ну ведь был же намек свыше в виде звонка Марины — не связывайся с этой красоткой во избежание больших неприятностей! Впрочем, стыдно, граф Строганов, стыдно, ваш предок, по крайней мере, по сценарию, во имя своей любви к мадемуазель Теруань сначала дрался на дуэли, а потом едва не был растерзан разъяренными парижскими женщинами.

Но фильм? Что теперь будет с его фильмом, который ему нужен не позднее июня этого года? Именно с таким вопросом Строганова встретил расстроенный Ливанский, стоило тому подойти к проходной здания на Петровке. Режиссера сопровождал Михаил Ястребов.

— Что же теперь с нашим фильмом, Павел Сергеевич? Уму непостижимо — второй фильм срывается из-за этого Прижогина.

— Прижогин-то тут при чем? — рассудительно заметил журналист. — Человек просто делает свое дело — и профессионально делает, между прочим. А вот кто подставляет тебя и Ольгу, кому вы мешаете — вот главный вопрос!

— Объясните мне, хотя бы вкратце, в чем дело? — попросил Строганов.

Поскольку Ливанский был слишком возбужден и курил одну сигарету за другой, Ястребов взял это на себя и четко, буквально в двух словах, обрисовал ситуацию.

— Вы уже говорили со следователем?

— А что толку? — вскинулся Ливанский. — Он талдычит одно: «Я не имею права ее отпускать, поскольку она подозревается в покушении на убийство». А тут еще этот яд откуда-то взялся! Ведь это же бред, что Ольга хотела кого-то отравить. Ей явно подложили проклятый пузырек! Что же делать, Павел Сергеевич, что делать? Черт, ведь все шло так хорошо — и сценарий замечательный, и средства были...

— А что, если мы попросим Прижогина отпустить ее под залог? По новому законодательству это вполне допускается. Уж перед ста тысячами долларов они не смогут устоять, а?

— Замечательная мысль! — тут же загорелся Ливанский. — Пойдемте, я позвоню из проходной, чтобы он снова заказал нам пропуска.

Ястребов с сомнением пожал плечами, но послушно повернулся к двери. И тут она сама открылась им навстречу, и на улице появился озабоченный следователь.

— Ага, Леонид Иванович, вот и вы! — оживленно заговорил Ливанский. — А мы снова к вам...

— Таки сработала вторая половина пузырька! — то ли с радостью, то ли с упреком, вдруг заявил Прижогин, пожимая руку Строганова.

Ливанский застыл с открытым ртом, Ястребов удивился про себя странному слову «таки», а Строганов мгновенно меняясь в лице, предположил:

— Что, опять что-то случилось?

— Да, и на этот раз убили вашего товарища. Отравили прямо на квартире и наверняка тем же самым ядом.

— Какого товарища? — испуганно пролепетал Ливанский, на которого было жалко смотреть.

— Да сценариста вашего, Георгия Алексеевича Давыдова...

Глава 9.

«... Дания»

— Так вы уверены, что Давыдов отравлен? — спросил Ливанский.

Все трое — он, Ястребов и следователь — направлялись на квартиру Давыдова, где уже работали эксперты. Строганов уехал по делам, а режиссер и журналист напросились за компанию к Прижогину, предложив ему не дожидаться служебной машины, а воспользоваться «БМВ» Ливанского.

— Нет, только предполагаю, — нехотя ответил Леонид Иванович. — Домработница нашла его на полу посреди комнаты. От чего еще человек, находясь у себя дома, может внезапно рухнуть на пол? Отравление или инфаркт...

— Проклятье! — не удержался Ливанский. — Неужели и с этим фильмом ничего не получится? — Он искоса, с мольбой, взглянул на следователя. — Хоть Ольгу-то вы под залог отпустите? Леонид Иванович!

— Эх, ребята, ребята, — повертел головой Прижогин и после тяжелого вздоха добавил: — Я подумаю.

Машина въехала во двор и остановилась рядом с милицейским «газиком» и «скорой». Прижогин, здороваясь на ходу, так быстро прошел в подъезд, что Ливанский и Ястребов за ним едва поспевали.

В квартире Давыдова находился молодой лейтенант, двое экспертов в одинаковых серых костюмах и старая полная женщина с заплаканными глазами. Тело хозяина уже вынесли, оставив на полу обведенный мелом контур.

— Классическое отравление, — пожимая руку Прижогина, сказал один из экспертов. — Состав яда установим после вскрытия. Сохранилась еще пустая рюмка со следами коньяка, но, думается, что отпечатки на ней будут принадлежать хозяину.

— Где эта рюмка?

— А вон, на столе, рядом с бутылкой.

Пока Прижогин внимательно рассматривал рюмку, склонившись над ней с видом завзятого алкоголика, Ливанский и Ястребов осторожно топтались за его спиной, обводя взглядом знакомую гостиную.

— Что вы там шепчетесь? — не поворачиваясь, поинтересовался Прижогин.

— Картина исчезла. — И Ливанский кивнул на пустое место, зиявшее над диваном.

— Да, верно, домработница уже говорила, — спохватился лейтенант. — Там висел портрет какой-то женщины...

— Теруань де Мерикур, — уточнил Ястребов. — Историческая ценность, между прочим. Французский оригинал восемнадцатого века.

— Интересно, — выпрямился Прижогин. — А хозяин не собирался ее продавать?

— Ой, что вы! — всплеснула руками домработница, которая незаметно появилась в дверях, но не решалась переступить порог. — Да Георгий Алексеевич никогда бы ее не продал!

— Почему?

— Он очень дорожил этой самой Теруань и разрешал мне стирать с нее пыль только в своем присутствии.

— И когда вы последний раз видели эту картину?

— Когда последний раз приходила, тогда и видела.

— И все же, когда? — терпеливо повторил следователь.

— Дня три назад.

— Так-так. — Прижогин подошел к старому серванту с двумя рядами стеклянных полок. На первой из них красовался большой темно-красный стеклянный графин, по обе стороны которого выстроились такого же цвета рюмки. На второй полке стояли бокалы для шампанского, серебряный кофейный прибор на шесть персон и множество хрустальных рюмок.

Прижогин, осторожно взявшись за нижнее ребро дверцы, открыл сервант, несколько минут изучал рюмки, а затем подозвал одного из экспертов.

— Вот что, Сережа, хорошо бы проверить — нет ли среди этих рюмок хотя бы одной свежевымытой, аналогичной той, что на столе. Ведь вы же не каждый день стирали там пыль? — обратился он к домработнице.

— Нет, раз в неделю, — покачала головой та.

— Отлично. Значит, если хозяин пил коньяк со своим убийцей, то, как минимум, на одной из рюмок не должно быть следов пыли... Это что такое? А ну-ка, не трогать!

Последний окрик был адресован неугомонному Ястребову, склонившемуся над письменным столом и державшему в руке один из листов лежавшей там рукописи. Ястребов мгновенно выпрямился и виновато посмотрел на следователя.

— Леонид Иванович, тут написано нечто интересное...

— Что именно?

— А прочтите сами, это отрывок из сценария.

Прижогин, а за ним и Ливанский, подошли к столу. Ястребов указал пальцем на верхний лист рукописи, и Прижогин, слегка прищурившись, негромко прочитал вслух:

«... Что такое смерть, если она является не своевольно, а по нашему настоянию? Самая милосердная богиня. Есть только две вещи, в которые ты можешь оценить собственную жизнь, — это любовь или идеалы. Сократ показал пример мудрецам, выпив яд во имя идеалов, Ромео и Джульетта — пример возлюбленным. Ведь как просто — удар кинжалом или глоток отравленного вина, и ты устремляешься в сияющую вечность, чтобы соединиться там с теми, кого так любил...»

— Интересно, — закончив читать, машинально пробормотал он.

— Это тем более интересно, что автор умер той же смертью, что и его герой, — несколько напыщенно произнес Ливанский.

— Какой герой?

— Философ Кондорсэ. Георгий Алексеевич играл его роль в моем фильме, вы же были на съемках.

— Ах, ну да, — спохватился следователь. — И что, того тоже отравили?

— Нет, он сам принял яд, чтобы избежать гильотины. А почему вы думаете, что Георгия Алексеевича отравили?

— Самоубийство? — предположил Ястребов, переводя взгляд со следователя на режиссера.

— Вы, юноши, вот что... голову мне не морочьте! — вдруг рассердился Прижогин. — Это мое дело решать — убийство, самоубийство... Из того, что писатель сочинил в сценарии, еще ничего не следует. У него что — были основания для самоубийства?

— Нет! — Ливанский категорично покачал головой. — У нас же еще не отснята его финальная сцена — сцена самоубийства!

— Ну, — усмехнулся следователь. — Это как раз ни о чем не говорит. Может, он решил порепетировать... Кстати, а враги у него были?

Ливанский и Ястребов переглянулись и красноречиво пожали плечами.

— Что вы, товарищ следователь, — вмешалась домработница, — Георгий Алексеевич был золотой души человек! Вежливый, тихий, интеллигентный...

— Какие могут быть враги у преподавателя университета и сочинителя исторических романов? — добавил Ястребов. — Насколько я знаю, он и из дома-то выходил только на занятия.

— А с какими-нибудь женщинами он общался? С бывшей женой, например?

— Георгий Алексеевич не был женат, и никаких женщин у него никогда не было! — Судя по запальчивости, домработница искренне полагала, что отстаивает честное имя своего хозяина.

— Ну, не верю я в самоубийство! — буркнул следователь. — Это для дураков и бездельников жизнь слишком длинна, а ученым людям, наоборот, всегда не хватает времени... Тот же Сократ, насколько я помню из истории, выпил свой яд не добровольно, а по приговору суда. Кстати, я почти уверен, что яд, которым отравили Давыдова, окажется тем же самым, что и во флаконе вашей актрисы. Между прочим...

— Нет-нет, — поспешно перебил его Ливанский. — У них были исключительно дружеские отношения, да и встречались они только на съемочной площадке.

— Гм! — Прижогин выразительно посмотрел на режиссера. — Тогда остается предположить, что кому-то опять помешал ваш новый фильм. Что-то вам, Альберт Никандрович, не везет — как ни съемки, так криминал.

— Пора переходить на работу в театр! — не выдержал язвительный Ястребов.

— А может, вам последнее время кто-нибудь угрожал? — продолжал допытываться Прижогин у понурившегося режиссера. — Может быть, имеются какие-то недоброжелатели, которым вы могли перейти дорогу?

— Угрожать — не угрожали, а насчет недоброжелателей не знаю, — неуверенно пробормотал режиссер. — Какие недоброжелатели?.. Зачем?

— Придется поподробнее ознакомиться с вашим новым фильмом, — заключил следователь. — Вы уж тогда хоть подождите со съемками следующего, дайте мне время разобраться с двумя предыдущими.

— Шутить изволите? — вспыхнул Ливанский. — Очень бестактно с вашей стороны, смею заметить!

— Да какие шутки... — начал было Прижогин, но тут, выйдя из коридора, в разговор вмешался один из экспертов.

— Леонид Иванович, там, на автоответчике, осталось кое-что любопытное.

— Пойдем, послушаем, — тут же откликнулся следователь, и вся компания переместилась в прихожую, где стояла тумбочка с телефоном.

Эксперт нажал кнопку воспроизведения, и все затихли, прислушиваясь к каким-то шорохам и шумам непонятного происхождения. Лишь однажды, среди всевозможных помех, вдруг возник мужской голос, четко произнесший одно-единственное слово: «дания».

— И все?

— Все, — подтвердил эксперт, выключая автоответчик.

— Ну-ка, перемотай еще раз, а вы, — следователь повернулся к домработнице и обоим приятелям, — внимательно послушайте, не знаком ли вам этот голос?

Снова шумы и помехи, а затем четкое слово: «дания».

— Ну, что?

— Мне не знаком, — твердо сказал Ливанский, а домработница пожала плечами и покачала головой.

— А может, это окончание слова «до свидания»? — предположил Ястребов.

— Или здания, предания, ожидания, — согласился Прижогин. — Быстро соображаешь, газетчик.

— Мы вам больше не нужны? — вдруг спросил режиссер, словно спохватившись.

— Вы мне и меньше не нужны, сами напросились, — буркнул следователь.

— Ну, тогда мы спустимся к машине, покурим.

— Валяйте.

Воспользовавшись этим разрешением, Ливанский выразительно подмигнул ничего не понимающему Ястребову, увлекая его к выходу.

— Что за дела? — возмутился тот, когда оба оказались в лифте. — В квартире не мог покурить?

— Заткнись, осел неугомонный. Ты меня погубить решил своей простотой?

— Не понял?

— Сейчас сядем в машину, и я тебе все растолкую, — энергично пообещал Ливанский, а Ястребов меланхолично пожал плечами, удивляясь внезапному преображению своего приятеля.

— Так вот, сообразительный ты наш, — возбужденно заговорил Ливанский, когда оба уже сидели в «БМВ» и жадно курили. — Начнем с того, что Георгий Алексеевич был классный мужик, и мне его чертовски жаль. Я абсолютно уверен в том, что он был очень заинтересован в нашем фильме. Понимаешь, очень заинтересован!

— И что дальше?

— А то, что фильм надо отснять до конца. Сценарий Давыдова, в одной из главных ролей — Давыдов, так что хоть во имя Георгия Алексеевича надо обязательно это сделать! А в титрах мы поставим посвящение.

— И кто против?

— А против разные квазисообразительные ослы, которые из кожи лезут, чтобы хоть случайно, да натолкнуть следователя на верный след. Ты думаешь, я не понял, что у тебя все время вертелось на языке и что ты чуть было не брякнул Прижогину? В этом фильме больше всего заинтересован его спонсор — Строганов, значит, убийцами сценариста могли стать его враги или конкуренты. А у такого крупного бизнесмена, да еще вознамерившегося стать политиком, и тех и других...

— Ты думаешь, Прижогин настолько глуп, что сам до этого не додумается?

— Додумается, обязательно додумается, но зачем же его торопить? Ведь каждый лишний день — это отснятая сцена, а то и две! Снимем все до конца, и я первый скажу ему, чей голос на автоответчике произносит слово «дания».

Ястребов изумленно присвистнул.

— Ты узнал голос?

— Еще бы не узнать, если я каждый день его слышу, — буркнул Ливанский и, выкинув окурок в окно, тут же потянулся за новой сигаретой. — Могу и тебе сказать, если ты...

— Все понял, согласен, буду вести себя, как скажешь!

— Это Заславский.

— Ну и ну! Но какие у него могли быть дела с Давыдовым?

— Не знаю, да и знать пока не хочу. Все это могло быть чистой случайностью — позвонил, чтобы посоветоваться по поводу своей роли, текст потерял, мало ли что еще... Главное в другом — если об этом узнает Прижогин, то я лишусь уже третьего главного персонажа, и фильму — конец. А пока — ты же сам слышал — он обещал отпустить Ольгу под залог.

— Он обещал подумать, — уточнил Ястребов.

— Неважно, уговорим. Эпизоды с Давыдовым почти все сняты, осталась сцена самоубийства в тюрьме. Но уж тут что-нибудь придумаем — темная камера, Кондорсэ грязен и небрит, так что, найдем подходящего дублера.

— А Прижогин отпустит Ольгу после того, как выяснится, что Давыдов отравлен тем же ядом, который был найден у нее в сумочке? — засомневался Ястребов.

— С чего ты взял, что это один и тот же яд? Осел! — Ливанский негодующе оглянулся на репортера. — Как Ольга могла кого-то отравить, если уже несколько дней находится в камере? Разве что зомбировала Георгия Алексеевича, а потом поделилась с ним своим ядом. Дарю идею для статьи в газете «Скандалы».

— Ну, хорошо, с этим ясно. Но как быть со сценарием? Ведь Давыдов только приступил к его переделке, и ты сам видел, на какой сцене он остановился.

— Сценарий допишешь ты!

Глава 10.

«Дорогая Элизабет!»

Однако на следующий же день после того, как съемочной группе Ливанского стало известно о смерти Давыдова, неожиданно выяснилось, что на роль сценариста всерьез претендует еще один человек.

«... — О нет, оставьте меня, — вся пылая, говорила Элизабет, — я не верю в вашу любовь! Не надо брать меня за руку, и уж тем более не смейте меня раздевать!

— Дорогая Элизабет, — с горечью отвечал Ричард, — ты и не представляешь себе, какой вред моей цветущей юности причиняешь своим жестоким отказом! Ведь перевозбуждение «полового центра», который регулирует выделение гипофизом гонадотропных гормонов, стимулирующих половые железы, может нарушить новый цикл, в результате чего у меня появляется шанс навсегда лишиться драгоценной способности к воспроизведению потомства. Кроме того, у меня может развиться кислородное голодание и даже инфаркт, ввиду чрезвычайно быстрого поглощения кислорода моим тоскующим и любящим сердцем. Что уж говорить о том, что под совместным действием кортикотропина, кортизола и гормона роста у меня повышается свертываемость крови и может возникнуть тромбоз сосудов, не говоря уже о проклятом инфаркте.

Пожалей же меня и не обрекай на такие страшные болезни!

— Но, дорогой Ричард, — возражала хитроумная Элизабет, не хуже него разбиравшаяся в медицине, — ведь в результате воздействия ваших пламенных речей и меня может охватить такое же волнение. В этом случае мой организм, который вам так нравится, начнет реагировать на вас, как на стрессора, аналогичным образом, поэтому своим вынужденными отказом я и себя подвергаю не меньшей опасности!»

— И это вы считаете своим лучшим рассказом? — Ливанский смотрел на Балашова, с трудом сдерживая смех. Нет, надо будет обязательно сохранить у себя это «Волненье страсти нежной» для Ястребова. То-то порадуется графоман.

— А что? — подозрительно поинтересовался актер.

— Как что, Константин Иванович! Я понимаю, что это фантастика, но неужели вы думаете, что в следующем веке в любви будут признаваться столь диким образом, попутно рассказывая возлюбленной о физиологических процессах своего организма? Дичь какая-то получается!

— Ничего не дичь, — зло огрызнулся Балашов. — Каждый писатель имеет право на литературный эксперимент. В конце концов, если вам не нравится моя фантастика, я могу принести и более традиционные вещи.

— Не стоит, Константин Иванович, — мягко заметил Ливанский, внимательно следя за напряженным выражением лица этого невзрачного человечка. — Оставайтесь лучше актером, тем более, что роль Робеспьера у вас получается неплохо... А сценариста я уже нашел.

— Небось, Ястребова?

— Это уж, извините, не ваше дело!

— Ну, хорошо, хорошо, — вдруг униженно забормотал Балашов, поднимаясь со своего места. Тогда давайте хоть восстановим сцену в Конвенте: Робеспьер — Кондорсэ. Ведь это же важнейшая сцена, столкновение двух мировоззрений, двух конституций, двух взглядов на революцию...

— Константин Иванович! — с ласковым укором прервал его режиссер. — Вы уже забыли о постигшем нас несчастье?

— Каком несчастье?

— Ну, здравствуйте... Кто будет играть Кондорсэ, если Георгия Алексеевича уже нет?

— Ах, ну да, верно, — спохватился Балашов. — Действительно, очень жаль, очень жаль...

В его голосе проскользнули столь неискренние нотки, что Ливанскому поневоле пришла в голову одна странная мысль...

— Кстати, Константин Иванович, а каким образом вы так быстро узнали о несчастье с Георгием Алексеевичем? Ведь я сказал об этом съемочной группе всего час назад. А у вас, оказывается, уже и рукопись была с собой... Получается, что вы знали об убийстве еще до выхода из дома?

— Мне сообщил об этом Виталий Заславский, — с неожиданным спокойствием ответил Балашов. — Он позвонил мне сегодня утром, вот я и подумал, что вам могут понадобиться мои услуги...

«Заславский! — тут же вспомнил голос на автоответчике режиссер. — Неужели этот хмырь действительно имеет какое-то отношение к смерти Давыдова? Ну, и дела, с кем я работаю!»

— Так что, Альберт Никандрович, значит, я могу идти?

— Да-да, конечно. До свидания, Константин Иванович.

Балашов вышел из павильона и не спеша миновал длинный коридор, вежливо поздоровавшись со знакомым гримером. Затем спустился в гардероб, оделся и вышел на улицу. Размышляя о чем-то своем, он рассеянно попрощался с вахтершей, миновал проходную и только теперь вспомнил, что забыл у Ливанского рукопись. Остановившись, хотел было повернуть назад, но затем махнул рукой и направился к остановке.

Дождавшись автобуса, он доехал до ближайшего универсама. Балашов действовал быстро и четко, как человек, принявший решение. В кондитерском отделе купил торт «Птичье молоко», а затем, найдя отдел посуды, приобрел большую фарфоровую чашку с блюдцем, расписанные алыми розами.

Выйдя на улицу, он остановился у овощного ларька, несколько минут колебался, а потом, решившись, приобрел один кокос, неловко сунув его под мышку.

Через полчаса Балашов уже входил в подъезд своего дома, бережно неся в руках торт и бумажный пакет с блюдцем и чашкой, перевязанный розовой ленточкой. Кокос то и дело норовил выскользнуть, и ему было очень неудобно, стоя перед своей дверью, доставать ключ. Однако помня о том, что соседка терпеть не может открывать на звонки, он прижал кокос подбородком к груди и, ежась от его волосатой шероховатости, открыл замок сам.

— Галина Владимировна, — позвал Балашов, войдя в прихожую и закрыв за собой дверь. — Вы дома?

Из-за двери в комнату соседки послышалось какое-то шуршание, а затем раздался дребезжащий старушечий голос:

— Чего тебе, изверг?

— Выйдите на минутку, я хочу вам кое-что сказать. Посмотрите, что я вам купил.

— Сам смотри, ничего мне от тебя не надо, — пробурчала старуха, но через несколько секунд все-таки приоткрыла дверь и высунула голову с разметанными прядями жидких волос.

— Посмотрите, я купил вам новую чашку вместо той, что случайно разбил. Выходите, будем пить чай с тортом. Ваш любимый — «Птичье молоко».

Старуха, подозрительно косясь на Балашова, открыла дверь еще шире.

— А это что такое? — поинтересовалась она, тыкая скрюченным пальцем в кокос, лежавший на подзеркальнике.

— Райское наслаждение!

Тем временем Ливанский, оставшись один, окончательно запутался. Теперь он уже был готов подозревать всех и вся, в том числе и своего недавнего собеседника, чья рукопись продолжала лежать на столе. А что если перед ним — еще одна вариация на тему «Моцарт и Сальери»? Ведь тот же Балашов всегда относился к Давыдову с откровенной неприязнью. Что если это зависть графомана к талантливому писателю? Посредственного дилетанта к одаренному? Но тогда при чем здесь Заславский? Если бы не его голос, оставленный на автоответчике, к словам Балашова можно было бы отнестись с подозрением. Но что за странная пара — а ведь он даже не знал об их приятельских отношениях!

Не зная, на что решиться, Ливанский докуривал уже третью сигарету, когда в павильоне послышалось тяжелое цоканье каблуков, а вслед за ним и голос секретарши — весьма массивной дамы в очках.

— Альберт Никандрович, — увидев режиссера, произнесла она с кокетливой грацией слонихи. — Вас просят подойти к телефону.

— Кто? — хмуро поинтересовался Ливанский.

— Следователь Прижогин.

«О черт, начинается! Почувствовал, что я о нем думаю, вот и решил форсировать события. Неужели он уже вышел на Заславского? А вдруг надумал отпустить Ольгу?»

Ливанский быстрым шагом пересек павильон, заскочил в комнату секретарши и, запыхавшись, поднял трубку.

— Здравствуйте, Леонид Иванович. Что-нибудь новенькое?

— Добрый день, Альберт Никандрович. Вы хорошо помните картину, о которой мы вчера говорили?

— Какую картину? — Логика следователя была абсолютно непредсказуема, поэтому Ливанский не сразу сообразил, о чем идет речь.

— Портрет Теруань, похищенный из квартиры Давыдова. Дело в том, что его домработница слегла с высоким давлением, Ястребова я найти не могу, а мне срочно требуется человек, который мог бы опознать картину.

— Что, вы ее уже нашли?

— Она сильно повреждена, но, судя по всему, похожа на ту, о которой вы мне вчера говорили. Поэтому мне и требуется ваша помощь. Вы не могли бы сейчас подъехать к гостинице «Университетская»?

— Да, могу, — поспешно согласился Ливанский. — А куда именно?

— К самому входу. Там уже собралась толпа и вы легко сориентируетесь.

— Какая толпа, почему?

— Когда вас ждать? — Прижогин был на редкость выдержанным человеком и, по всей видимости, его нисколько не раздражали бестолковые вопросы режиссера.

— Через десять, самое большее, пятнадцать минут.

— Хорошо, — и следователь повесил трубку.

— Что-нибудь серьезное? — проворковало сочное контральто так близко от уха, что режиссер вздрогнул.

— Нет, ничего, — сухо ответил он, обходя секретаршу и стараясь при этом не задеть ее выпяченный бюст. — До свидания.

Ответом ему послужил глубокий и томный вздох.

Ливанский сдержал свое слово и уже через пятнадцать минут подкатил к «Университетской». Толпа была небольшой, человек пятнадцать зевак, не считая нескольких милиционеров, двух врачей и одной медсестры, двух фоторепортеров, а также трех людей в штатском, среди которых режиссер сразу узнал Прижогина.

Любопытные уличные зеваки без особого страха рассматривали продырявленный пулями «форд-скорпио» и застывший на переднем сиденье труп водителя, вцепившийся в руль окоченевшими пальцами. В двух метрах от открытой задней дверцы лежал еще один человек — нелепо раскинутые ноги, распахнутая на груди дубленка, сбившийся пиджак и задранная рубашка, из-под которой торчал толстый обнаженный живот. Голова человека была прикрыта его же собственным шарфом.

— Приехали? — деловито осведомился Прижогин, подходя к Ливанскому, который объяснялся с милиционером, картинно положившим руку на ствол висевшего через плечо автомата. — Идите-ка сюда. — Он подвел режиссера к бело-голубой милицейской машине с алой эмблемой Георгия Победоносца на передней дверце. — Садитесь на переднее сиденье и постарайтесь рассмотреть картину повнимательнее.

Ливанский кивнул и, сев рядом с невозмутимо курившим водителем, повернулся назад. Портрет стоял на заднем сиденье, но... Вместо лица зияла глубокая рваная дыра, по краям которой свешивались обрывки холста. Да, женщина была в шляпе с перьями и красном платье. Кажется, у нее была обнажена правая грудь, но даже об этом трудно было судить наверняка, поскольку как раз посередине портрета проходили четыре крупных пулевых отверстия. Собственно говоря, это был уже не портрет, а какие-то торчавшие из рамы лохмотья холста. Складывалось такое впечатление, что его сначала изрешетили из автомата, а потом еще ударили ножом в лицо. Но рама была явно старая, антикварная.

— Ну, что? — поинтересовался Прижогин, когда режиссер выбрался наружу.

— Не знаю, Леонид Иванович, она так изуродована... В принципе, сходство с той картиной есть — платье, шляпа. Если бы ее удалось отреставрировать... хотя, по-моему, это уже нереально.

— Значит, вы не можете сказать ничего определенного?

— Боюсь, что нет. Хотя, — Ливанский наморщил лоб, — я всегда гордился своей зрительной памятью и сейчас вспоминаю... Мне кажется, что на том портрете у дамы была обнажена левая грудь, а на этом — правая.

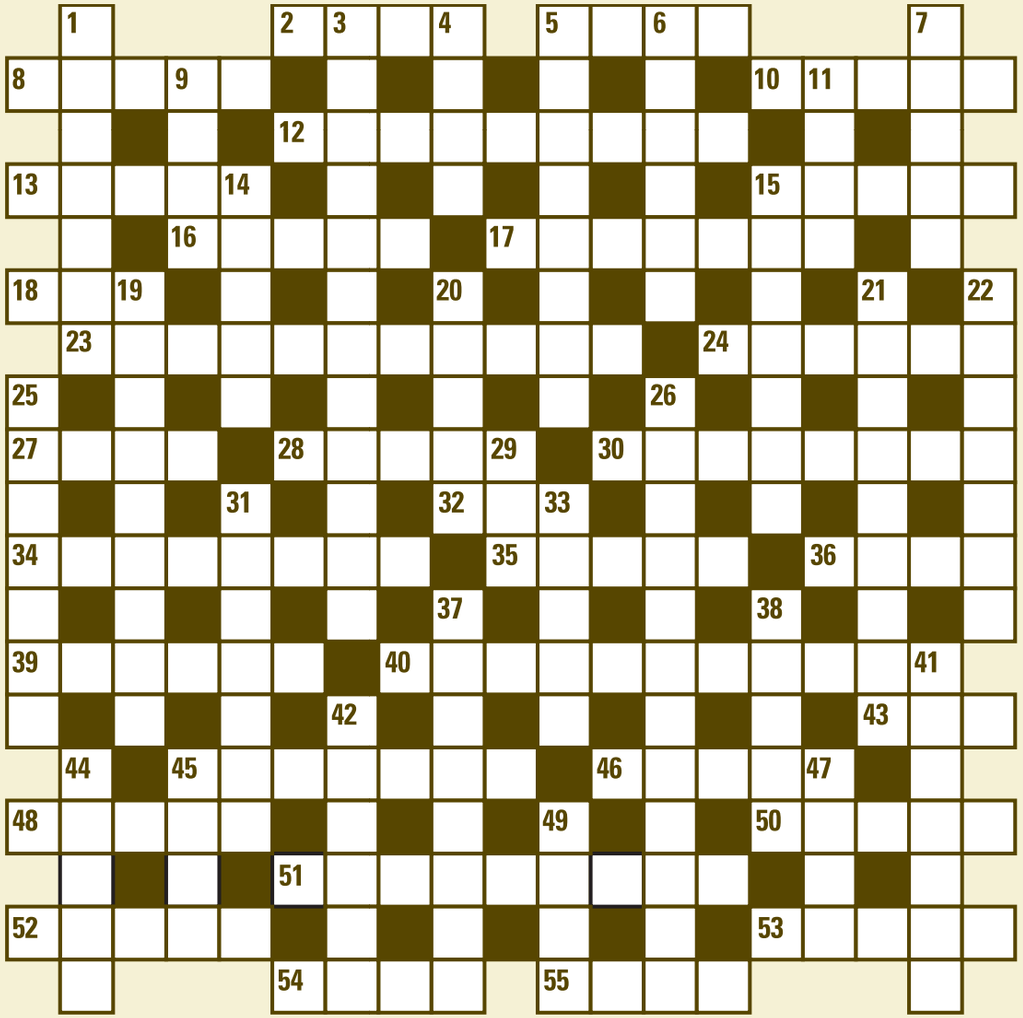
— Значит, не она?

— Я могу ошибаться, — честно предупредил Ливанский. — В конце концов, завтра я найду и пришлю к вам Ястребова. Это действительно так важно?

Прижогин с такой иронией взглянул на режиссера, что тот смешался, почувствовав себя идиотом. Ну, разумеется, если эта картина — из квартиры Давыдова, то, вполне вероятно, что один из его убийц уже закончил свой путь здесь, у гостиницы «Университетская», досыта наглотавшись свинца. Ливанский вдруг с такой отчетливостью представил себя лежащим у колеса собственного «БМВ», что ему стало страшно. Щека в луже, остекленевшие глаза и отлетающая к Богу душа, взирающая сверху на свое несчастное окровавленное тело...

— Ну, хорошо, — протянул ему руку следователь. — Спасибо за помощь. Будем искать дальше... ❑

Окончание следует.



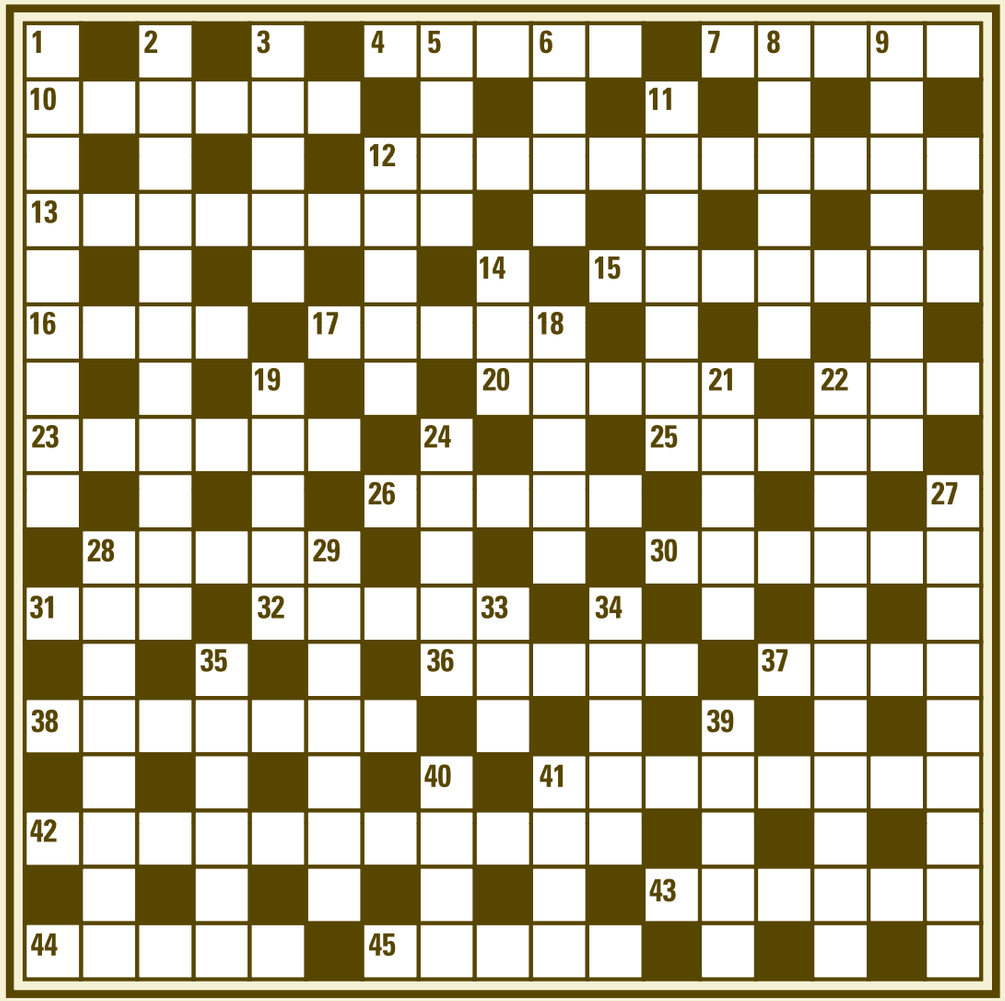
По горизонтали. 2. «Состояние, в котором двое не могут жить ни друг с другом, ни друг без друга (М. фон Эбнер-Эшенбах). **5.** Самый известный Микки. **8.** «Способ развязывания зубами политического узла, который не поддается языку (А.Бирс). **10.** Самая цветущая богиня. **12.** Подвижник в метро. **13.** Герой, прославивший на весь мир лондонскую улочку Бейкер-стрит. **15.** И без того осёл, а он еще и дикий. **16.** Место, где дули коньяк лектор и художник в кинокомедии «Карнавальная ночь». **17.** «Мудрец» из сказки М.Салтыкова-Щедрина. **18.** Нетерпение, заставляющее ввязаться в авантюру, а потом чесаться. **23.** Оптимист, по специальности готовый устранять неисправности самолета в воздухе. **24.** Время «лихорадки разума», по Ф.Ларошфуко. **27.** Окосевший квадрат. **28.** Почтальон в древности. **30.** Дедушка стандартизации. **32.** Легкое у кузнечного горна. **34.** Качество человека, способного не только откликнуться на чужие проблемы, но порой и перекладывать их на собственные плечи. **35.** Нынешнее «сукно» для долгих дел. **36.** «Вольница душ, израненных обществом» (Ж.Пети-Сенн). **39.** Если дареный конь показал зубы — значит, новый … ему не нравится. **40.** «Эскимосы получают теплые квартиры и должны работать, чтобы купить холодильник» (суть шутки Г.Лауба). **43.** Ъ. **45.** Один из музыкантов, играющий в дуэте пастушков («Пиковая дама» П.Чайковского). **46.** Крылышками бяк-бяк-бяк. **48.** Полководец, убедительно сыгранный М.Ульяновым. **50.** Фамилия шести французских живописцев, в том числе «Таможенника». **51.** Голозабиватель. **52.** Один из семи греческих мудрецов с изречением: «Думаю, затем действую». **53.** Сторона в архитектурном смысле, которой герой сказки просит повернуться к нему избушку на курьих ножках. **54.** Дубина и с сучком, и с задоринкой. **55.** Крылатый дух, помощник добрых фей.

По вертикали. 1. Поэт Серебряного века, уже в молодости знавший наизусть почти всего Н.Некрасова. **3.** Качество, верх которого: потерявшись в толпе, пойти в полицию и сообщить свои приметы. **4.** Судьба, постигшая банк, где плакали ваши денежки. **5.** Отличный пример правящего меньшинства. **6.** «Палка с крючком на одном конце и дураком на другом» (У.Хэзлитт). **7.** В «Евгении Онегине» не раз упомянуты карманные часы со звоном (французский мастер, их фабрикант). **9.** По юмористу, в наши дни … чаще всего сияет над головой безголовых. **11.** «Привычка отдыхать прежде, чем утомишься» (Ж.Ренар). **14.** Семейное торжество с точки зрения иной хозяйки. **15.** Вторая по многоводности река Американского континента. **19.** Диктатура окостеневших мыслей. **20.** Верхний этаж для русских затворниц. **21.** Желание с хвостиком и рожками. **22.** Азиатская страна, где к Новому году обязательно покупают шляпу. **25.** Белее молока она цветет, коричневый давая пчелам мед. **26.** Качество человека, который, покупая рубашку, оценивает ее и как будущую половую тряпку. **29.** Крестьянское орудие, в 1812 году ходившее по головам и спинам французов. **31.** «Ждали от … пенья соловьиного; услыхали … — ничего особенного» (сочинитель автоэпиграммы). **33.** Глава мусульманской общины, замещающий посланника Аллаха. **37.** Столица, где в церкви Санта-Мария ди Белен лежит прах Васко да Гамы. **38.** Австрийский композитор, считавший, что содержание музыки — человек «чувствующий, мыслящий, дышащий, страдающий». **41.** Киевский князь на украинской купюре в 2 гривны. **42.** Француженка, самая скучная из писательниц мира, по Ю.Нагибину. **44.** Скульптор, земляк М.Ломоносова, изваявший замечательную статую ученого. **45.** Пионерский будильник с трубным гласом. **47.** «Столовый» шароприемник. **49.** Французский художник, автор лучшего портрета Франциска I.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали. 1. Чиновник. **5.** Хеопс. **11.** Толки. **12.** Шланг. **13.** Подозрительность. **16.** Домино. **17.** Он. **18.** Удьба. **19.** Кускус. **22.** Пипа. **24.** Евро. **25.** Стихия. **26.** Кур. **28.** Мразь. **29.** Беко. **30.** Астра. **33.** Рассказ. **36.** Толедо. **39.** Ад. **40.** Коагулянт. **43.** Осел. **44.** Филер. **46.** Ряд. **48.** Реорганизация. **49.** Убрус. **50.** Жох. **52.** Друг. **54.** Бакст. **57.** Чудо. **58.** Фрау. **59.** Ртищев. **60.** Такт. **61.** Фрукт. **62.** Кити. **63.** Роды. **64.** Гаршин.

По вертикали. 1. Чапек. **2.** Нудистка. **3.** Воздух. **4.** Илим. **5.** Холоп… **6.** Ель. **7.** Окно. **8.** Пионер. **9.** Эльдорадо. **10.** Снобизм. **11.** Тенирс. **12.** Штурм. **14.** Росинка. **15.** Тип. **20.** Усердие. **21.** Киоскер. **23.** Акр. **27.** Уатт. **30.** Азу. **31.** Туя. **32.** «Юлия». **34.** Сорго. **35.** Агент. **37.** Остроумие. **38.** Злословие. **39.** Афродита. **41.** Лузга. **42.** Нацистка. **45.** Ловушка. **46.** Ряж. **47.** Дух. **51.** … орехи. **53.** Ярмо. **54.** Буфы. **55.** Круг. **56.** Титр.



По горизонтали. 4. Первый русский улей. **7.** Растение, чье мочало в США использовали в бронетранспортерах и в стальных солдатских шлемах. **10.** Древнегреческий софист и языковед, основатель синонимики. **12.** «Деятельность души, которой она осознает сама себя и остальные вещи вне себя» (Х.Вольф). **13.** Девушка или юноша в Древней Греции, приносивший в день свадьбы жениху и невесте воду из священного источника — крены (отсюда, по-видимому, наша «криница»). **15.** Итальянский естествоиспытатель, основоположник современной анатомии. **16.** Шотландская одежда, у нас лежащая на кровати. **17.** Жена старшего брата у казахов. **20.** Название хорвата на Руси. **22.** Телеканал, помешавшийся на мыльных операх. **23.** Многоэтажный жилой дом в Древнем Риме с квартирами, сдаваемыми внаем. **25.** Фамусов: «А наши старички? — Как их возьмет …, засудят о делах, что слово — приговор» («Горе от ума»). **26.** Русский художник, известный иллюстрациями «Пиковой дамы» А.Пушкина, «Анны Карениной» Л.Толстого, «Республики Шкид» Г.Белых и Л.Пантелеева. **28.** Сельхозпредприятие в Израиле, похожее на наш колхоз, но лучше организованное и более продуктивное. **30.** И сорт дынь, и отороченная мехом шапка на Руси. **31.** Напиток из листьев ближайшего родича камелии. **32.** Роющая оса, парализующая кузнечика либо полевого сверчка, чтобы отложить в него яйцо. **36.** Разгромивший Аттилу полководец, которого называют «последним римлянином». **37.** Русское название востока в давние времена. **38.** Игрок на инструменте, названном по имени древнерусского певца. **41.** Азиатская лиана, взбирающаяся даже на самые высокие деревья, развешивая яркие кувшины до полуметра длиной; это и ловушки насекомых, и «желудки» для их переваривания. **42.** Страна, «пробка в сосуде, содержащем богатства бассейна Каспийского моря и Средней Азии» (З.Бжезинский). **43.** Русский живописец, близкий к «Голубой Розе», участник «Русских сезонов» С.Дягилева в Париже. **44.** Самоцвет, бывший в древности камнем Сатурна, олицетворявшего зиму и холод. **45.** Игра, за которой принц Уэльский изобрел манжеты.

По вертикали. 1. Человек, у которого отмечен самый большой пока взвешенный мозг (2850 грамм), по недугу. **2.** Русский писатель, заметивший: «Реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опасней самой безумной фантастики, потому что слеп». **3.** Ткань, в русской литературе впервые упомянутая А.Чеховым в «Руководстве для желающих жениться». **5.** Морской десятиног, живущий 50 лет. **6.** Обладательница скорости света. **8.** Римский поэт-сатирик. Утверждавший: если хотите, чтобы в доме был мир, не позволяйте теще давать вам советы. **9.** Врач-«чахоточник». **11.** Представитель субэтнической группы евреев — выходцев из Германии. **12.** Русский архитектор, чей неорусский стиль окрестили «петушиным». **14.** Немецкий композитор и дирижер, автор речитативной комической оперы «Ревизор» (по Н.Гоголю). **18.** Церковная реформа Никона по отношению — по большому счету — к старообрядчеству. **19.** Русский химик, открывший рутений. **21.** Автор песни «Джанаганамана», ставшей в 1950 году государственным гимном Индии. **22.** Человек, сбивающий других с правильного жизненного пути, а особенно женщин. **24.** Плащ дервиша. **27.** «Тайный герой» в поэме Р.Киплинга «Ложа-Мать». **28.** Русский историк и писатель, сказавший: «Патриотизм требует рассуждения». **29.** Советский композитор и дирижер, как пианист участвовавший в первом исполнении в СССР «Рапсодии в блюзовых тонах» Д.Гершвина. **33.** Титул рыцаря, а позже баронета, в Англии. **34.** Русская княгиня (урожденная Буксгевден), чей салон в Париже, где ее называли Эгерией Гизо, соперничал с салоном мадам Рекамье. **35.** Мифический зверь, который в Голубиной книге «ходит по подземелью, словно солнышко по поднебесью». **39.** Снимать … — брать себе лучшее, самое выгодное. **40.** Средоточие массы атома. **41.** Царь из «Махабхараты», проигравший в кости свое царство (у Н.Гумилева он проиграл жену Дамаянти).

ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали. 1. «Одиссея». **7.** Спорт. **10.** Завия. **11.** Иммунитет. **12.** … Грета. **13.** Томат. **15.** Месса. **19.** Уровень. **20.** Раус. **22.** Серум. **23.** Генсфлейш. **27.** … ярем … . **29.** Ка. **30.** Типун … . **31.** Йозеф. **33.** Унтер. **34.** Кю. **36.** Цейс. **37.** Бочкарева. **40.** Тирон. **41.** Догу. **42.** Эмерсон. **45.** Лхаса. **48.** Вирус. **51.** Учеба. **52.** Чакравака. **53.** Химия. **54.** Ладья. **55.** Алексей.

По вертикали. 2. Домье. **3.** Скунс. **4.** Елим. **5.** Шатов. **6.** Жирау. **8.** Перевал. **9.** Рутений. **10.** Зет. **14.** Треск. **15.** Масштаб. **16.** Скрипач. **17.** Армянка. **18.** Тупей. **21.** … перец … . **24.** Фаустул. **25.** Евтерпа. **26.** Шеренга. **28.** «Молво». **32.** Федот. **35.** Юрлов. **38.** Отмычка. **39.** Корабль. **43.** Низия. **44.** Фучик. **46.** Хивок. **47.** Сукре. **49.** Сая. **50.** Орел.

Э. Гилберт

Есть, молиться, любить

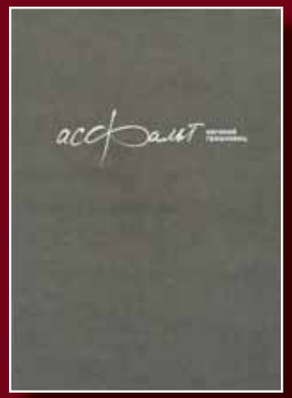
М., «Рипол-классик», 2008

Книга — один из мировых бестселлеров прошлого года. До России она дошла только в нынешнем году. С тем же успехом могла бы появиться и в следующем: это light-философия вне времени и пространства. Перезрелая девушка пытается придти в себя после развода, путешествуя по миру. Среди ее читательниц — не только женщины: Элизабет — колумнист GQ, и умеет писать тексты, интересные для мужчин. До «Есть...» она опубликовала несколько этнографических книг, поэтому описание нравов и обычаев исследуемых стран — Индии, Индонезии и Италии — также дается легко. Подробное описание блюд итальянской кухни и медитативных занятий в индийских ашрумах, ночных тусовок на Бали и этапов бракоразводного процесса в Америке... Чего здесь точно искать не нужно, так это глубоких мыслей и захватывающего сюжета. Возможно, экранизация романа будет поинтереснее — на главную роль уже пригласили Джулию Робертс.

Е. Гришковец

Асфальт

М., «Махаон», 2008



Если бы этот роман написал кто-то иной, его бы тиражом в 50 000 экземпляров не напечатали вовсе. Книга интересна поклонникам творчества Гришковца и литературным критикам. Я, вообще-то, себя отношу к первым. Но от прочтения огорчилась. Это первая крупная форма автора. Как утверждает писатель, теперь он стал оснащенным прозаиком и лишился упоения от этого труда. Это самое большое произведение Евгения Гришковца, с тщательно выстроенной композицией и фабулой. Корм, по сути, был не очень в коня: обилие длиннот и тавтологий убило динамику. Тавтология простительна — роман публикуется в авторской редакции. Душевность Гришковца и его привычная апелляция к коллективному опыту и переживаниям проглядывает через старательно написанный текст, но как-то не очень убедительно. Хотя книга трогательная — о дружбе, любви, жестокости этого мира. Может, попробовать перечитать?

Грег Брейден

Эффект Исайи

М., «Рипол-классик», 2008

Знаете, почему в ноябре 1998 года США решили сесть за стол переговоров, отменив военные действия в отношении Ирака? Благодаря массовой молитве о мире. Не верите? «Будущее определяется коллективным выбором, совершаемым в настоящем. Совместные действия множества людей усиливают эффект квантового скачка и склоняют чашу весов вероятности в нужную сторону», — пишет Брейден и приводит еще с десяток примеров. Для таких заявлений у путешественника и ученого есть основания — он на протяжении многих лет изучал древние практики молитвы. Он побывал в Тибете, горных районах Перу, в Израиле и Египте. В частности, Брейден апеллирует к найденному в 1947 году в районе Мертвого Моря свитку Исайи — в этом документе говорилось о том, что люди обладают внутренней способностью влиять на будущее развитие событий. «Западное общество утратило древнюю мудрость», — резюмирует Брейден, и тут же дает нам надежду: мы всегда способны изменить мир к лучшему.

Джанет Глисон

Гренадилловая шкатулка

М., «Рипол-классик», 2008

Удивительный детектив, сочетающий в себе лучшие черты исторического и любовного романов. Удивительный, прежде всего, потому, что все серьезные игроки на этом рынке уже известны. Кстати, Джанет — не новичок. Она уже опубликовала две книги; имеет степень доктора наук в области истории искусств и английского языка, несколько лет проработала в «Сотбиз» и «Бонхэмз». Потому описание работы краснодеревщиков 18 века под руководством Томаса Чиппендейла — весьма убедительно. Характеры героев — живые и яркие. Ее Натаниэль Хопсон — почти что Джим Хопкинс — оказывается в центре интриги. Его задача — отыскать убийцу двух человек: коллеги Партриджа и заказчика, лорда Монфорта. Таинственная шкатулка — ключ к разгадке тайны — сделана из дерева, которое называют партридж... Нескончаемая интрига изложена от первого лица, хорошим литературным языком, в хорошем же переводе.

Надежда ПАНЧЕНКО